

ФГБОУ ВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 6 (32) 2011

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, зав. кафедрой языков и литературы Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов Олег Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»
© Лаборатория
межкультурных коммуникаций
© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 21.09.11
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.
Объем: 9,3 усл.п.л.
Тираж 500 экз. Заказ 791

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.
454084, г.Челябинск,
Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова И. Н.** Семантическое своеобразие адъективных лексем, функционирующих в описаниях природы у М. Ю. Лермонтова 7
- Борунов А. Б.** Функции слов сниженного стилистического тона в художественной литературе (на материале современных американских романов) 12
- Верзинская И. В.** Концептуальный признак комической контрастивности в художественном дискурсе 18
- Гайворонская-Кантомирова А. Н.** Семантическое пространство категории 'холод' в художественном творчестве Варлама Шаламова 24
- Кунусова А. Н.** Образ кафе «Флориан» в контексте русской поэтической венецианы XX века 30

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Абрамова Е. В.** О губных гласных современного нидерландского языка и их сопоставлении с губными согласными русского языка 35
- Ананьина М. А.** Стилистическая функция синтаксической конвергенции 41
- Антипова Е. А.** Профессиональная коммуникация сферы услуг (на примере сопоставления торговли и образования) 47
- Бурнаева К. А.** Ассоциативное поле как способ моделирования фрагмента языкового сознания 51
- Тюрикова Н. А.** Единицы документных текстов: сфера фиксации ...59
- Хаджаева Н. Х.** Лингвокультурологический аспект возникновения в языке социальной лексики 66

ЯЗЫК СМИ

- Андрющенко Е. А.** Лингвистические средства выражения образа «чужого» в военном дискурсе (на материале британских СМИ) 71
- Дьякова А. А.** Основные характеристики функциональных типов текстов юридического дискурса, адаптированных к условиям медийного дискурса 79

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

- Газизулина Л. Р.** Особенности номинации базового слоя
варианта концепта VIOLENCE
американской этноконцептосферы 87
- Джадалиева Е. Ю.** К вопросу о гендерных особенностях
коммуникативного поведения мужчин и женщин
(на материале немецкого языка) 93
- Леонтьева К. И.** Процессуальная эвристика поэтического перевода:
интерпретативная составляющая и категория гармонии 100
- Фёдорова К. Л.** Фразеологизмы с компонентами-метеонимами
«дождь» / «gain» в русском и английском языках 111

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

- Бобыкина И. А.** Стратегии лингвосамообразования
как компонент содержания формирования культуры
лингвосамообразования 115
- Жиленко Н. В.** Личностно-ориентированные технологии
в обучении иностранному языку 119
- Мацкевич К. О.** Технология интенсивного обучения
иностранному языку в старших классах средней школы 125
- Полуяхтова С. В.** Концепция межкультурного обучения
иностранному языку в высшем экономическом образовании ...131
- Яковлев А. А.** Теория перевода как основа его преподавания 136

АННОТАЦИИ 140

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 145

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

Anisimova I. N. Semantic Originality of Lexemes-Adjectives Functioning in Descriptions of the Nature at M.J. Lermontov's	7
Borunov A. B. Functions of Low-Stylistic Words in Fiction Literature (on the material of modern American novels)	12
Verginskaya I. V. Conceptual Sign of Comic Contrast in Fiction Discourse	18
Gayvoronskaya-Kantomirova A. N. The Semantic Space of the Category Cold in Varlam Shalamov's Art	24
Kunusova A. N. Image of Cafe "Florian" in the Context of Russian Poetic Venetian of the 20th Century	30

LANGUAGE STUDIES

Abramova E. V. About Labial Consonants of Modern Dutch Language and Their Comparison with Labial Consonants of the Russian Language	35
Ananina M. A. Stylistic Function of Syntactic Convergence	41
Antipova E. A. Professional Communication in Service Sphere (comparing trade and education)	47
Burnaeva K. A. Associative Field as the Way of Modeling Speech Consciousness Fragment	51
Tyurikova N. A. Units of Document Texts Fixing Approach	59
Khadgaeva N. Kh. Lingvoculturological Aspect of Appearance in the Language of Sociolect Vocabulary	66

LANGUAGE OF MASS MEDIA

Andryushchenko E. A. Linguistic Means of Expression of Image "Alien" in Military Discourse (on the material of British mass-media)	71
Dyakova A. A. Basic Characteristics of Functional Types of Judicial Texts Adopted to the Conditions of Media Discourse	79

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Gazizulina L. R. Peculiarities of Nomination of Basic Layer of Variant of Concept VIOLENCE in American Ethnic Conceptosphere	87
---	----

Jandalieva E. Yu. To the Question of Gender Peculiarities in Communicative Behaviour of Men and Women (on the materials of German language)	93
Leontieva K. I. Process Heuristics of Poetry Translation: Interpretational Component and the Category of Translation Harmony	100
Fyodorova K. L. Phraseological Units with Components-Meteonims “Rain” in Russian and English Language	111
METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING	
Bobykina I. A. Strategy Self-education as a Component of the Maintenance of Formation of Culture Self-education	115
Gilenko N. V. Personality-Oriented Technologies in Foreign Language Teaching	119
Matskevich K. O. Technology of Intensive Foreign Language Teaching in High School	125
Poluyachtova S. V. Concept of Cross-cultural Foreign Language Teaching in High Economic Education	131
Yakovlev A. A. Translation Theory as the Basis of Its Teaching	136
ABSTRACTS	140
INFORMATION ABOUT AUTHORS	145

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АДЪЕКТИВНЫХ ЛЕКСЕМ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В ОПИСАНИЯХ ПРИРОДЫ У М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Исследование выполнено в рамках госконтракта № 16.740.11.0291 «Лингвистический анализ пейзажных описаний» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

И. Н. Анисимова

В статье дан анализ семантики имён прилагательных, входящих в состав пейзажных описаний текстов Лермонтова.

Ключевые слова: адъективная лексема, пейзажное описание, Лермонтов.

Лермонтовские пейзажи отличаются особым богатством в передаче не только зрительного впечатления, но и звуков, запахов, а также тактильных ощущений посредством адъективных лексем: ... *здесь все дышит уединением; здесь все таинственно - и густые сени липовых аллей, склоняющихся над потоком, который с шумом и пеною, падая с плиты на плиту, прорезывает себе путь между зеленеющими горами, и ущелья, полные мглой и молчанием, которых ветви разбегаются отсюда во все стороны, и свежесть ароматического воздуха, отягощенного испарениями высоких южных трав и белой акации, и постоянный, сладостно-усыпительный шум студеных ручьев, которые, встретясь в конце долины, бегут дружно взапуски и наконец кидаются в Подкумок («Герой нашего времени»).* Возможно, такое семантическое многообразие сыграло свою не последнюю роль в том, что строки поэта стали столь знамениты:

*Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,*

*Из-под куста мне ландыли **серебристый**
Приветливо кивает головой;...*

Среди адъективов зрительного восприятия в рассматриваемых описаниях пейзажа преобладают лексемы со значением цвета, что, впрочем, характерно для языковой системы в целом [2]. Наиболее частотны следующие стандартные названия: *синие (горы), голубое (небо), красная (заря), зеленый (лист), белый (снег), желтая (нива)* и др., а также семантические дериваты – относительные по происхождению прилагательные, сравнивающие цвет с каким-либо предметом, веществом или явлением: *серебристый (ландыш), золотой (луч солнца), жемчужная (цепь туч)* и др. Используются сложные образования из двух основ или слов: *лазурно-яркий (свод небес), темно-синие (вершины гор), светло-синяя (высота), светло-лиловая (стена гор), разноцветные (камни), полусветлый (небосклон)* и др.

По нашим наблюдениям, для стиля Лермонтова характерно использование цветowych прилагательных с суффиксами *-оват- (-еват-), -ист-: красноватые (скалы), бледноватый (отблеск), голубоватый (туман), синеватая (мгла), огнистые (края туч), серебристый (снег), золотистый (песок)* и др. В таком стремлении передать малейшие оттенки цвета явно усматриваются черты романтизма, хотя исследователями отмечается, что лексическая эволюция языка Лермонтова демонстрирует разрушение семантической системы романтизма (Лермонтовская энциклопедия. Частотный словарь. Предисловие [3]).

Помимо основного значения (имеющий низкую температуру) прилагательное *холодный (холодное утро)* в рамках рассматриваемых пейзажных описаний широко реализует свое цветковое значение «близкий к цвету воды, льда, воздуха»: *Солнце пряталось за **холодные** вершины...* («Герой нашего времени»).

Некоторые из признаков лексем имеют дополнительное оценочное значение, как правило, положительной оценки: *...хороводы звезд **чудными** узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другую **гасли**...* («Герой нашего времени»); ***Прекрасны** вы, поля земли родной, / **Ещё прекрасней** ваши непогоды* («Прекрасны вы, поля земли родной...»). В исследуемых фрагментах текста оценка описываемым природным объектам часто даётся с помощью прилагательных: ***Славное** место эта долина!* («Герой нашего времени»). Выражающие оценку прилагательные выступают в составе сказуемого в качестве именной части или же являются семантически значимыми определениями.

Безусловно, использование имён прилагательных в пейзажных описаниях текстов золотого века русской литературы, к которым принадлежат произведения Лермонтова, отличается определённой архаичностью, проявляющейся прежде всего на фонетическом уровне (например, *младой*). Причём старославянизмы с неполногласием особенно характерны для стихотворных произведений, их принято именовать поэтизмами: *младые тучки*, *сребристый блеск* («Люблю я цепи синих гор...»); *сребристые облака* («Видение»), *хладная пыль* («Желанье»), *Там рыбок златые гуляют стада* (Русалка), *младая чинара* («Листок»), *Последний солнца луч златой / На льдах сребристых догорает* («Кавказский пленник») и др. Являясь неотъемлемой частью поэтической речи того времени, они придавали описаниям природы определённую торжественность. Однако рассматриваемые нами тексты отличаются нестандартностью в употреблении поэтизмов.

* * *

*Посреди небесных тел
¶Лик луны туманный,
Как он кругл и как он бел,
¶Точно блин с сметаной.
Каждую ночь она в лучах
¶Путь проходит млечный.
Видно, там, на небесах,
¶Масленица вечно!
1840*

В данном стихотворении, полностью представляющем собой пейзажное описание, восторженное восприятие звёздного неба и луны необычно сочетается с ироничным отношением к романтическому стилю в лирике природы. Стилиевой контраст возникает при соединении в пределах небольшого текстового фрагмента поэтизмов (*небесные тела*, *лик луны*, *туманный*, *небеса*, *млечный*, *вечно*) и слов нейтральной лексики бытового характера (*кругл*, *бел*, *блин с сметаной*, *видно*, *Масленица*). Разговорным является употребление краткой формы *каждую* в роли определения. «Ряд стихов позднего Лермонтова называют «иносказательными пейзажами» [3].

Необычная лексическая сочетаемость прилагательных с существительными, не зафиксированная современными словарями сочетаемости слов русского языка, часто бывает связана с одушевляющими адъективами, т.е. такими, которые обычно употребляются

с субстантивами, называющими живых существ и чаще всего человека: **радостный** луч молодого дня («Герой нашего времени»), **угрюмые скалы** («Кавказский пленник»), **сердитый поток** («Дары Терека»). Это примеры собственно языковой экспликации «романтического антропоморфизма» изображения природы: как известно, в лирических произведениях поэта природные объекты часто наделяются человеческими страстями: сосна, пальма, утёс, тучи, парус способны радоваться и огорчаться, испытывать чувства одиночества и свободы.

Достаточно часто прилагательные пейзажных описаний употребляются в сравнительной степени простой формы, например: *На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что оно гораздо выше, чем у нас на севере...* («Герой нашего времени»); *Высоких лип стал пасмурней навес, / Когда луна взошла среди небес...* («Ночь. III»); *Под ним струя светлей лазури* («Парус») и др.

Эпитет-прилагательное *туманный* отличается частотной сочетаемостью с названиями разнообразных природных объектов в составе пейзажных описаний (*лик луны туманный, восток туманный, туманный лес* и др.). По данным Частотного словаря, эта лексема значится вверху списка тысячи самых частых слов, встречающихся в текстах Лермонтова (Лермонтовская энциклопедия [3]).

Семантика слова *свежий* в составе рассматриваемых пейзажных описаний не однозначна: *свежий (ветер), (воздух) свеж*, — как правило, сведения о запахе: *Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка* («прохладный и чистый, не спертый» по Ожегову [1]); *Тихие долины / полны свежей мглой* («Из Гете»); *Утро было свежее, но прекрасное* («Герой нашего времени») – синоним слова *холодный* (передача тактильных ощущений).

Таковы в общих чертах функционально-семантические особенности употребления адъективов в составе пейзажных описаний М. Ю. Лермонтова.

Список литературы

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1996. – 928 с.
2. Шрамм, А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных

List of literature

1. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogoazyka [Tekst] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – M. : AZ##, 1996. – 928 s.
2. Shramm, A. N. Oчерki po semantike kachestvennyh

тельных [Текст] / А. Н. Шрамм. – Л., 1979. – 134 с.

3. ЭНИ «Лермонтов» в Фундаментальной электронной библиотеке «Русская литература и фольклор» (ФЭБ) [Электронный ресурс]. – <http://feb-web.ru/feb/lermont/default.asp>

prilagatel'nyh [Tekst] / A. N. Shramm. – L., 1979. – 134 s.

3. JeNI «Lermontov» v Fundamental'noj jelektronnoj biblioteke «Russkaja literatura i fol'klor» (FJeB) [Jelektronnyj resurs]. – <http://feb-web.ru/feb/lermont/default.asp>

**ФУНКЦИИ СЛОВ СНИЖЕННОГО СТИЛИСТИЧЕСКОГО
ТОНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ
РОМАНОВ)**

А. Б. Борунов

В данной статье рассматриваются особенности употребления сленга, вульгаризмов, жаргонизмов и их функции в языке художественной литературы. Материалом для анализа послужили тексты американских романов.

Ключевые слова: вульгаризм, сленг, слова сниженного стилистического тона, современные американские романы.

Считается, что в стиле художественной литературы употребляется преимущественно общенациональный литературный язык. Однако обширную часть словаря современного английского языка составляют слова «сниженного стилистического тона», или «нелитературные» слова [5. С. 109]. Сюда входят разговорные слова, или коллоквиализмы, слова интержаргона (или общего сленга), слова и выражения профессиональных и социальных жаргонов (или специальных сленгов), диалектизмы и вульгаризмы.

Трудность выделения таких единиц заключается в их недостаточной изученности, что затрудняет дифференциацию между этими пластами лексики: «...понятие “сленг” до настоящего времени остаётся неопределённым. Под “сленгом” понимаются и просторечные слова, и диалектизмы, и неологизмы, и жаргонизмы, и шуточные словообразования, и многое другое» [5. С. 113].

Сленг можно определить также как «особый, исторически сложившийся и, в большей или меньшей степени, общий всем социальным слоям говорящих вариант (преимущественно лексических) норм, бытующих в основном в сфере устной речи и функционально отличный от жаргонных и профессиональных элементов языка» [5. С. 114].

Стилистические функции сленгизмов – это ярко выраженная экспрессивность, грубоватость, оценочность, шутливость, оттенок пренебрежительности и др. — носят не дифференцирующий, а опи-

сательный характер и могут быть применены практически ко всем слоям лексики сниженного стилистического тона [5. С. 113]. Чаще всего они применяются в целях более эмоциональной характеристики описываемого предмета и явления. Кроме того, сленг появляется и в качестве средств языковой характеристики персонажей. Во многих произведениях писатели проводят границу между героями, используя сленг. Естественно, необразованные герои, стоящие на нижней ступени социальной лестницы, будут довольно часто использовать сленгизмы в своих репликах, в противоположность героям, стоящим «выше». Например: *She hurried to the door. Swinging it open, she stared at the six-foot-two, dark hair hunk in front of her* [7. С. 9]. Слово “hunk” имеет помету «сленг» в словаре А. Ю. Кудрявцева [2. С. 157] и имеет значение “физически привлекательный мужчина”, использование данного слова в этом контексте показывает читателям ощущение от восприятия незнакомца.

В современных стилях английского литературного языка, в которых могут быть использованы сленгизмы, т.е. в стиле художественной речи и в газетном языке, они обычно употребляются без кавычек, им открыт более свободный доступ в литературный язык. Персонажи свободно используют в речи слова, которые в словаре имеют помету «сленг». Рассмотрим предложение: *A grin curled his mouth. What better time to mosey up and say hello?* [6. С. 55]. «To mosey up», согласно словарю Мюллера, имеет помету «сленг» [4. С. 504]. В данном примере использование сленга в сочетании со словом «grin» создаёт отношение недоумения и пренебрежения к происходящей ситуации.

В литературе используются разговорные слова и выражения с целью показать «живость» диалогов героев, максимально приблизить письменный текст к разговорной речи. Разговорные слова имеют определённую сферу употребления. Они, как правило, употребляются в устной, обиходно-бытовой, преимущественно диалогической речи. В связи с этим разговорные слова обладают функционально-стилистическим значением, и многие из них входят в лексико-стилистические парадигмы и содержат компоненты экспрессивного, эмоционального и оценочного значений, противопоставляясь словам высокого и нейтрального стилистического тона [5. С. 110].

Характерной чертой разговорного стиля в художественном тексте являются такие явления, как потеря звука или слога в результате ассимиляции или диссимиляции: 'ud (=would), 'im (=him), 'assen

(have seen), wi' (=with), i' (=in), t' (to), отпадение t, употребление окончания a, например: canna (=cannot), dinna (=don't), отпадение конечного g и превращение [ŋ] в [n]: sportin' (=sporting), замена звука [e] звуком [i]: together (=together), niver (=never) и др. [5. С. 118]. Такое написание слова может быть рассмотрено как графон, который играет роль «индикатора социально-общественной принадлежности персонажа» [3. С. 153].

Графон, как правило, имеет место в речи необразованных или малообразованных героев, становясь косвенным свидетельством их культурного уровня [3. С. 154]. Исследователи выделяют две функции графонов: характерологическая (с помощью графонов характеризуем персонажа как представителя определённой социальной среды) и идейно-эстетическая, которая обуславливается позициями автора и всем содержанием произведения [5. С. 59]. Рассмотрим пример:

«Os that?» someone shouted from above.

With a feeling of relief, Dr. Bloorwise recognized the voice of Constable Hinz. <...>

«Where *hr hyou*?» The good constable's voice was puzzled. «That the doc?» <...>

«My Gawd. *Hit's* the doc.» <...>

Dr. Bloorwise who did not have a great deal of faith in the constable's abilities, found his admiration rising as he said, «Can you stitch me up, Doc, the blood's coming down me eyes, I can't see right. I've to catch that sodding bastard Twill, 'e did *this* to me.» <...>

«*Hits* the police.» Hinz had said loudly [8. С. 185–186].

Приведённые выдержки из произведения Р. Н. Митры «Грехопадение» представляют собой реплики констебля Хинза, которые пестрят графонами, т.е. просматривается нарушение литературной нормы. Констебль не выговаривает звуки в слове «what», заменяя их звуком [ɔ], вместо «what is» он произносит [ɔs], что выражено посредством графических символов (графонов): «Os». Кроме того, он произносит форму вспомогательного глагола «are» с придыханием, что графически передано с помощью символа «h» перед глаголом и местоимением, а глагол звучит вместо нормативного [a:], как [*ɹ] аспирированное. Опускание в речи звука [h] и замена его графически посредством апострофа «'» рассматривается как характерная черта сленга [9. С. 41]. Также констебль произносит [*its], что выражено графически как «*Hit's*». Всё это является примером

использования вульгаризмов в литературе. Сокращение форм вспомогательных глаголов *I've, I can't*, местоимения 'е, наличие сокращений (doc) является жаргонизмами [1. С. 97].

Как пишет В.А. Кухаренко: «появление таких графонов равносильно авторскому описанию условий общения (неофициальная обстановка), его характера (небрежный, бытовой разговор), и самих участников диалога как людей малообразованных» [3. С. 20].

«How do you s'pose we go about doing that?» he asked in the same *good ole boy twang*, science it clearly annoyed her [6. С. 15]. В примере можно заметить выпадение гласного [ə] в слове "s'pose", что на письме выразилось графически посредством апострофа «'», что свидетельствует о небрежном произнесении слова [s'poz] и делает ссылку на тот факт, что беседа происходит между хорошо знающими друг друга людьми и в неофициальной обстановке. Рассмотрим другие примеры: "See ya'll later," he called, and as she was shutting the door, she could swear she heard laughter [6. С. 27]; "I must'a made a wrong turn at the stairs." [6. С. 42]; "Could've dropped me down with a feather, Doc. Twill was muscular and fast. Me was on me backside on the road, as 'e ran h'away" [8. С. 186]. Здесь формы *could've, 'e ran, h'away, ya'll, must'a* ярко иллюстрируют фонетические отклонения от литературной нормы, а употребление местоимения в объектном падеже (Me) вместо соответствующей формы именительного падежа (I) показывают отклонения от грамматической нормы литературного языка.

Ещё один пласт лексики — вульгаризмы, которые часто можно встретить в современной литературе, особенно в жанре роман. Словарь Вебстера дает следующее определение вульгаризму как лингвистическому термину: «грубое выражение, или такое выражение, которое употребляется только в разговорной речи и особенно в речи некультурных и необразованных людей» [1. С. 101].

Отечественные учёные отмечают, что «под вульгаризмами понимают слова и выражения, которые не принято употреблять в обществе вследствие их грубости или непристойности» [5. С. 117]. Однако целесообразнее термин вульгаризм закрепить лишь за определенной группой слов и фразеологизмов, объединенных, одним ведущим, наиболее характерным признаком. Этим признаком будет та степень грубости, которая граничит с непристойностью. Так, И. Р. Гальперин относит к вульгаризмам, прежде всего, ругательные слова, как например: *damn, bloody, son of a bitch, to hell* и др.

[1. С. 102]. В рамках данной работы мы придерживаемся мнения И. Р. Гальперина, поэтому определяем вульгаризмы как грубые и ругательные слова. В качестве примеров можно привести следующие предложения: But what the hell. He could endure one evening with another money-hungry female [7. С. 7]; Ivy slapped a hand over her mouth. Oh, jeez. Had she really said that out loud? [6. С. 45].

Эти слова очень ограничены в своем употреблении. Их можно встретить преимущественно в прямой речи персонажей и, следовательно, только в художественных произведениях. Их назначение то же, что и междометий, т.е. выражение сильных эмоций, главным образом, раздражения и гнева. Употребление такого слова как «сопроводителя» эмоций можно наблюдать в приведенных выше примерах.

Необходимо отметить, что современная американская проза отличается тем, что писатели более свободны в выборе лексических средств. Так, наблюдается тенденция употребления слов из разных функциональных стилей: сленгизмов, коллоквиализмов, жаргона и др. с особой стилистической задачей: косвенно указать на образ жизни героя, социальный статус, уровень образования и круг общения. Естественно, данные лексические единицы используются с особой стилистической нагрузкой — показать происхождение героя или сферу его общения, уровень образования. С помощью лексики писатели очень искусно проводят незримую черту между жителями мегаполиса и провинции, образованными людьми, американцами, руководителями и жителями трущоб, эмигрантами, людьми без образования. Кроме того, нормы современного письменного языка отличаются от норм разговорной речи, а так как жанр современного романа предполагает действие, происходящее в настоящем, описание диалогов героев, их чувств и эмоций, то употребление лексики разных стилей придаёт произведению большую правдоподобность и заинтересовывает читателя.

Таким образом, слой лексики сниженного стилистического тона в разных сферах речевого общения выполняет различные стилистические функции — функцию эмоционального и экспрессивного усиления, характерологическую функцию, но во всех случаях стилистическое значение этого слоя лексики определяется особенностями речевого и ситуативного контекста [5. С. 124].

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст] / И. Р. Гальперин. – М. : Из-во литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
2. Кудрявцев, А. Ю. Англо-русский словарь сленга и ненормативной лексики [Текст] / А. Ю. Кудрявцев, Г. Д. Куропаткин. – М. : АСТ, 2006. – 383 с.
3. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста: уч. пособие для студентов пед. институтов [Текст] / В. А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
4. Мюллер, В. К. Новый англо-русский словарь [Текст] / В. К. Мюллер. – 12-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. : Медиа, 2005. – 951 с.
5. Стилистика английского языка [Текст] / А. Н. Мороховский. – Киев : Вища школа, 1984. – 248 с.
6. Celmer, Michelle. Best Man's Conquest [Текст] / M. Celmer. – New York : Silhouette Books, 2007.
7. Christenberry, Judy. The Marrying Kind [Текст] / J. Christenberry. – Harlequin, the USA, 2007.
8. Mitra, R. N. Impute Fall to Sin [Текст] / R. N. Mitra. – М. : Manager, 2005.
9. Skrebnev, Y. M. Fundamentals of English Stylistics: study manual for students [Текст] / Y. M. Skrebnev. – М. : Astrel-АСТ, 2003.

List of literature

1. Gal'perin, I. R. Oчерki po stilistike anglijskogo jazyka [Tekst] / I. R. Gal'perin. – М. : Iz-vo literatury na inostrannyh jazykah, 1958. – 459 s.
2. Kudrjavcev, A. Ju. Anglo-russkij slovar' slenga i nenormativnoj leksiki [Tekst] / A. Ju. Kudrjavcev, G. D. Kuropatkin. – М. : AST, 2006. – 383 s.
3. Kuharenko, V. A. Interpretacija teksta: uch. posobie dlja studentov ped. institutov [Tekst] / V. A. Kuharenko. – М. : Prosvewenie, 1988. – 192 s.
4. Mjuller, V. K. Novyj anglo-russkij slovar' [Tekst] / V. K. Mjuller. – 12-e izd., stereotip. – М. : Rus. jaz. : Media, 2005. – 951 s.
5. Stilistika anglijskogo jazyka [Tekst] / A. N. Morohovskij. – Kiev :Viwa shkola, 1984. – 248 s.
6. Celmer, Michelle. Best Man's Conquest [Tekst] / M. Celmer. – New York: Silhouette Books, 2007.
7. Christenberry, Judy. The Marrying Kind [Tekst] / J. Christenberry. – Harlequin, the USA, 2007.
8. Mitra, R.N. Impute Fall to Sin [Tekst] / R. N. Mitra. – М. :Manager, 2005.
9. Skrebnev, Y. M. Fundamental-sofEnglishStylistics: study manual for students [Tekst] / Y. M. Skrebnev. – М. :Astrel-AST, 2003.

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК
КОМИЧЕСКОЙ КОНТРАСТИВНОСТИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

И. В. Вержинская

В данной статье исследуется механизм описания концептуального признака комической контрастивности на материале британского художественного дискурса.

Ключевые слова: комический концептуальный признак, эндогенная характеристика, экзогенная характеристика, комическое описание.

В основе нашего исследования лежит концепция комического А. Д. Кошелева. В своей концепции он рассматривает концептуальный признак, как базовую единицу комического. Согласно А. Д. Кошелеву, категория «комическое» применима прежде всего к человеку и его свойствам. «Комичным может быть и выражение лица, и положение (ситуация), в котором человек оказался, и его жест или действие, и даже принадлежащий ему и соотнесенный с ним предмет» [1]. Как утверждает ученый, комической для наблюдателя может стать не любая черта человека (шире - воспринимаемой им действительности), а только хорошо ему известная, т.е. такая, которая, во-первых, легко узнаваема (имеет знакомый, запомнившийся образ) и, во-вторых, понятна, т. е. концептуализирована (осмыслена) человеком. Таковую дуальную черту: «целостный образ (гештальт) – его осмысление» он называет концептуальным признаком и представляет в виде пары: «образ Р человека ← его эндогенная (внутренне ему присущая) характеристика С». Подчеркиванием автор обозначает эндогенность характеристики С, а стрелкой – отношение интерпретации, связывающее образ Р с эндогенной характеристикой С (присущей образу Р независимо от окружения, в котором он находится, от контекста или ситуации, в которую оказался включенным). Концептуальный признак «образ Р ← характеристика С» становится комическим, если в результате описания (юмористического рассказа, анекдота, смешного изображения и пр.) образу Р приписывается ещё одна характеристика, которая а) противоположна эндогенной

характеристике С и б) экзогенна, относительно, вызвана внешними причинами (ситуацией или контекстом). А. Д. Кошелев приходит в своей статье «О природе комического и функции смеха» к следующему выводу: «известный человеку концептуальный признак «Образ Р ← Характеристика С» становится для него комическим, если при восприятии описания этого признака образ Р получает новую дополнительную трактовку –С, которая а) экзогенна, б) противоположна его эндогенной характеристике С и в) умеренно негативна. Концептуальный признак «Образ Р ← его Характеристика С», получающая дополнительную трактовку –С со свойствами а)-в), становится комическим».

Комический признак = Образ Р человека ← его Характеристика: (эндогенная С ↔ экзогенная –С). С обозначает эндогенную (подчеркнута) характеристику образа Р, позитивность которой преувеличивает (полужирное выделение) над небольшой негативностью (знак минус) новой трактовкой –С образа Р; стрелка ↔ указывает на противоположность новой трактовки исходной характеристике С, а пунктир – на её экзогенный статус (приписана образу Р лишь на основе внешнего сходства Р с качественно другим образом). Описание концептуального признака (текст, изображение, звукоподражание и пр.), придающее ему трактовку – С, А. Д. Кошелев называет комическим описанием. Такое комическое описание А. Д. Кошелев применяет на примере шуточных фотопортретов, комических шаржей, анекдотов, комических зарисовок. Мы в нашем исследовании предлагаем рассмотреть механизм функционирования данной схемы на примере художественного текста произведения юмористического жанра фэнтези. В основе представленных нами примеров лежит стилистический прием преувеличения. Преувеличение представляет собой некоторое противоречие, отклонение от нормы, которое образует лингвокультурологическое поле многочисленных концептуальных признаков, получающих комическую трактовку в рамках приведенной схемы. Возьмем примеры преувеличения из текста художественного произведения Терри Пратчетта «Carpe Jugulum»:

1) *There was something unmistakable about him. It was as if he was a witch. It wasn't that his black robe ended at the knees and became a pair of legs encased in grey socks and sandals, or that his hat had a tiny crown but a brim big enough to set out your dinner on [2. P. 45]. В нем было что-то такое, что сразу же выделяло его из толпы. Словно что-то ведьмовское. И дело было вовсе не в том, что он был одет в черную*

рясу, из-под которой торчали ноги в серых носках и сандалиях, и не в шляпе с крошечной тульей и полями настолько большими, что на них можно было подавать обеденную трапезу.

Священник, которому отведена роль бороться с нечистью, а именно вампирами, захотевшими захватить королевский замок Ланкра, был отнюдь не простой личностью. В нем было что-то колдовское. Об этом говорило не что иное, как широкие поля шляпы, настолько необычайные по своей широте, что они буквально могли сослужить столом для обеденной трапезы. Преувеличение «полями настолько широкими, что они могли сослужить столом для обеденной трапезы» актуализирует следующий концептуальный признак: образ действия: внешний вид священника ← Характеристика: **(незаметный ↔ – привлекающий внимание шляпой с полями настолько широкими, что они могли сослужить столом для обеденной трапезы)**. Процедура идентификации в результате сообщаемой информации о размерах полей шляпы устанавливает чрезвычайную ширину её полей. Процедура интерпретации анализирует особенности нового концептуального признака, исходя из экзогенной характеристики образа, и приписывает ему совершенно иную трактовку, противоречащую его эндогенному статусу. Однако, экзогенная характеристика в силу своей несущественности, а также в силу того, что она исходит извне, не может претендовать на статус эндогенной. Поля шляпы не изменяют своей основной функции: быть частью шляпы, а не столом для обеденной трапезы. Концептуальный признак «внешний вид священника ← **незаметный**» в интерпретации «внешний вид священника ← - привлекающий внимание шляпой. . с полями настолько широкими, что они могли сослужить столом для обеденной трапезы» приобретает комический оттенок.

2) *It wasn't simply big hair, it was enormous hair, as if she was trying to counterbalance her body. It was glossy, it never split, and was extremely well behaved except for a tendency to eat combs [2. P. 111]. Это были не просто длинные волосы, это были огромные волосы, с помощью которых, казалось, она пыталась уравновесить свое тело. Они были блестящими, никогда не секлись, выглядели ухоженными, за исключением одной маленькой неприятности – они буквально съедали все гребешки.*

Преувеличение «огромные волосы, с помощью которых, казалось, она пыталась уравновесить свое тело» создает новый образ длины волос, идущий вразрез с первоначальным образом, иденти-

фицируемым в нашем сознании, как допустимый, рассматриваемый в рамках дозволенного. Актуализируется следующий концептуальный признак: образ: волосы ← Характеристика: (**невесомые** ↔ - **весомые, помогают уравновесить тело**). Новая трактовка в силу экзогенности своего характера является умеренно негативной и противопоставляется эндогенной характеристике. Данное противоположение или противоречие является преувеличенным и не элиминирует эндогенной характеристики образа. Образ, благодаря данному преувеличению, наделяется комическим признаком.

3) *She fumbled in the bottomless storeroom of her knickerleg and produced a couple of pairs of socks so thick that they could have stood by themselves. [2. P. 184] Она нащупала в бездонной кладовой своих панталон две пары носков таких толстых, что они могли стоять.*

Исходя из вышепредставленного стилистически окрашенного предложения, получаем следующую концептуальную схему его комического описания: образ: носки ← Характеристика: (**толстые, мягкие** ↔ - **твердые, могут стоять**). Процедура идентификации в результате сообщаемой информации устанавливает высокую плотность материала, из которого были изготовлены носки. Процедура интерпретации вносит некоторое противоречие в понятие о норме вышеупомянутого материала, из которого изготовлены данные предметы одежды и слегка искажает их эндогенный статус. Концептуальный признак «носки ← **толстые, мягкие**» превалирует над концептуальным признаком «носки ← - **твердые, могут стоять**», в силу сохранения эндогенности своего статуса, но приобретает оттенок комичности своей добавочной экзогенной трактовкой, слегка искажающей его эндогенный статус.

4) *"Lancre wool," she said. "Our Jason knits 'em of an evenin' and you know what strong fingers he's got. You could kick your way through a wall" [2. P. 184]. Ланкрская шерсть, «сказала она. Наш Джейсон вяжет по вечерам, а вы знаете какие сильные у него пальцы. Такими носками можно и стену пробить.*

В данном случае образ «носки» характеризуется как «**плотные, мягкие**» в эндогенной актуализации. Умеренно негативному поверхностному изменению первоначального образа или приданию ему дополнительной характеристики способствует обусловленная контекстом экзогенная характеристика «- **твердые, могут пробить стену**». В результате получаем следующую схему комического описания концептуального признака: образ: носки ← Характеристика:

(плотные, мягкие ↔ - твердые, могут пробить стену). Здесь процедура интерпретации устанавливает некоторое расхождение между сущностью представленного образа и характером проявляемого им свойства. Но экзогенная характеристика не претендует на статус эндогенной в силу сохранения качественной сущности предмета, образ которого концептуализируется.

5) *The bucket containing a cocktail of waters blessed by a knight of Offler, a High Priest of IO and a man so generically holy that he hadn't cut his hair or washed for seventy years, landed on the first two to run through.* [2. P. 379] *Ведро с коктейлем вод, освященных Рыцарем Оффлера, первосвященником Ио и человеком настолько святым, что он не стригся и не мылся целых семьдесят лет, упало на первых двух вампиров, ворвавшихся внутрь.*

Процедура идентификации концептуализирует образ «внешний вид священника» характеристикой **«святой, одухотворенный, чистый»**. Процедура интерпретации слегка негативизирует позитивность данного образа характеристикой «- не стригся и не мылся целых семьдесят лет». Образ с его эндогенной характеристикой получает дополнительную внешне обусловленную экзогенную характеристику, придающую комизм. Получается некоторое противоречие: концепт «святой, одухотворенный» имеет позитивную характеристику, подразумевающую значение лишения земных благ, самопожертвования. Концепт «настолько святой, что не стригся и не мылся целых семьдесят лет» приобретает в данном случае слегка утрированную характеристику, идущую вразрез с первой, наполняющую значение «святой» искаженным смыслом. Однако характеристика «- священник не стригся и не мылся в течении семидесяти лет» не лишает священника его высокого статуса, а придает описанию его внешнего вида комичность. В результате получается следующий концептуальный признак: образ: внешний вид священника ← Характеристика: **(святой, одухотворенный, чистый ↔ - грязный, не стригся и не мылся целых семьдесят лет)**, где превалирует эндогенная характеристика.

6) *Beside her, Scraps started to growl. Perhaps it was something to do with his extensive surgery, but Scraps growled in half a dozen different pitches all at once* [2. P. 387]. *Лежавший рядом Хвостоклок начал рычать. Возможно это были некоторые последствия масштабной хирургии, позволяющие Хвостоклоку рычать одновременно в полдюжине тональностей.*

Преувеличение, актуализируемое посредством следующего стилистического оборота «последствия масштабной хирургии, позволяющие Хвостоклоку рычать одновременно в полдюжине тональностей» создает следующий концептуальный признак: образ действия: рычание собаки ←Характеристика: (**обычное, свойственное собаке** ↔ - **не свойственное собаке, имеющее в своем диапазоне полдюжины тональностей**). Некоторый статус негативности приобретает экзогенная трактовка - **имеющее в своем диапазоне полдюжины тональностей**, так как она противоречит исходной эндогенной трактовке **обычное, свойственное собаке**. Реципиент, или, в данном случае, читатель, декодирует рассматриваемую характеристику как чужеродную или несвойственную образу, носящему статус эндогенности. Данный образ приобретает статус комического только при осознании его вымышленной характеристики, приобретаемой в рамках контекста фэнтезийного произведения. Процедура идентификации устанавливает категорию животного, а именно собаку, как персонаж фэнтезийного художественного произведения. Процедура интерпретации слегка искажает общепринятые нормы в рамках которых актуализируется образ данного вида животного и наделяет его концептуальным признаком отличным от нормативного. Но негативность экзогенной характеристики ни в коем случае не элиминирует позитивность эндогенной, а придает образу комичность.

Итак, проанализировав вышеперечисленные примеры на предмет комического концептуального признака, мы выяснили, что схема комического описания А.Д. Кошелева является универсальной и может быть применима в лингвистике, в частности, в лингвистических художественных текстах жанра юмористического фэнтези.

Список литературы

1. Кошелев, А. Д. О природе комического и функции смеха [Электронный ресурс] / А. Д. Кошелев. – http://ethology.ru/files/koshelev_smeh.pdf
2. Pratchett, T. Carpe Jugulum. Doubleday edition [Текст] / Т. Pratchett. – Great Britain, 1998. – 425 p.

List of literature

1. Koshelev, A.D. O prirode komicheskogo i funkcii smeha [Elektronnyj resurs] / A. D. Koshelev. – http://ethology.ru/files/koshelev_smeh.pdf
2. Pratchett, T. Carpe Jugulum. Doubleday edition [Tekst] / T. Pratchett. – Great Britain, 1998. – 425 p.

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАТЕГОРИИ 'ХОЛОД'
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ
ВАРЛАМА ШАЛАМОВА**

А. Н. Гайворонская-Кантомирова

Фундамент творчества Варлама Шаламова составляют тексты колымской тематики. Именно семантика несвободы, географическая «крайность» локуса сообщают категории Холод бесконечное множество уникальных оттенков смысла. Холод становится не просто знаком ареала вечной мерзлоты, но его основной характеристикой, связанной не только с физиологическими ощущениями, но с отпечатыванием «рисунка» Колымы на внутреннем, духовном мире человека.

Ключевые слова: Варлам Шаламов, семантическая категория, художественный контекст, пространство Колымы, холод, мороз, лёд, вечная мерзлота, кровь, боль, смерть, перерождение, память.

Известное свойство холода сохранять некое исходное качество вещества в текстах «колымской» тематики получает уникальную интерпретацию. Холод становится не просто «элементом отделки», художественной «огранки», центром эмоционального сгущения энерготоков, но фундаментальной данностью, реалистическим основанием, от которого восходят антропоцентрические, социальные доминанты, участвующие в воплощении художественного замысла автора. Холод в контексте «колымской» темы полисемантичен.

В рамках статьи невозможно рассмотреть весь массивный пласт «колымской» поэзии и прозы. Обратимся к творчеству Варлама Шаламова. Именно «колымская» тема определила эволюцию развития его художественного мастерства – и поэтического, и прозаического.

Особого внимания заслуживают категории *Холода* и *Голода*, определяющие бытие (во всех смыслах этого слова) героя В. Шаламова на Колыме. Однако Голод в большей мере становится категорией исключительно физиологического плана, господствующей в прозе и почти не реализуемой в контексте лирики. В физиологическую, «внешнюю», доминанту категории *Холода* почти всегда вливается неосязаемая «внутренняя» составляющая: соприкосновение с

Холодом губительно для тела, а впоследствии – для души («Мороз, тот самый, который обращал в лед слюну на лету, добрался и до человеческой души» (I. С. 57)). Еще более *Холод* проникает в сферу внутреннего, глубинного в поэзии В. Шаламова.

Среди множества семантических потоков, излучаемых категорией *Холод* в поэтическом творчестве В. Шаламова наиболее ярким представляется отождествление колымского локуса с последним кругом ада, о чем свидетельствуют уникальные ёмкие образы, сближающие «колымскую» лирику В. Шаламова с Дантовским текстом:

... люди, стиснутые льдами,

В осатанелом вое вьюг

Окоченевшими руками

Хватались за Полярный круг (III. С. 152).

Леденеют борта ковчега

У последних моих границ.

Нет путей кораблю обратно,

Он закован навек во льду,

Сквозь метель к моему Арарату,

Задыхаясь, по льду иду (III. С. 102).

Кому-то нынче день погожий,

Кому – томящая жара,

А я, наверно, проморожен

Тайгой до самого нутра (III. С. 119).

И, как червяк, дорога вьется

Через леса

Со дна библейского колодца

На небеса. (III. С. 93).

Холод в стихах В. Шаламова символизирует смерть либо приближение к ней («Здесь морозы сушат реки...», «В этой стылой земле, в этой каменной яме...»). Очевидна ассоциативная связь и с темой вечности (стихотворение «Все те же снега Аввакумова века...»), одна из вариативных формул которой заключает дихотомию *человеческое / божеское*, где звеном, связующим полюса, становится молитва (молитва огню и теплу).

Мороз творит метаморфозы, восприятие которых доступно только искажённому сознанию (все ощущения человека в пространстве Колымы проходят сквозь призму вечной мерзлоты, «выверены» колымским морозом): «Оптический обман – / Изнанка ностальгии, /

Морозный наш туман / Масштабы дал другие. / В рулетках и часах, / В любви и в преступленьях, / Чтоб мы о чудесах / Имели представленье» (III. С. 26). Одно из таких чудес–миражей – удалённый, скрытый от людских глаз домик, в котором тепло, уютно, в котором живет любовь: «Мы бредем по ненастью, / Ищем сказочный дом, / Где бы ветры не дули, / Где бы крыша была, / Где бы жили июли / И где б не было зла». Мороз дает больному воображению вожаемое видение: «Этим сказочным домом / Бредит каждый, и вот / Он находит хоромы / И в хоромы идет. / Но усталые взоры / Не заметят впопыхах – / Это иной узоры / Налепил на дверях. / Невеселая келья / Холодна и темна» (III. С. 84–85). Даже около Бога мерещится герою Шаламова тепло не райского сада, но тепло печки – недостижимый минимум в обжигающем морозом кусочке земного пространства: « Попрошу у Бога места, / Теплый уголок, / Где бы мог я слушать песни / И писать их мог, / Я б тихонько сел у печки, / Шевелил дрова» (III. С. 26–27). В стихотворении «Перед небом» мечта о доме («Химера возвращения в дом») приравнивается к боли, которой уже не должно быть («... пальцем, съеденным морозом, / Он тычет прямо в небеса. / Тот палец – он давно отрезан»), а она остается. «Компоненты» ассоциативного калейдоскопа *Мечта о доме*, *Боль* становятся частицами единого полотна, представляющегося измученному воображению и сознанию героя – *Свободы*. «Запредельность» особого знания определяет самую высшую степень свободы (даже не свободы, а *воли*) героя: «Он сам – Христос, он сам – распятый. / И язвы гнойные цинги – / Как воспаленные стигматы / Прикосновения тайги» (III. С. 72–73).

Пытка обморожением дает человеку *волю*, выраженную в обретенной безграничной *смелости*: «Отмороженные руки, / Отмороженные ноги... / Жить бы стало очень смело / Укороченное тело, / Я б собрал слюну во рту, / Я бы плюнул в красоту, / В омерзительную рожу. / На ее подобье Божье / Не молился б человек, / Помнящий лицо калек...» (III. С. 189), силы духа и мысли (стихотворение «Он пальцы замерзшие греет...»)

Противостояние тепла холоду выходит в стихах В. Шаламова за пределы колымского локуса – фундаментального основания лирики, становится ведущей антиномией, определяющей амплитуду ритмов духовного, сокровенного человеческого мира («... Данте молча взял топор / И расколол святой узор, / Зажавший в мрамора тиски / Тепло ребяческой руки. / <...> / И призрак Данте до сих пор / Ещё с моих не сходит гор, / Где жизнь – холодный мрамор слов, / Хитро завязанных узлов» (III. С. 80).

Нельзя не остановиться и на реализации «классической» функции *Холода* – «сбережения», «заморозки» качества, свойства. В контексте шаламовской лирики более всего это отнесено к «телам нетленным», «распятым и убиенным», которые на Колыме сохраняются вечно. Нетленна и сама память Колымы, заставляющая автора мысленно возвращаться туда вновь и вновь.

Столь пространный экскурс в поэтический мир В. Шаламова во все не лишний для постижения неуловимого семантического оттенка категории *Холод* в прозе. Обратимся к двум произведениям мастера – рассказу «Академик» (1961) и «Перчатка» (1970-1971). Произведения эти не только связаны единой темой – «перекраивания», «переделывания» Колымой человека: во втором содержится ключ к закодированному первому.

Простой, на первый взгляд, сюжет об интервью, которое берет журналист Голубев у академика «с большим именем», «обрастает» множеством «деталей – «кодов», ключи к которым автор в начале шестидесятых еще не предлагает. Действие, совершающееся вне колымского топоса, то и дело обращается к иному времени и пространству, привлекает опыт читателя «колымской» темы: «Это был хороший журналист, а двадцать лет назад – очень хороший» (I. С. 259); «Дверь в прихожую академик оставил открытой.

«Как в «тех» кабинетах», – лениво подумал Голубев» (I. С. 262); наконец, «обрубают» финал: «Плечевые суставы Голубева были разорваны на допросах в тридцать восьмом году» (I. С. 266). Именно эти экскурсо-фразы являются яркими «флажками» «колымской» темы. Однако не менее заметными оказываются экскурсо-образы, обретающие не только силуэт, но и расцветку в контексте параллельного прочтения «Перчатки».

Среди прочих вещей, которыми завалены полочки и рояль в кабинете академика, внимание журналиста Голубева привлекает пепельница в виде головы Мефистофеля. Она «была непонятна» среди других фигурок («грузная, провинциальная»), и напряженная память Голубева как бы «спотыкается». Слово «непонятна» ищет ключа. И этот ключ подбирается в виде образа того же Мефистофеля, но уже украшающего чернильный прибор на столе фельдшера – героя «Перчатки»: «Искусной рукой кустика был ловко уловлен какой-то единственный, уникальный естественный изгиб дерева, сражавшегося, корчась, с морозами Дальнего Севера. Изгиб пойман, сучок остановлен, срезан рукой мастера, и суть изгиба, суть дерева обнажена. Под

очищенной корой оказался стандарт из стандартов, вполне рыночный товар – голова Мефистофеля, наклонившаяся над бочонком, откуда вот-вот должно забить фонтаном вино» (II. С. 298). Образ Мефистофеля, верхняя часть его тела, воспринимается в ассоциативной связке с целой галереей ледяных образов в поэзии Шаламова, становится неким «условным знаком», по которому читатель догадывается о приближении к тем воротам, «Что ведут к воронке ада, / Упирающейся в лед» (III. С. 144). Автор «Перчатки» говорит о содержимом бочонка Мефистофеля: «... на Колыме могла забить фонтаном человеческая кровь, а не спирт, – вина на Колыме не бывает» (II. С. 298). Становится прозрачной нить размышлений Голубева над французской поговоркой, произнесенной в беседе академиком: «Вино, разлитое в стаканы, надо пить». «Тарабарская фраза медленно двигалась, будто на четвереньках, по темным закоулкам мозга, останавливалась, набирала силы и доползала до какого-то освещенного угла, и Голубев с болью и страхом понял ее значение на русском языке. Суть была не в ее содержании, а в том, что он понял ее – она как бы открыла, указала ему на новую область забытого, где тоже надо все восстанавливать, укреплять, поднимать. А сил уже не было – ни нравственных, ни физических, и казалось, что гораздо легче ничего нового не вспоминать» (I. С. 264–265). Упоминание о фонтане мотивно сближает рассказы и стихи Шаламова, где описание крови на льду является многозначным и многократным: «Кровь густая горлом хлынет, / Перепачкав синий рот, / И у ног моих застынет, / Не успев всосаться в лед» (III. С. 151); «О всем, что жизнь хранила, / Хранила, хмурая бровь, / И вылила в чернила / Темнеющую кровь. / Химический анализ / И то не разберет, / Что вылилось, как наледь, / Не всасываясь в лед» (III. С. 154).

Напоминанием о Колыме становится и «желтый пятипалый кленовый лист, похожий на отрубленную кисть человеческой руки» (I. С. 262). Читатель рассматривает его глазами Голубева: вот он влетает в форточку, вертится в воздухе, падает на пол, вот академик нагнулся за ним, изломал его в пальцах и бросил в плетеную корзиночку. Изначально ясно, откуда прилетел этот лист. Но только образ «рыцарской перчатки», «брошенной на снег, в лицо колымского льда в 1943 году» (II. С. 283); становится ключевым для понимания символического значения кленового листа. «А тогда кожа сыпалась с меня как шелуха. В дополнение к моим язвам цинготным гноились пальцы после остеомиелита при отморожениях», – вспоминает герой «Перчатки», «Пеллагрозник я был столь выраженный, столь класси-

ческий, что с меня можно было снять целиком перчатки с обеих рук и ноговицы с обеих стоп» (II. С. 309). Шаламов пишет об обновлении кожи. Старой уже нет, но, как отмечалось в цитированном выше поэтическом фрагменте, боль остаётся. Оттого так трудно журналисту Голубеву попасть в рукав своего пальто, и делает он это краснея «от натуги» («... и сейчас новая рука откликается на холодную воду. Удары отморожения необратимы, вечны» (II. С. 285).

«Отшелушивание» кожи, «отшелушивание» прошлого сообщает герою другое ощущение реальности, меняет оболочку самой его жизни: «Разве кожа, которая выросла, новая кожа, костевые мускулы имеют право писать? А если уж писать – то те самые слова, которые могла бы вывести та, колымская перчатка – перчатка работяги, мозолистая ладонь, стертая ломом в кровь, с пальцами, согнутыми по черенку лопаты» (II. С. 284). Пристально смотрит академик на руки Голубева (словно может понимать, что *этими* руками журналист не может написать *так*, как мог бы написать *прежний* Голубев, которого он, академик, знал в тридцатых годах).

Так наполняется символическим смыслом целая анфилада комнат, впечатлившая Голубева в квартире академика: «Двери были стеклянные, с низом из красного дерева, и где-то в глубине возникали тени людей при полном безмолвии» (I. С. 261). **Таинственные комнаты** становятся своеобразными нишами, заполняемыми в ходе повествования образами, влекущими за собой глубинный художественный контекст, а категория *Холода*, пронизывающая всю анфиладу, выражается уникальным синтезом множества его семантических оттенков, создающим эффект единого дактилоскопического рисунка, по которому миллионы изменившихся веществ, явлений, сущностей созданий, остаются узнаваемыми как принадлежавшие Колыме, промороженные Колымой, измененные Колымой даже до неузнаваемости.

Список литературы

1. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. [Текст] / В. Т. Шаламов / сост., подгот. текста, прим. И. Сиротинской. – М. : ТЕРРА–Книжный клуб, 2004–2005 (тексты цитируются по данному изданию с указанием в круглых скобках тома и страниц).

List of literature

1. Shalamov, V. T. Sobranie sochinenij: v 6 t. [Tekst] / V. T. Shalamov / sost., podgot. teksta, prim. I. Sirotkinskoy. – M. : TERRA–Knizhnyj klub, 2004–2005 (teksty citirujutsja po dannomu izdaniju s ukazaniem v kruglyh skobkah toma i stranice).

**ОБРАЗ КАФЕ «ФЛОРИАН» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ
ПОЭТИЧЕСКОЙ ВЕНЕЦИАНЫ XX ВЕКА**

А. Н. Кунусова

В настоящей статье анализируется один конституэнтных образов венецианского поэтического текста русской литературы XX века – кафе «Флориан».

Ключевые слова: русская поэтическая венециана XX века, образ, Е. Рейн, Н. Берберова.

Венецианский миф в русской литературе, как известно, конституировался несколькими столетиями, и его составляющие были отражены в венецианском тексте. Один из важных элементов его «образного репертуара» [1. С. 95] – кафе «Флориан», которое является не только значимой константой современного венецианского уклада жизни, но и представляет интерес для мировой истории. Основанное в 1720 году первоначально под названием «Триумфальная Венеция», кафе «Флориан» до настоящего момента оправдывает своё первое имя, продолжая оставаться легендарным, сакральным местом Венеции. Это заведение всегда претендовало на уникальность: исторически сложилось, что оно стало первым кафе, где не было продекларировано гендерное доминирование, и сюда могли равно приходить как мужчины, так и женщины, и, что немаловажно, оно имеет статус самого старого заведения подобного рода в Европе. Кроме того, «Флориан» не раз являлся свидетелем политических дебатов (здесь собирались итальянские патриоты, противники династии Габсбургов) во времена австрийской тирании, соперничая с «Квадри», не менее известным кафе Венеции. Литературная же «жизнь» «Флориана» началась с XVIII века. Здесь в своих размышлениях проводили время Гёте, Байрон, Гольдони, Руссо, Хэмингуэй и другие знаменитые посетители. Отказать себе в удовольствии проникнуться духом «Флориана» не могли и русские поэты XX века (Е. Рейн, Н. Берберова), чье «венецианское» творчество будет проанализировано в рамках данной статьи.

Анализ лирического корпуса показал, что кафе «Флориан» не входит в список частотных образных составляющих венецианского

текста XX века, однако не может не быть включён в его парадигму, поскольку данное заведение представляет собой, как уже говорилось выше, концептуально значимый объект.

Наиболее широко образ «Флориана» представлен в венецианском тексте Е. Рейна, где помимо пунктирного изображения («Спичечный коробок», «На карнавале», «Через окуляр»), есть и цельная репрезентация, оформленная в стихотворении, полностью посвящённом знаменитому кафе. По Е. Рейну, «Флориан» – хорошо знакомое всем место встречи, своего рода «памятник Пушкину». Следует отметить, что «Флориан» особенно привлекает поэта в тёмное время суток, и это соответствует концепции венецианы, поскольку «ночное» изображение города и его достопримечательностей – характерная особенность русского венецианского текста, берущая начало в западноевропейской традиции.

*Так пойдём к Риальто и на рынок
и всего лишь
встретимся в ночи у «Флориана».*

(«Флориан»)

или:

*Приходи к «Флориану», когда стемнеет
(«Спичечный коробок»).*

Для поэта «Флориан» представляет собой идеальное место для демонстрации личных переживаний:

*Слышишь, ветер с лагуны вовсю сатанеет,
Но оркестр сквозь порывы играет Шопена,
Вот теперь и обсудим мы все откровенно.*

Контекст «Флориана» очень часто связывается в сознании поэта с наличием адресата, к которому обращены строки. Одним из знаменитых собеседников Е. Рейна был И. Бродский, образ которого легко «прочитывается» в стихотворении «Через окуляр»:

*У «Флориана» в самой дальней зале
ему прислуга оставляла столик,
и он сидел там долгими часами,
глядел на площадь, на аркаду Проскураций,
курил и слушал оперетту.
Здесь Оффенбаха, Кальмана, Легара
играли чаще прочих. Иногда
к нему подсаживались местные софисты,
и он им что-то толковал. Поскольку*

*успел подумать он решительно о всем,
что занимает людскую любознательность,
и знал ответы.*

*Я к нему приехал
и после утомительного дня душ принимал
и брел на встречу.*

*В двенадцать закрывался “Флориан”,
мы шли гулять. Сначала по Пьяццетте,
потом по набережной и до Гарибальди.
Обычно подходили к Арсеналу,
и он всегда читал терцины Данте
про это место — знал их наизусть.*

Ещё одной особенностью изображения «Флориана» в «венедианском» творчестве Е. Рейна становится десакрализация образа «Флориана», проявляющаяся прежде всего в том, что итоговой целью пребывания там становится вполне материальное желание, с лексическо-семантической точки зрения коннотативно оформленное:

*Так пойдем к Риальто и на рынок
и всего лишь
встретимся в ночи у «Флориана»,
поддадим серьезно*

(«Флориан»).

Это «обытовление», «овеществление» характерно не только для «венедианского» творчества Е. Рейна, но и соответствует тенденции поэзии того времени, о чём свидетельствуют современные литературоведы. Так, С. Л. Константинова утверждает, что «смена социальной и общекультурной парадигм конца XX в. закономерно приводит к закреплению новой модели трансформированного «итальянского мифа», приобретающего особого рода объёмность: будничное, «вещное» выполняет здесь функцию недостающей грани, замыкающей триаду «природное» – «культурное» – «бытовое» [2. С. 80].

*Видишь, купол над нами все тяжеле и ужже,
Флориановы тени во тьме разутюжа,
Ночь приходит из нашей с тобой половины.*

(«Спичечный коробок»).

Наряду с десакрализацией образ «Флориана» в русской поэзии XX века вносится в ряд вечных. Незыблемость образа «Флориана» продемонстрирована в стихотворении Е. Рейна «На карнавале»:

*Да, вечно буду
Сидеть я в кресле
У “Флориана”
Среди Сан-Марко
И филигранно
Из зоопарка
Толпы туристской
Тянуть, что надо.*

Незыблемой константой образ кафе представлен и в стихотворении Н. Берберовой «Венеция»: всё рушится и гибнет, но «Флориан» продолжает существовать, и на ритм его жизни ничто не может повлиять. Мотив вечности в данном поэтическом произведении проецируется на образ человека, в честь которого кафе получило своё современное название. Таким образом, создаётся иллюзия жизни в противовес постоянному ощущению смертности Венеции:

Ранена плоть ее. Сломана стать.

Провалился мозаичный пол Сан-Марко.

*Только у **Флориана** подают опять*

Лимон к мороженому, когда жарко. (Н. Берберова Венеция)

Метонимическое смещение образа актуализировано и в стихотворении Е. Рейна «Спичечный коробок». Номинация «Флориан» как название отходит на второй план, и первостепенным становится антропоним, благодаря которому знаменитое кафе получило своё имя. Как известно, инициатором переименования некогда «Триумфальной Венеции» стал её владелец Флориано Франческони, о котором и идёт речь в стихотворении поэта «Спичечный коробок» :

Видишь, купол над нами все тяжеле и ужже,

***Флориановы тени** во тьме разутюжа,*

Ночь приходит из нашей с тобой половины.

Итак, образ кафе «Флориан», не являясь центральным в системе образов венецианского текста, претендует на значимость, позволяя извлечь смысловые надстройки, играющие немаловажную роль в формировании венецианского мифа в русской поэзии XX века.

Список литературы

1. Гаспаров, М. Л. Топика и композиция гимнов Горация [Текст] / М. Л. Гаспаров // По-

List of literature

1. Gasparov, M. L. Topika i kompozicija gimnov Goracija [Tekst] / M. L. Gasparov // Pojetika

этика древнеримской литературы: Жанры и стиль. – М. : Наука, 1989. – С. 93–124.

2. Константинова, С. Л. «Итальянский текст» русской литературы XIX–XX вв. [Текст] / С. Л. Константинова. – Псков, 2005. – 160 с.

drevnerimskoj literatury: Zhanry i stil'. – M. : Nauka, 1989. – S. 93–124.

2. Konstantinova, S. L. «Ital'janskij tekst» russkoj literatury XIX–XX vv. [Tekst] / S. L. Konstantinova. – Pskov, 2005. – 160 s.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О ГУБНЫХ СОГЛАСНЫХ СОВРЕМЕННОГО НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА И ИХ СОПОСТАВЛЕНИИ С ГУБНЫМИ СОГЛАСНЫМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е. В. Абрамова

В статье рассматриваются спорные вопросы состава губных согласных современного литературного нидерландского языка, особенности интерпретации состава фонем как отечественными, так и зарубежными исследователями и их сопоставлении с губными согласными русского языка.

Ключевые слова: фонология, сопоставительный анализ, губные согласные.

Современный литературный нидерландский язык представлен двумя вариантами: северным, функционирующим на территории Нидерландов, и южным, распространенным в северной части Бельгии – Фландрии. Северный, собственно нидерландский, известен как «голландский», южный часто называют фламандским языком. Между северным и южным вариантами имеются как общие, так и отличительные черты, проявляющиеся на фонетическом, грамматическом и лексическом уровне. Одной из фонетических особенностей вариантов нидерландского языка является состав губных согласных.

В большинстве работ отечественных и зарубежных лингвистов группа губных согласных нидерландского языка представлена губно-губными [p, b] губно-зубными [f, v], носовым сонантом [m] и губно-губным полугласным [w] [1, С. 12], [2, С. 201], [3, С. 162], [4, С.151] (см. табл.1).

Включение этих согласных в состав фонем нидерландского языка не вызывает сомнений, поскольку все они обладают дифференциальными и интегральными признаками кратчайшей линейно неделимой единицы речи. Однако в работах данных исследователей описывается состав губных согласных *северного* нидерландского языка, что представляется не совсем точным по отношению к губно-зубно-

му [v], поскольку в современном северном варианте нидерландского языка звонкий [v] постепенно утрачивается, а на его месте все чаще можно слышать полувзвонкий [f]. Звонкий губно-зубной выступает только в качестве позиционно-комбинаторного аллофона фонемы /v/.

Таблица 1

Система губных согласных в описаниях С.А. Миронова, В.И. Золхоева, Е. Бланкерта, Б. Коллинса и И. Миса

Способ образования	Место образования	
	Губно-губные p b	Губно-зубные f v
Смычные		
Щелевые		f v
Сонорные	m	
Полугласные	w	

О полноправном фонемном статусе [v] можно говорить только в отношении системы губных согласных южного варианта нидерландского языка, в котором корреляция по глухости-звонкости губно-зубных [f, v] представлена так же четко, как и в русском языке. Функционирование звонкого /v/ во фламандском варианте дистрибутивно ограничено: обычно он реализуется перед согласными: *vlag* – [vɫak] (*флаг*) и в интервокальной позиции: *even* – [ɛvən] (*четный*). В случае прогрессивной ассимиляции оппозиционным аллофоном звонкому [v] является глухой [f]: *scheepvat* – [sʏɛɪfat] (*черпак, лейка*). Исключение составляют слова *veertig* (*сорок*), *vijftig* (*пятьдесят*) и производные от них, в которых графическое *v* произносится как [f]: *veertig* – [fɛɪtɪɔ] (*сорок*) и *vijftig* – [fɛitɪɔ] (*пятьдесят*). Сказанное выше позволяет признать за звуком [v] фонемный статус, а произнесение полувзвонкого [f] на месте графического *v* в некоторых словах можно трактовать как факультативный аллофон фонемы /v/. На основании этого [v, f] можно отнести к самостоятельным губным фонемам южного варианта нидерландского языка.

Как было сказано выше, в северном нидерландском языке противопоставление по глухости-звонкости губных постепенно утрачивается.¹ Однако в северных и западных провинциях Нидерландов (Гронинген, Дренте, Северная Голландия) в начальной позиции перед гласными или согласными и в интервокальной позиции всег-

¹ Исключением являются диалекты Фрисландии (северная провинция Нидерландов), в которых замена напряженного на ненапряженный не происходит [5. С. 150].

да реализуется звонкий [v]. Например: *veen* [fe:n] (*торф*), *pover* [roʋəŋ] (*бедный*). В то же время в южной части Нидерландов (провинции Утрехт, Флеволанд, Южная Голландия, Лимбург, Северный Брабант, Зелэнд, Гелдерлэнд) /v/ реализуется как неполнозвонкий [v̥]. По мнению большинства исследователей, в речи голландцев разницы между /v/ и /f/ практически не существует: звонкий [v] нейтрализуется в начале слова перед гласными или согласными, а также в интервокальной позиции [6, С.60], [7, С.13], [8, С. 7], [9, С. 214-216]. Полузвонкое произнесение губно-зубного возможно только в эмфатической речи. В остальных случаях произносится [f]. Например, в словах *fel* (*резкий, сильный*) *vel* (*кожа, шкура*) графическое *v* и *f* реализуется как [f]. Приведенные ниже осциллограммы слогов *va* и *fa* показывают, что в обоих случаях реализуется глухой [f].

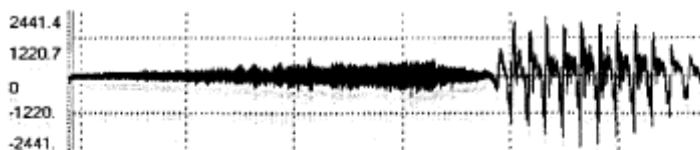

Рис. 1 Осциллограмма слога va

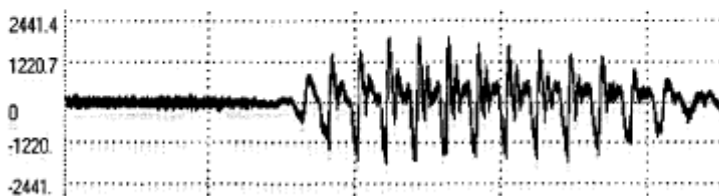

Рис. 2. Осциллограмма слога fa

Таким образом, ограниченная дистрибуция [v] в северном варианте нидерландского языка не позволяет признать за ним фонемный статус. Его можно рассматривать только как комбинаторно-позиционный аллофон фонемы /f/.

Несколько другой состав губных представлен в работе Г. Схерпса: кроме вышеназванных согласных, автор включает звук [v̥], описываемый им как срединный губно-зубной аппроксимант (см. табл.2).

Таблица 2

Система губных согласных в описании Г. Схерпса

Способ образования	Место образования	
	Губно-губные	Губно-зубные
Смычные	p b	
Сонорные	m	
Щелевые		f v
Полугласные	w	U

В исследовании Г. Схерпса, как и в работах других зарубежных и отечественных лингвистов, вопрос о статусе [v] не рассматривается. Как видно из таблицы, Г. Схерпс определяет полугласный [w] как губно-губной. Однако голландский фонетист Б. Берг отмечает, что артикуляция [w] обусловлена территориальным фактором: в Нидерландах он артикулируется как губно-зубной, а во Фландрии – как губно-губной. Губной [w] **выступает в начале слова перед гласными и согласными** и обладает смыслоразличительной функцией, что позволяет признать за ним статус фонемы. В небрежной речи он реализуется как призвук предшествующего огубленного гласного, например: *douane* [du^wa:nə] (*таможня*), *stoa* [sto^wa] (*стоя*), *februari* [febru^w:ari] (*февраль*).

В северном варианте нидерландского языка после /p, t, k/ внутри и на стыке слов реализуется губно-зубной аппроксимант [v]. Например, *op wacht* [opvaht] (*на вахте*), *het wacht* [hət vaht] (*сторож, вахта*), *ik wenste* [ik vinstə] (*я желал*). В сочетании **w+r** в начале слова или после префикса реализуется губно-зубной [v] **в обоих вариантах** нидерландского языка, например: *wreed* [wre:t] (*жестокий*), *gewricht* [gəvriçt] (*судав*).

Таблица 3

Губные согласных в северном и южном вариантах нидерландского языка²

Способ образования	Место образования	
	Губно-губные	Губно-зубные
Смычные	p b	
	m	
Щелевые	w	f v*

² Знаком * отмечена фонема /v/, входящая в состав губных согласных только южного варианта нидерландского языка

Итак, вышеприведенный анализ позволяет сделать вывод, что состав губных согласных северного варианта нидерландского языка представлен фонемами /p, b, f, χ, m, w/, а южного – фонемами /p, b, f, v, m, w/ (см. табл.3).

В акустическом плане нидерландские губные, как и русские согласные, за исключением смычного сонанта /m/, характеризуются шумом. На слух они воспринимаются как несколько “слабые”, особенно позиционно- комбинаторный аллофон фонемы /f/ в северном варианте нидерландского языка.

С артикуляционной точки зрения нидерландские губные согласные отличаются от русских меньшей напряженностью.

Как и в русском языке, нидерландские звонкие губные в конце слова чередуются с соответствующими глухими. Как уже отмечалось выше, общим

фонетическим свойством нидерландских и русских согласных является прогрессивная ассимиляция: например, перед /p, t, k/ на месте звонких /b, v/ реализуются глухие.

Как и русские /p, b, m/, нидерландские губные /p, b, m/ (и все другие согласные) лабиализуются перед огубленными гласными, например: *port* [p^oɔrt] - *порт*, *bus* [b^ous] - *коробка*.

Таким образом, репертуар губных фонем нидерландского языка, как и русского, представлен шумными смычными /p, Б/, смычным сонантом /m/, шумными щелевыми/f, v/.

Список литературы

1. Миронов, С. А. Нидерландский (голландский) язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарем [Текст] / С. А. Миронов // Языки народов мира. Под ред. проф. Р.А. Будагова и проф. Н.С. Чемоданова. – М., 1965. – 183 с.
2. Золхоев, В. И. Дифференциальные признаки фонем [Текст] / В. И. Золхоев. – В 10 т. – Т.2. Романо-германские языки / Отв. ред. д.ф.н. проф. Б. И. Рассадин. – Улан-Удэ, 2003. – 230 с.

List of literature

1. Mironov, S. A. Niderlandskij (gollandskij) jazyk. Grammaticheskij ocherk, literaturnye teksty s kommentarijami i slovarom [Tekst] / S. A. Mironov // Jazyki narodov mira. Pod red. prof. R.A. Budagova i prof. N.S. Chemodanova. – M., 1965. – 183 s.
2. Zolhoev, V. I. Differencial'nye priznaki fonem [Tekst] / V. I. Zolhoev. – V 10 t. – T.2. Romano-germanskie jazyki / Otv. red. d.f.n. prof. B. I. Rassadin. – Ulan-Udje, 2003. – 230 s.

3. Blancquaert, E. Practische Uitspraakleer van de Nederlandse Taal [Текст] / E. Blancquaert. – Antwerpen. De Sikkel, 1969. – 281 p.
4. Mees, I. The sounds of English and Dutch [Текст] / I. Mees, B. Collins. – Leiden : Leiden University press, 1984. – 356 p.
5. Donaldson, B. C. A language history of Holland and Belgium [Текст] / B. C. Donaldson. – Leiden, 1983. – 200 p.
6. Берков, В. П. Современные германские языки [Текст] / В. П. Берков. – М. : Астрель, 2001. – 336 с.
7. Боланд, Х. Учебник нидерландского языка. Goed zo! [Текст] / Х. Боланд, И. И. Михайлова. – Книга 1. – Amsterdam : Pegasus: 2005. – 207 с.
8. Booij, G. The Phonology of Dutch. Oxford University Press, 1999 [Электронный ресурс]. – [http:// www.questia.com.PM.qst?a=o&d=91089240](http://www.questia.com.PM.qst?a=o&d=91089240)
9. Smakman, D. Standart Dutch in the Netherlands. A Sociolinguistic and Phonetic Description [Текст] / D. Smakman. – Radboud Universiteit Nijmegen. – 366 p.
3. Blancquaert, E. Practische Uitspraakleer van de Nederlandse Taal [Текст] / E. Blancquaert. – Antwerpen. DeSikkel, 1969. – 281 p.
4. Mees, I. The sounds of English and Dutch [Tekst] / I. Mees, B. Collins. – Leiden : Leiden University press, 1984. – 356 p.
5. Donaldson, B. C. A language history of Holland and Belgium [Tekst] / B. C. Donaldson. – Leiden, 1983. – 200 p.
6. Berkov, V. P. Sovremennye germanskije jazyki [Tekst] / V. P. Berkov. – M. : Astrel', 2001. – 336 s.
7. Boland, X. Uchebnik niderlandskogo jazyka. Goedzo! [Tekst] / H. Boland, I. I. Mihajlova. – Kniga 1. – Amsterdam :Pegasus: 2005. – 207 s.
8. Booij, G. The Phonology of Dutch. Oxford University Press, 1999 [Jelektronnyj resurs]. – [http:// www.questia.com.PM.qst?a=o&d=91089240](http://www.questia.com.PM.qst?a=o&d=91089240)
9. Smakman, D. Standart Dutch in the Netherlands. A Sociolinguistic and Phonetic Description [Tekst] / D. Smakman. – RadboudUniversiteit Nijmegen. – 366 p.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

М. А. Ананьина

В статье рассматривается стилистическая функция синтаксической конвергенции, которая в сочетании с такими стилистическими приёмами, как перечисление, параллелизм, анафора и другие виды повтора, метафора, эпитет, образное сравнение, приводит к стилистической конвергенции и сцеплению как типам выдвигения. Материалом исследования послужил отрывок из романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд».

Ключевые слова: синтаксическая конвергенция, стилистическая конвергенция, эллипсис, синтаксическая компрессия, сверхфразовое единство.

Синтаксическая конвергенция является распространенным и значимым явлением художественных произведений. Однако данному выразительному средству, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания в процессе лингвистического анализа текста.

Объектом исследования данной работы являются лингвостилистические особенности отрывка из романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд», а именно из главы XLIII Another Retrospect («Еще один взгляд в прошлое»). В рассматриваемом отрывке текста описывается процедура бракосочетания главного героя. Повествование ведется от лица Дэвида Копперфилда, находящегося в состоянии сильного эмоционального возбуждения, в результате чего его воспоминания, по его словам, непоследовательны и похожи на сон.

Предметом изучения являются лингвостилистические особенности синтаксической конвергенции в указанном тексте. Под синтаксической конвергенцией мы понимаем, вслед за И. В. Арнольд, «группу из нескольких совпадающих по функции элементов, объединенных одинаковым синтаксическим отношением к подчиняющему их слову или предложению» [1. С. 256]. Это могут быть однородные члены или придаточные предложения в составе сложноподчиненного предложения, относящиеся к одному

слову главного предложения. И. В. Арнольд также относит к средствам выражения синтаксической конвергенции бессоюзные сложные предложения, состоящие из ряда однородных сочиненных предложений.

В анализируемом отрывке средством выражения синтаксической конвергенции является герундиальная предикативная конструкция. Всего насчитывается 39 случаев её употребления, что уже само по себе является отступлением от общепринятых грамматических норм и свидетельствует о стилистической значимости отрывка. Нижняя граница отрывка отмечена графическим пробелом. Верхней границей является предложение: **The rest is all a more or less incoherent dream.** Далее текст следует с красной строки. Новое предложение начинается с использования анадиплозиса (подхвата): A dream of their coming in with Dora; of the pew-opener arranging us, like a drill-sergeant... [4. P. 537].

Подхват подчеркивает тематическое единство отрывка: процесс венчания проходил для героя как во сне. Это главная тема отрывка. Далее следуют 14 абзацев, состоящих из эллиптических предложений, начинающихся с предлога *of* и вводящих элементы синтаксической конвергенции в виде герундиально-предикативных конструкций: Of the clergyman and clerk appearing... Of Miss Lavinia, who acts as a semi-auxiliary bridesmaid, being the first to cry... Of our kneeling down together, side by side... Of her soon cheering up again, and our signing the register all round... Of my walking so proudly and lovingly down the aisle... Of their whispering, as we pass, what a youthful couple we are... Of there being a breakfast, with abundance of things... Of my making a speech... Of the pair of hired post-horses being ready... Of Dora's being ready... Of their all closing about Dora... Of my wanting to carry Jip (who is to go along with us)... Of her waving her little hand... [4. P. 537–538].

Каждое *Of* начинает новый абзац, внутри которого развиваются новые конвергенции, также начинающиеся с этого предлога, который, повторяясь, приобретает стилистическую функцию объединения всего отрывка в единое целое. Герундиально-предикативные конструкции выполняют синтаксическую функцию определений к слову *dream*.

Следует отметить, что отрывок характеризуется строгой композиционной упорядоченностью, пропорциональностью: в каждом абзаце использует от двух до пяти случаев конвергенций,

и текст выглядит стройным композиционным единством. Конвергенции создают особую красочность и ритмичность текста воспоминаний.

Как справедливо отмечает И. В. Арнольд, синтаксические конструкции «своей лаконичностью или, напротив, развернутостью, или другими качествами связаны со строем мышления, отраженным в произведении, с характером и особенностями восприятия лица, от имени которого ведется повествование» [1. С. 251]. Ш. Балли относит синтаксис к сфере косвенных языковых средств, связанных с выражением логического аспекта мысли [2. С. 295]. В анализируемом отрывке излагается последовательность и характер мыслей главного героя. В его сознании запечатлелись небольшие фрагменты, сцены прошедшего бракосочетания в церкви в виде ситуаций с несколькими участниками. С одной стороны, трудно понять, почему именно эти сцены остались в памяти. С другой стороны, каждой сцене отводится одинаковый небольшой объем воспоминаний, и они расположены во временной последовательности. Все это сообщает отрывку систематичность и стройность.

Как было сказано выше, абзацы построены по принципу синтаксической компрессии – все эти предложения эллиптические, в них отсутствуют грамматически выраженные подлежащие и сказуемые. Создается эффект упаковки – в предложениях присутствуют семантический субъект и предикат, но они как бы упакованы в оболочку – структуру: *A dream of ...* и не могут выйти за её пределы. Все повествуемое – это только сон. От внимательного читателя не ускользнет повтор слова *dream*, которое приобретает статус ключевого. Автор делает легкий намек на свою последующую жизнь в начале отрывка, а затем – в конце, когда заканчиваются абзацы с конвергенциями и автор «просыпается ото сна»: *We drive away together, and I awake from the dream.*

Обращает на себя внимание факт смещения в сфере конструкции предложений. С одной стороны, имеет место текстовая компрессия – эллипсис, отсутствие главных членов предложения. С другой стороны, наблюдается изобилие анафорических повторов, параллелизма и перечислений в неполных предложениях, которые как будто компенсируют недостаток элементов. Результатом таких построений является динамичность повествования. Как отмечает Т. А. Знаменская, эллипсис выполняет разнообразные функции в художественном тексте, в частности способствует созданию

эффекта непосредственности восприятия событий, а также служит обрисовке характера персонажа, способствуя лучшему пониманию его настроения [3. С. 111]. Именно этим целям служит использование эллипсиса в рассматриваемом отрывке. Перечисление способствует созданию синтаксической конвергенции, которая конкретизирует целое, описывает это целое в деталях, обрисовывает совокупность объектов, окружавших молодую пару в церкви (*a mist of half-seen people, pulpits, monuments, pews, fonts, organs, and church windows...*). Анафорический повтор служит расчленению ситуации на фрагменты, а также подчеркивает коннотативное значение слова *dream*, которое связано с выражением приятных, неопределенных и нереальных ощущений. Параллелизм создает ритмичность повествования, работу мысли.

Синтаксическая конвергенция осложнена не только параллельными конструкциями, анафорой и перечислением, но и метафорами (*a mist of half-seen people*), образными сравнениями (*looking like a bed of flowers*), полуотмеченными структурами, основанными на нарушении лексической сочетаемости (*eating and drinking, as I may say, nothing but love and marriage*), эпитетами (*all looking at each other in an April state of smiles and tears, jealous arms*), лексическими повторами (*side by side, arm in arm, dear (wife), papa, less and less, dream, dreamy*). Все эти средства создают яркую, красочную картину дня венчания. Сочетаясь с перечисленными приемами, синтаксическая конвергенция дает стилистическую конвергенцию, которую Риффатер понимал как «аккумуляцию в определенной точке текста нескольких разных стилистических приемов, экспрессивность которых складывается при выполнении общей стилистической функции» [1. С. 257].

Изучаемый отрывок объединен общей темой и представляет собой два сверхфразовых единства (СФЕ). Первое СФЕ включает 14 абзацев, начинающихся предлогом *of*, а второе СФЕ – это два последних абзаца, в которых герой просыпается ото сна и окончательно удостоверяется в том, что его мечта осуществилась, а также слышит вопрос своей молодой жены о том, счастлив ли он и не сожалеет ли обо всем. Этот вопрос задан в шуточной форме, и ответ его является очевидным. Вместе с тем, этот вопрос знаменует окончание описания венчания и после него следует графически выделенное отступление. В этой шуточной форме содержится намек на возможное несоответствие мечты и сна реальности.

Средствами связи внутри СФЕ служат повторы предлога *of*, с которого начинается каждый абзац, повторы слова *dream* (*dreamy*), притяжательных местоимений с одновременным контрастом: *of my wondering...*, *of her doing homage...*, *of my aunt endeavouring ...*, *of our kneeling ...*, *of our looking at each other...*, *of my young wife being...*, *of her soon cheering up...*, *of my going into the gallery...*, *of my walking...*, *of their whispering...*, *of our all being so merry...*, *of my making a speech...*, *of our being very sociably...*, *of their all closing...*, *of my wanting to carry Jip...*, *of our going...*, *of her waving...*, *of her once more stopping...*. Различные номинации жены героя также служат средством семантической связи абзацев: *Dora*, *little Dora*, *her*, *my young wife*, *my sweet wife*, *a pretty little wife*, *she*, *my darling*, *dear*, *dear*, *little wife*. Цепочки предложений объединены тождеством референции, единством темы и мысли.

Итак, рассмотренный абзац представляет интерес с точки зрения единства описываемой ситуации и выражаемых главным героем эмоций. Автор использует прием синтаксической конвергенции, переходящей в стилистическую конвергенцию благодаря сочетанию с множеством стилистических приемов, таких, как параллелизм, перечисление, метафора, образное сравнение, полуотмеченная структура, лексический повтор. Средствами создания синтаксической конвергенции служит эллипсис и однородные определения, представляющие собой герундиально-предикативные конструкции, вводимые предлогом *of*. Синтаксическая конвергенция способствует созданию ритмичности, динамизма повествования. Кроме того, с её помощью автору удается описать картину внутреннего и внешнего волнения героя, его рассеянности и растерянности в момент венчания, создать впечатление сна героя, после которого наступает пробуждение.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. *Стилистика. Современный английский язык* : Учебник для вузов [Текст] / И. В. Арнольд. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
2. Балли, Ш. *Французская стилистика* [Текст] / Ш. Балли / Под ред. Е. Г. Эткинда. Изд. 3-е. – М.

List of literature

1. Arnol'd, I. V. *Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk* : Učebnik dlja vuzov [Tekst] / I. V. Arnol'd. – 5-e izd., ispr. i dop. – M. : Flinta : Nauka, 2002. – 384 s.
2. Balli, Sh. *Francuzskaja stilistika* [Tekst] / Sh. Balli / Pod red. E. G. Jetkinda. Izd. 3-e. – M. : Knizh-

- : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 384 с.
3. Знаменская, Т. А. Стилистика английского языка : основы курса : Учебное пособие [Текст] / Т. А. Знаменская. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 208 с.
4. Dickens, Ch. David Copperfield. Wordsworth Classics [Текст] / Ch. Dickens. – Wordsworth Editions Ltd, 2000. – 750 p.
- nyj dom «LIBROKOM», 2009. – 384 s.
3. Znamenskaja, T. A. Stilistika anglijskogo jazyka : osnovy kursa : Uchebnoe posobie [Tekst] / T. A. Znamenskaja. – M. :Editorial URSS, 2002. – 208 s.
4. Dickens, Ch. David Copperfield. Wordsworth Classics [Tekst] / Ch. Dickens. – Wordsworth Editions Ltd, 2000. – 750 p.

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
СФЕРЫ УСЛУГ (НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ
ТОРГОВЛИ И ОБРАЗОВАНИЯ)**

Е. А. Антипова

Статья посвящена речевому поведению профессионала в сфере оказания услуг, на примере сопоставления образовательной и коммерческой сфер, термину «услуга», его различному пониманию и использованию.

Ключевые слова: речевое поведение, коммерческая сфера, образовательная сфера, услуга, образовательная услуга, профессионал в сфере услуг

Профессионал в сфере услуг – это специалист, работающий в зоне повышенной речевой ответственности. Коммерческая сфера давно признана сферой, где успех зависит от речевого поведения. Внимание профессионала должно быть всегда ориентировано на клиента, чтобы почувствовать иной взгляд на вещи, учесть точку зрения клиента, воспринять чужой ход мысли, построить, исходя из этого, собственное эффективное поведение. Такое поведение называется клиентоориентированным или клиентурным (второе – предпочтительнее) [3]. По закону Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992года №3266-1 в статье 48 и ее поправке от 8 декабря 2003года № 169-ФЗ индивидуальная трудовая педагогическая деятельность, сопровождающиеся получением доходов, рассматривается как предпринимательская и подлежит регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации [1]. Из закона следует, что образовательная сфера оказывает услуги, которые являются предпринимательскими, коммерческими и требует регистрации индивидуального предпринимателя. Все чаще говорится об образовательных услугах, хотя само понятие воспринимается неоднозначно.

В словарях русского языка у слова «услуга» отмечено два значения: 1. Действие, приносящее помощь, пользу другому. 2. Те или иные хозяйственные удобства, предоставляемые населению, жильцу, помощь по хозяйству[4].

В первом значении слово употребляется в единственном числе, услуга – это единичное действие, которое повторяется нечасто. Во втором значении оно употребляется только во множественном числе «услуги», что указывает на постоянный, непрерывный характер использования комплекса действий.

Эти два значения расходятся в плане человеческого одобрения и порицания: в обыденном сознании людей «услуга» понимается как благо приносимое одним человеком другому человеку, помощь. «Услуга» традиционно ассоциируется с принесением пользы, добра. В значении «работа, выполняемая для удовлетворения чьих-либо нужд, потребностей, при обслуживании кого-либо имеет чаще всего негативную окраску и воспринимается людьми как навязанную необходимость, систему хозяйственных или других удобств, предоставляемых кому-либо. В первом значении «услуга» оценивается как добрая, товарищеская, дружеская. Даже если ей придается отрицательная оценка во фразеологизме «медвежья услуга», то она сглаживается интонацией, с которой произносят его. Это скорее оправдание, чем порицание. «Услуга, оказанная из лучших побуждений, но приведшая к негативным последствиям для того, кому она была предоставлена». Негативное восприятие слова «услуги» определяется и его этимологией:

«Услуги или сервис от лат. *servio* — быть рабом (невольником), быть поработщённым, в рабстве; → лат. *servus* — 1) служилый, подневольный; находящийся в полном подчинении, зависимый, подвластный; рабский, невольничий; 2) обременённый повинностями»[5]. Однако услуга – это и те неосязаемые выгоды, которые один субъект (поставщик услуги) предоставляет другому (потребителю услуги). Понятие «услуга» включает многое: это и совершенный поступок, и оказанная помощь и поддержка. Иногда просто выслушав и посочувствовав можно оказать большую услугу человеку. Кроме того, априори предполагается, что услуга – это то, что принесет кому-то пользу, то есть доброе дело во имя чьих-то интересов. И неважно, кто ее оказывает: друг, соратник или незнакомый человек.

Негативное отношение к услугам как системе хозяйственных или других удобств, предоставляемых кому-либо, оправдано и тем, что когда-то «услуга» было собирательным существительным и имело значение «Прислуживающие люди, прислуга». Отсюда идет перенос негативного отношения к образованию как к услуге.

Если система оказания коммерческих услуг существует давно, она отлажена, продуктивна, то образование в России только вступит в сферу рыночных отношений. И образовательная сфера, и коммерческая имеют общее:

- 1) обе сферы занимаются оказанием услуг;
- 2) отношения профессионал- клиент (в образовательной сфере родители обучающихся являются клиентами, так как заказывают и оплачивают услуги).;
- 3) внутрикорпоративные тексты имеют ярко выраженную ориентацию на клиентов (в образовательной – на родителей, в коммерческой – на покупателей), поскольку они являются основным источником и потребителем информации;
- 4) корпоративная культура образовательного учреждения складывается из уникального набора культур и субкультур, молодежная субкультура, преподавательская профессиональная культура, национальная культура (профессионал-профан);
- 5) это области повышенной речевой ответственности.

Отличия образовательной сферы и коммерческой сферы:

- 1) коммерческие услуги, как правило, материальны, образовательные услуги духовны (нематериальны).
- 2) образовательные услуги долговременны, а коммерческие – кратковременны;
- 3) участники коммуникации: обучаемые – обучающие, продавец – покупатель;
- 4) наличие особой ситуации коммуникации (учебные занятия, семинары, практические занятия, доклады) – (личные беседы, консультирование);
- 5) наличие специфических способов коммуникации (учебно-дидактические, научные) – (СМИ, рекламные буклеты).

Вербальное поведение в конфликтных ситуациях строится по одним и тем же моделям, это связано с тем, что в момент непонимания, раздражения ни учитель, ни продавец не в состоянии контролировать ход коммуникации, подбирать фразы для бесконфликтного общения. В этом случае необходимо обучение и корректировка сложившихся моделей поведения. По этой причине профессиональное общение и в сфере торговли, и в сфере образования должно быть клиентурным. Оно должно быть заранее смоделировано для каждой организации в отдельности: выявлены социально одобряемые речевые формулы, которые профессионалы сферы «человек-

человек» могли бы использовать для бесконфликтного общения, к тому же заранее заготовленные фразы, сэкономят время для межличностного общения.

Итак, образовательная услуга – это недавно выделившейся продукт, который только вступает в рыночные отношения, имеет много общего с традиционной сферой маркетинга (отношения профессионал – клиент, обе сферы оказывают услуги, обе области повышенной речевой ответственности), но при этом имеет ряд специфических черт (долговременный и духовный характер, неосвязаемость, неотделимость от источника, невозможность перепродажи) которые отделяют образовательную сферу от коммерческой, и препятствуют развитию рыночных отношений в образовании.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 №3266-1 // Собр. законодательства РФ. 2004.
2. Петрунин, Ю. Ю. Этика бизнеса : учеб. пособие для вузов [Текст] / Ю. Ю. Петрунин, В. К. Борисов. – М. : Дело, 2000. – 280 с.
3. «Свое» и «чужое»: межкультурные коммуникации в полипарадигмальном аспекте : коллектив. моногр. [Текст] / под. ред. Л. А. Шкатовой. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2003. – 185 с.
4. Даль, В. И. Словарь живого великорусского языка [Текст] / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртэна. В 4 т. Т.IV, С-Я. – М. : Цитадель, 1998. – 896с.
5. Новый большой русско-английский словарь [Электронный ресурс] / Д. И. Ермолович, Т. М. Красавина. – 2004,. 110 тыс. слов и словосочетаний. URL <http://slovari.yandex.ru/~%D0%>

List of literature

1. Zakon Rossijskoj Federacii «Ob obrazovanii» ot 10 ijulja 1992 №3266-1 // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2004.
2. Petrunin, Ju. Ju. Jetika biznesa : uceb. posobie dlja vuzov [Tekst] / Ju. Ju. Petrunin, V. K. Borisov. – M. : Delo, 2000. – 280 s.
3. «Svoe» i «chuzhoe»: mezhkul'turnye kommunikacii v poliparadigmal'nom aspekte : kolektiv. monogr. [Tekst] / pod. red. L. A. Shkatovoj. – Cheljabinsk : Cheljab. gos. un-t, 2003. – 185 s.
4. Dal', V. I. Slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka [Tekst] / Pod red. I.A. Bodujena de Kurtjenje. V 4 t. T.IV, S-Ja. – M. : Citadel', 1998. – 896s.
5. Novyj bol'shoj russsko-anglijskij slovar' [Jelektronnyj resurs] / D. I. Ermolovich, T. M. Krasavina. – 2004,. 110 tys. slov i slovosochet-anij. URL <http://slovari.yandex.ru/~%D0%>

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КАК СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

К. А. Бурнаева

Данная статья посвящена вопросу моделирования ассоциативных полей, как инструмента вербализации национального языкового сознания индивида. Ассоциативное поле позволяет вербализовать сложную фиксированную систему, которая является определенным конечным результатом мыслительной деятельности индивида, характеризующая национальную специфику её организации.

Ключевые слова: вербализация, ассоциативное поле, ассоциативный эксперимент, национальная картина мира, сознание, подсознание.

Психолингвистические исследования ассоциаций имеют немаловажное значение в исследовании концептов и в когнитивной лингвистике в целом. Различные лексикографические источники, безусловно, содержат немало информации, характеризующей смысловое наполнение концепта, тем не менее, часто образная составляющая концепта, информация эмоционального и оценочного характера остается за пределами словарного толкования «Получаемое в результате проведения ассоциативного эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов. Целью ассоциативных экспериментов является исследование памяти, лексикона, порождения и восприятия речи, и изучения национально культурной специфики языкового сознания носителей разных языков. Ассоциации предлагают плодотворный, и, возможно, самый лучший способ изучения языкового сознания как субъективной репрезентативной системы. Ассоциативные эксперименты дают богатый материал для межкультурных исследований, позволяя выявить как “общечеловеческие” характеристики свободных ассоциаций, так и специфику связей между словами в условиях различных культур» [4. С. 140].

Ассоциативные реакции, которые повторяются разными испытуемыми на определенное слово-стимул, отражают «объективно существующие в сознании испытуемых и в языке связи между словами» [З. С. 21]. Наиболее частотные реакции включают в себя основное значение лексемы в данном языке.

Основными компонентами ассоциативного поля являются ядро, центр и периферия, которые состоят из ассоциатов, соотнесенных иерархически, парадигматически и синтагматически. Ядро ассоциативного поля включает в себя значимые частотные ассоциации. Исследователи полагают, что даже дважды повторенная разными информантами ассоциация не случайна.

К периферийной зоне ассоциативного поля принято относить менее частотные ассоциации. Не следует пренебрегать единичными реакциями, так как большинство из них продолжает направления ассоциирования, которые намечены ассоциациями центральной ассоциативной зоны. Необходим комплексный учет всех реакций, а единичные реакции свидетельствуют о специфике ассоциативных структур языка.

Лексическое ассоциирование системно. Эта системность основывается на ряде стратегий ассоциирования, имплицитно известных носителям языка и используемых ими, в том числе при производстве текстов. Основываясь на внутренней семантической упорядоченности различных лексических объединений, лексическое ассоциирование обнаруживает некоторые постоянные признаки: структурное единообразие выявляемых ассоциативных полей у слов-стимулов одного лексико-грамматического класса, совпадение значительного круга ассоциаций у большого числа носителей языка, типологическое сходство в ассоциировании.

Ассоциативное поле – инструмент изучения концепта в национальной концептосфере при условии большого количества информантов, и в индивидуальной концептосфере, когда изучаются ассоциации отдельного человека. Если методом исследования языка можно считать моделирование семантического поля, то методом исследования мышления индивида является моделирование ассоциативного поля, так как ассоциации отражают отношения между понятиями и их элементами в нашем сознании и подсознании, то есть позволяет выявить их глубинные связи.

Ассоциативные реакции субъекта раскрывают внутренние связи, имеющие место в лексическом компоненте языковой способности, а потому являются частью значения лексической единицы.

Исследования показывают, что коннотация языковой единицы – это не просто структура, в свою очередь ассоциативный эксперимент наглядно иллюстрирует, что при встрече со словом-стимулом воспринимается не только его значение, но и «некоторые следы» [2. С. 44] начиная от перцептивного восприятия стимула и заканчивая той информацией, которая стоит за словом в сознании и подсознании индивида, номинируемой значением слова.

Ассоциативный эксперимент позволяет вербализовать сложную фиксированную систему, которая является определенным конечным результатом мыслительной деятельности индивида, но не дает информацию о формировании сложных механизмов этой системы. Он определенным образом характеризует структуру системы в целом, характеризуя национальную специфику её организации.

В психолингвистике различают три вида ассоциативных экспериментов: простой, направленный и отсроченный. Каждая из трех разновидностей ассоциативного эксперимента отражает функционирование разных уровней языкового сознания.

1. Простой ассоциативный эксперимент, при проведении которого респондентам даются следующие инструкции: отвечать словом или словосочетанием, которое первым приходит в голову при предъявлении стимула. Целью данного эксперимента является выявление национально-культурной специфики образов, соотносимых с концептом, лежащих на поверхности сознания, в оперативной памяти индивида.

2. Направленный ассоциативный эксперимент, при проведении которого, задавая дополнительные инструкции, экспериментатор направляет поток ассоциаций в определенное русло. Целью данного эксперимента является выявление образов, находящихся глубоко в сознании носителя языка и интерпретируемых им.

3. Отсроченный ассоциативный эксперимент, при проведении которого информанты не ограничены во времени. Цель данного эксперимента обеспечить спонтанный процесс воспроизведения образов, связанных со стимулом, формирующих языковое сознание и подсознание респондента.

Понятие языкового сознания в психолингвистике не имеет четкого определения. Его сближают с такими понятиями, как языковая картина мира, стратегия и тактика речевого поведения. В любом случае языковое сознание реализуется в речевом поведении. Поэтому, говоря о языковом сознании личности, мы должны иметь в виду

те особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психологическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности.

Языковое сознание личности включает в себя неосознанное и осознанное. И в выборе языковых средств, и в процессах понимания текста участвуют как бессознательные механизмы, так и осознанные действия. Граница между осознанным и неосознанным индивидуальна и ситуативно обусловлена. Личность, как правило, осознает лишь небольшую часть своего языкового поведения.

В лингвистике понятие языковое сознание является гносеологической экспликацией того факта, что способы видения мира (национально-специфические особенности жизни носителей языка/языков) влияют на процесс порождения, функционирования и развития слова и/или языка. В структуру ЯС входят правила организации знаков языка, их сочетания и употребления. «Ядро языкового сознания представляет собой лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющееся на протяжении его жизни, ориентирующее его в окружающей действительности и составляющее основу его языковой картины мира. Оценка «крупных блоков» структуры языкового сознания создает также уникальную возможность для проведения убедительных кросскультурных и кросс-исторических сравнений.» [5. С. 54]. Одной из важнейших задач лингвистики является научное осознание и описание языкового сознания.

Ассоциативный эксперимент фиксирует актуальное для человека психологическое значение слова, очевиднее проявляет отличие его реальной семантики от значения, представленного в словаре, выявляет пространство ассоциирования, которое выходит далеко за границы словарных статей и представляет психическую реальность «живого» слова. Ассоциативное поле – это функциональная психолингвистическая модель, фиксирующая ассоциативные связи слов, выявленные экспериментально; это модель, представляющая реальное сознание в процессе коммуникации. В ассоциативном эксперименте выявляется отношение индивида и языка, индивида и мира, причем отношение сознательное и бессознательное. Эти отношения выражаются языковыми средствами и отражают понимание мира, его концептуализацию, а также стратегии общения и речевого существования индивида. Ассоциативный эксперимент позволяет про-

следить не только семантические отношения между словами, но и грамматические, коннотативные, коммуникативные и т.д.

Примером для подтверждения данной гипотезы может послужить материал, полученный в ходе проведения ассоциативного эксперимента с отсроченной реакцией. В качестве стимулов для эксперимента, проведенного на русскоязычных информантах, послужили лексемы: *старость*, *старый*. В эксперименте, проведенном в Государственном техническом университете г. Комсомольска-на-Амуре, приняло участие 54 русских студента 1–3 курсов (мужчины и женщины примерно в равном количестве, в возрасте 17–22 лет). Участникам эксперимента были даны следующие инструкции: письменно ответить любым словом, первым пришедшим в голову при произнесении слова-стимула экспериментатором. **Время эксперимента и количество реакций не ограничивалось.**

Предшествующий анализ данных, зафиксированных в словарях, показал, что существительные, вербализующие концепт *старость* в русской лингвокультуре, – это, прежде всего, номинации лиц пожилого возраста и номинации свойств, состояний и процессов, свойственных старости:

1) номинации лиц женского пола – *бабушка*, *бабуся*, *бабуля*, *бабулечка*, *бабуленька*, *бабулька*; *старуха*, *старушка*, *старушечка*, *старушенция*, *старушонка*, *старушоночка*.

2) номинации лиц мужского пола – *дед*, *дедок*, *дедка*, *дедуля*, *дедулька*, *дедушка*; *старик*, *старец*, *старикан*, *старикашка*, *старикашечка*, *старичок*, *старичонка*.

3) номинации состояний – *старость*, *престарелость*; *ветхость*; *древность*; *дряхлость*.

4) номинации процессов – *старение*; *увядание*; *одряхление*, *дряхление*.

5) номинации свойств – *по-стариковски*, *старческий*, *старушечий*, *дедов*, *дедовский*, *бабкин*, *бабушкин*.

Представление о старости, находящееся в языковом сознании носителей русского языка и отраженное в ходе эксперимента в лексических значениях реакций на стимулы, связано в целом с возрастными физическими характеристиками, которые оцениваются информантами как негативные. Содержание концепта старость, можно определить, как слабо выраженную оппозицию «физические характеристики – интеллектуальные способности», пересекающуюся с оппозицией «неомощность - жизненный опыт».

Материал, полученный в ходе эксперимента на слова-стимулы *старость* и *старый*, отражен в 26,5% реакций, характеризующих физические особенности, связанные с «третьим возрастом», и в 12,6 % реакциях, характеризующих внешность. Самой частной ассоциацией в группе «физические характеристики» оказались ассоциаты: *дряхлость, дряхлый, дряхлеть* (11,7 % реакций). На втором месте по частотности находятся реакции, характеризующие старого человека, как слабого, больного и беспомощного: *слабый, беспомощный, больной, немощный, немощь* (10,8 % реакций). Неоднократно русскоговорящими респондентами упоминался такой признак, как усталость: *усталый, уставший* (2,6 % реакций). Реакции, указывающие на какие-либо физические недостатки или уродства явились не единичными: *глухой, хромой, импотент, беззубый, дед без зубов* (1 %); к ним присоединяются единичные реакции – *волючий и грязный* (0,2 %). Единичная реакция *здоровый* основана, вероятно, на оппозиции: *старый – но здоровый*, так же, как и *молодой – но уставший*.

Наиболее характерной чертой внешнего облика пожилого человека, упоминающейся значительно чаще других, является такая особенность внешности, как седые волосы (*седой, седина, белый* – 6,9 %). Неоднократно респонденты упоминали *бороду* (2,4 %) и *палочку* (*палка, клюка* – 1,8 %). Менее актуальными оказываются такие детали, как *морщины* (0,2 %), *лысина* (0,2 %), *очки* (0,1 %). Единичной явилась реакция с отрицательной эстетической оценкой: *страшный*.

Третье место по количеству реакций занимает подгруппа «носители признака «старость»», в процентном отношении составляет 11,1 %. Она включает множество однокоренных эмоционально-оценочных слов дериватов различной стилистической окраски: *дед, дедушка, дедок, бабушка, бабулечка, старикашка, кляча, старик, старушка, старикан* – это свидетельствует об актуальности данного сегмента в содержательной структуре концепта.

На четвертом месте по количественному составу находится группа реакций «качественные характеристики старости» – 9 %. В этой группе преобладают лексемы, дающие сочувственно-отрицательную оценку «третьему возрасту»: *жаль, плохо, обреченность, плохой, скучно, не радость, не в радость, беда, тяготит*.

Если в значениях лексических репрезентантов концепта *старость*, определенных в лексикографических источниках, слабо выражены представления об интеллектуальных качествах людей данного возраста, то ассоциативные реакции, характеризующие старого чело-

века с этой стороны, оказываются достаточно частотными – 4,9 % (вероятно, в этом проявляется влияние синтагматических связей слов-стимулов), причем отрицательная оценка (пень, дурак, болван, глупый – 3,2 %) значительно преобладает над положительной (мудрый, мудрость – 1,7%).

Ассоциативные данные, полученные в результате проведения эксперимента, в целом согласуются с основными значениями данной лексемы, отраженными в словаре, однако они им не тождественны:

а) физические особенности, свойственные старости в ассоциативном материале дополнены подробными характеристиками внешности старого человека;

б) в ассоциациях присутствует сочувственно-отрицательная оценка «третьего возраста»;

в) характерной чертой старости респонденты назвали низкие интеллектуальные способности старого человека;

Ассоциативные реакции дополняют содержание концепта старость характеристикой духовных качеств и особенностей характера людей этого возраста, типичных для старости ситуаций, явлений и социальных ролей, зафиксированных в языковом сознании носителей русского языка.

Опираясь на данные ассоциативного эксперимента, в ассоциативном поле «старость» можно выделить 3 лексико-сематические группы. Принадлежность лексемы к ядерной и периферийной зоне в структуре концепта определяется, прежде всего, яркостью/актуальностью признака сознании носителя соответствующего концепта, которая в свою очередь устанавливалась согласно частоте встречаемости лексемы в реакциях носителей русского языка. Лексемы, встречаемость которых составила более 2 %, были отнесены к ядерной зоне; от 0,3 % до 2 % к периферийной; менее 0,3 % не учитывались при построении лексико-семантических групп.

1. ЛСГ1 – **существительные с гиперсемой «обозначения старости»**. Необходимо отметить, что не все лексемы содержат возрастную сему «старость», часть реакций основана на метафорическом переносе. *Ядерную зону* концепта составляют лексемы: *дряхлость, немощь, не радость*. *Периферийная зона* концепта представлена лексическими единицами: *мудрость, одиночество, болезнь, года, возраст, тоска*.

2. ЛСГ2 составляют существительные и словосочетания с гиперсемой «обозначение лица преклонного возраста». *Ядерную зону*

концепта составили лексические единицы нейтральной окраски: *старый дед, старый человек*. Периферийные единицы детализируют единицы первой группы, актуализируя какую-либо гипосему подгруппы, стилистическая окраска этих единиц снижена. Гипосема 1: «обозначение лица мужского пола»: *старый друг, старый пень, старый хрыч, старый черт, старый козел, старый дурак, дедушка, дедок, старикашка, старик*. Гипосема 2: «обозначение лица женского пола»: *старая перечница, бабушка, бабулечка, старая кляча, старушка*.

3. ЛСГЗ представлена прилагательными и адъективными словосочетаниями с гиперсемой «признак лица преклонного возраста». Ядерную зону концепта представляют единицы: *дряхлый, седина, седой, слабый, усталый, борода*. Периферийные единицы: *мудрый, ворчливый, вредный, больной, беспомощный, немощный, глухой, беззубый, глупый*.

Список литературы

1. Гасица, Н. А. К проблеме семантической категоризации в онтогенезе [Текст] / Н. А. Гасица. – М. : Университет, 1990. – С. 26–54.
2. Кубрякова, Е. С. Язык и знание [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
3. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики [Текст] / А. Н. Леонтьев. – М. : Унта, 1992. – 575 с.
4. Уфимцева, Е. И. Социальное пространство моно- и мультикультурной коммуникации [Текст] / Е. И. Уфимцева. – М. : Наука, 2007. – С. 50–60.
5. Ушакова, Т. Н. Язык, сознание, культура [Текст] / Т. Н. Ушакова. – М. : Наука, 2005. – С. 5–18.

List of literature

1. Gasic, N. A. K probleme semanticheskoj kategorizacii v ontogeneze [Tekst] / N. A. Gasic. – M. : Universitet, 1990. – С. 26–54.
2. Kubrjakova, E. S. Jazyk i znanie [Tekst] / E. S. Kubrjakova. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 555 s.
3. Leont'ev, A. N. Problemy razviti-ja psihiki [Tekst] / A. N. Leont'ev. – M. : Unta, 1992. – 575 s.
4. Ufimceva, E. I. Social'noe prostranstvo mono- i mul'tikul'turnoj kommunikacii [Tekst] / E. I. Ufimceva. – M. : Nauka, 2007. – S. 50–60.
5. Ushakova, T. N. Jazyk, soznanie, kul'tura [Tekst] / T. N. Ushakova. – M. : Nauka, 2005. – S. 5–18.

ЕДИНИЦЫ ДОКУМЕНТНЫХ ТЕКСТОВ: СФЕРА ФИКСАЦИИ

Н. А. Тюрикова

В статье представлены результаты анализа лексикографических возможностей знаковых средств документных текстов. Выявлена зависимость качественных характеристик документных текстов от типологического состава входящих в него единиц.

Ключевые слова: документный текст, документная компетенция, документный речевой процесс, лингвистическая сфера фиксации, документный словарь.

Одной из актуальных проблем современной документной лингвистики является установление зависимости качественных характеристик документных текстов от состава единиц, участвующих в их создании. Действие стандартизирующих и унифицирующих правил не только ограничивают состав используемых лексико-фразеологических средств, но и воздействуют на собственно лингвистические подходы в соответствии с которыми и строятся документные тексты. Это обстоятельство влияет как на количественные, так и на качественные характеристики документных знаковых средств.

Как показывают многочисленные исследования, проведенные на разнородном текстовом материале такое свойство лингвистических объектов, как сложность, исключает возможность безостаточного деления при классифицирующих действиях на интралингвистических основаниях. Отмечая постоянство этого качества и многообразие проявления речевой сложности, В.М. Жирмунский писал, что классификация текстов «не требует той формально-логической последовательности принципа деления, которая необходима для классификации отвлеченных понятий» [1. С. 61]. Следовательно, классификация сложных лингвистических объектов (например, текстов) имеет более надежные основания, если реализуется не по принципу наличия или отсутствия признака, а по степени его проявления, связанной с составом элементов (лексикой, фразеологией) и мерой их реализации в составе сложного целого (документного текста). Формы этого взаимодействия в лингвистике имеют разные аспекты рассмотрения: от классического, «по Соссюру», принятия первичности речевого отно-

сительно языкового [2] до действий, опирающихся на аксиоматическое положение о том, что «в речи, реализованной в предложениях, формируется и оформляется язык» [3. С. 17-18]. Подразумевается, что тексты являются единственными наблюдаемыми лингвистическими объектами, представляющими и сохраняющими все основные свойства языка, который, в свою очередь, выступает как «грамматическая система и словарь, то есть инвентарь языковых средств, без овладения которыми невозможно речевое общение» [4. С. 111].

Различные доминанты взаимосвязей между речевыми объектами и системой языка, а также различные аспекты изучения текстов документной коммуникации дают возможность выделить следующие группы проблем, которые представляют отношения между языковыми и речевыми характеристиками документных объектов.

1. Документная компетенция. Речь идет о частной языковой компетенции, которая проявляется в степени усвоения языковой схемы, реализуемой в условиях документной коммуникации. Она включает взаимосвязанные компоненты: *освоение и сохранение в сознании личности совокупности языковых элементов, соответствующих условиям и требованиям документной коммуникации, освоение системы лингвистических действий, направленных на выбор релевантных языковых средств и их организацию, соответствующую принятой модели.* Внешние, стандартизирующие и унифицирующие механизмы, предусмотренные для документа как объекта самостоятельной нелингвистической науки – документоведения, устанавливают сложные динамические ограничения на элементный состав языковой системы и на структурные параметры их реализации в основном компоненте документа – в документном тексте.

2. Документный речевой процесс. Различия между неофициальным речевым процессом, недокументным речевым актом, и документным речевым процессом носят принципиальный характер. Исходный замысел, определяющий содержание документного текста, должен быть воплощен в такую речевую форму, для которой регулируется не только содержание и состав единиц, но и схема (структура, композиция) итогового речевого объекта. Выбор системных средств и особенности их реализации должны учитывать следующие условия создания и функционирования речевого объекта: *выделение четко определенного документного замысла, мотива, цели; представление специфики документной ситуации, требующей конкретного документа или системы документов с*

соответствующими им документными текстами, учет особенностей коммуникативной сферы, документного контекста, наличия и особенностей документной обратной связи; языковая динамика – смена состояний документной компетенции – нахождение соответствий «ситуация - текст».

3. Ограничение языковой схемы. Имеется в виду ограничение системных возможностей и номенклатуры знаковых элементов различной сложности, используемых при создании документных речевых продуктов, и отношений, реализуемых между этими элементами. Для документных реализаций отношения испытывают накладываемые унифицирующими и стандартизирующими правилами ограничения в сферах парадигматики и синтагматики, что не свойственно недокументным текстам [5; 6]. Ограничение языковой схемы, действующее при формировании документных речевых объектов можно представить как реализацию модели с двумя основными компонентами: *ограниченный состав документных единиц, реализация принятых, унифицированных грамматико-композиционных решений.*

4. Документный речевой продукт. Полученный в результате контролируемой реализации языковых средств документный текст можно представить как сложный продукт, порождаемый реализацией комплекса исходных условий: *тематическим ограничением темы и ситуации коммуникации, отражением документной компетенции в тексте, что проявляется в выборе языковых средств и в соответствии их организации языковым и унифицирующим правилам одновременно.*

Исследование основных отношений между языковой системой и получаемыми при ее реализации документными текстами показывает, что в явном виде и устойчиво реализуется внешний элемент модели «язык – документный текст»: совокупность языковых единиц, документных средств, выделяемых в языковой подсистеме соответствующего уровня, ограничивается системой унифицирующих и стандартизирующих правил. Формой представления действия ограничительных механизмов на лексико-фразеологическом уровне может быть словарь или совокупность словарей, представляющих как номенклатуру документных средств, так и их функциональные и логико-семантические характеристики.

Тесная взаимосвязь «словарь – текст» не опровергается исследователями, проблемы возникают в определении характера связи, в

формах ее представления. Лексикографическая экспликация индивидуально-стилевых, функционально-стилевых особенностей, лингвостатистических показателей вариантности реализации единиц показали свою эффективность в теоретических и прикладных исследованиях [7]. По нашему мнению, лексикографическое представление состава документных текстов имеет смысл как в практическом, так и в теоретическом отношении. Оставив в стороне прикладные аспекты подобного представления, рассмотрим лишь некоторые теоретические основания лексикографических подходов при исследовании документных текстов.

С одной стороны, недостаточно говорить о специфике состава документных текстов, необходимо представить эту специфику в систематизированных формах. С другой стороны, специфика текста определяется спецификой его состава. Это обстоятельство предполагает описание состава текстов как системы лексикографических объектов, отражающих как качественные, так и количественные особенности текстов. Кроме того, словарное представление единиц не только входит в систему действий, связанных с обязательными для документных объектов процессами языковой унификации и стандартизации, но и помогает установлению логико-семантических отношений между подсистемами документных лексико-фразеологических единиц, которые могут быть представлены в словарях разных видов. При этом учтем следующие принципиальные особенности документной коммуникации, воздействующие и на общие свойства документных словарей, на их возможный состав, объем и принципы описания.

Во-первых, при создании документного текста предполагается соблюдение системы правил, реализация которых ограничивает текстовую реализацию существенной доли единиц лексико-фразеологической подсистемы. Одновременно сужается морфологический (частеречный) состав текстов.

Во-вторых, приписываемый документным текстам «долженствующе-предписующий и информационно-констатирующий» характер [8. С. 176; 9. С. 95–97] заметно определяется лексико-семантическими особенностями документных единиц. Лексикографическое представление единиц документных текстов дает возможность в частном виде решать чрезвычайно объемную задачу, актуальность которой отмечается многими исследователями: «исследование и построение лексикографических структур и моделей знаний, лексикографирование интеллектуальных феноменов речемышлительного аппарата

человека, в частности эффектов языковой и лингвистической компетенции» [10. С. 25]. Словари документных единиц становятся как унифицирующими коммуникативными инструментами, так и объектами когнитивной лингвистики.

В-третьих, словарь дает возможность количественно представить распределительные параметры документных единиц, относящихся к различным типологическим классам. Например, высокая степень номинализации, именных свойств исследуемых текстов дает основание для предположения о том, что высокая активность субстантивных элементов в документных текстах воздействует на специфику распределительных параметров для всех единиц, участвующих в построении текстов документов.

В-четвертых, соображения Б. Н. Головина о «степени густоты» той или иной окраски для документных текстов с их ярко выраженной функционально-коммуникативной отнесенностью [11. С. 140] могут служить основой для объективизации внутривидовых противопоставлений текстов, что проявляется как в составе единиц, формирующих документные тексты, так и в частотах их реализации. Одновременно возникают особые логико-семантические отношения, которые могут быть представлены путем установления отношений между ключевыми элементами документных текстов и единицами, выступающими в качестве именованний – заголовков документных текстов. Следовательно, словарь может выступать как классифицирующий инструмент, демонстрирующий вариантность лексико-фразеологических реализаций в текстах различных видовых групп – документных жанров.

Одним из сложных вопросов является вариантное использование единиц с различной степенью внутренней специфичности: возникает неоднозначность при принятии решения о включении-невключении таких единиц в документные словари. Можно отметить, что документные тексты хотя и допускают лексико-фразеологическую вариантность построения текстов, однако эта вариантность имеет довольно ограниченный характер, регулируется унифицирующими инструментами или создает условия для такой унификации. Как показывает анализ, наиболее эффективной является коммуникация, в которой используются документные тексты с лексико-фразеологическими компонентами, имеющими устоявшиеся общепринятые дефиниции (терминологические компоненты) и моносемичные единицы (нейтральная нетерминологическая лексика).

Приведенные выше связаны с методологией лексикографического представления единиц в составе документных словарей и тезауруса, используемых в аналитико-синтетической обработке текстов, в унификации документов, в учебно-исследовательской практике.

Список литературы

1. Жирмунский, В. М. О природе частей речи и их классификации [Текст] / В. М. Жирмунский // Общее и германское языкознание. – Л. : Наука, 1976. – С.60–82.
2. Соссюр, Ф., де Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.
3. Кондрашов, Н. А. История лингвистических учений [Текст] / Н. А. Кондрашов. – М. : Просвещение, 1979. – 224 с.
4. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М. : УРСС, 2002. – 444 с.
5. Богданов, В. В. Речевое общение [Текст] / В. В. Богданов // Язык и культура. Сб. обзоров. – М. : АН СССР, ИНИОН, 1987. – С.6–14.
6. Богданов, В. В. Текст и текстовое сообщение [Текст] / В. В. Богданов. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ГУ, 1993. – 67 с.
7. Герд, А. С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания [Текст] / А. С. Герд // Прикладное языкознание. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ГУ, 1996. – С.68–90.
8. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка [Текст] / М. Н. Кожина. – М. : Просвещение, 1983 – 221 с.

List of literature

1. Zhirmunskij, V. M. O prirode chastej rechi i ih klassifikacii [Tekst] / V. M. Zhirmunskij // Obwee i germanskoe jazykoznanie. – L. : Nauka, 1976. – S.60–82.
2. Sossjur, F., de Trudy po jazykoznaniju [Tekst] / F. de Sossjur. – M. : Progress, 1977. – 695 s.
3. Kondrashov, N. A. Istorija lingvisticheskikh uchenij [Tekst] / N. A. Kondrashov. – M. : Prosvewenie, 1979. – 224 s.
4. Benvenist, Je. Obwaja lingvistika [Tekst] / Je. Benvenist. – M. : URSS, 2002. – 444 s.
5. Bogdanov, V. V. Rechevoe obwenie [Tekst] / V. V. Bogdanov // Jazyk i kul'tura. Sb. obzorov. – M. : AN SSSR, INION, 1987. – S.6–14.
6. Bogdanov, V. V. Tekst i tekstovoe soobwenie [Tekst] / V. V. Bogdanov. – SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo GU, 1993. – 67 s.
7. Gerd, A. S. Special'nyj tekst kak predmet prikladnogo jazykoznanija [Tekst] / A. S. Gerd // Prikladnoe jazykoznanie. – SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo GU, 1996. – S.68–90.
8. Kozhina, M. N. Stilistika russkogo jazyka [Tekst] / M. N. Kozhina. – M. : Prosvewenie, 1983 – 221 s.

9. Офисная документация: Подготовка и оформление [Текст] / Сост. И. Н. Кузнецов. – Минск : Книжный Дом, 2004. – 831 с.
10. Лексикография: Информационный бюллетень [Текст] / Под ред. А. С. Герда. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ГУ, 2004. – 67 с.
11. Головин, Б. Н. Язык и статистика [Текст] / Б. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1971. – 190 с.
9. Ofisnaja dokumentacija: Podgotovka i oformlenie [Tekst] / Sost. I. N. Kuznecov. – Minsk : Knizhnyj Dom, 2004. – 831 s.
10. Leksikografija: Informacionnyj 'bulleten' [Tekst] / Pod red. A. S. Gerda. – SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo GU, 2004. – 67 s.
11. Golovin, B. N. Jazyk i statistika [Tekst] / B. N. Golovin. – M. : Prosvevlenie, 1971. – 190 s.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ В ЯЗЫКЕ СОЦИОЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ**

Н. Х. Хаджаева

Национальная культура может рассматриваться как система, состоящая из векторов развития культурных подсистем, один из которых представлен языком. На сегодняшний день в плане исследования эволюции языка огромное внимание уделяется социолекту, который рассматривается как коллективное языковое толкование культуры. В этой статье я попыталась выявить лингвистико-культурологический аспект социолектной лексики.

Ключевые слова: лингвокультурология, социолект, национальная культура.

Данное понятие возникло в лингвистике относительно недавно, а именно во второй половине 20 столетия. Социолект – (от лат. *societas* общество, и диалект) это социальный диалект, который включает в себя групповые, речевые особенности, прежде всего, лексические и стилистические, характерные для определенной социальной группы, а именно профессиональной, возрастной, сословной, или какой-либо субкультуры. Понятие «социолект» удобно для обозначения различных и несхожих друг с другом языковых явлений, у которых, в то же время, существует общее объединяющее их свойство: данные образования служат для удовлетворения коммуникативных потребностей социально ограниченных групп людей.

Социолектная лексика не может рассматриваться как целостная система коммуникации. Это является отличительной чертой речи – в виде слов, словосочетаний, синтаксических конструкций, особенностей ударения и т.п.; основа же социолектов – словарная и грамматическая – обычно мало чем отличается от основы характерной для данного национального языка.

М. А. Грачев определяет социолект как разновидность поэтики, которая является неотъемлемым свойством языковой и поведенческой культуры человечества, существование которой обусловлено лишь двумя социально-культурными факторами: наличием разделения труда, а также интеграционных процессов на основе товарообмена» [1. С. 11].

Как пишет В. А. Салаяев в России социолект произошел от языка «отверница», который употребляли казаки бунтари под предводительством Ивана Болотникова. О данном языке упоминает в своих записях голландец Исаак Масса, имевший возможность наблюдать употребление «отверницы» в России в 1601 – 1635; также писал о данном языке и его современник Ричард Джеймс. [2. С. 34].

Первая достоверная информация о составе социолектного словаря появляется в «Истории славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина». Среди небольшого количества примеров Ванька Каин приводит фразу «Когда мас на хаз, так и дульяс погас, не давая перевода данных слов, лишь поясняет «никто не шевелись». Для перевода данной фразы можно применить современные словари сленга: масс «я», хаза – «квартира, притон», дульяски – «спички». Соответственно можно сделать вывод о существовании социолекта в России уже с первой половины XVIII в.

Наибольшее количество условно-профессиональных социолектов образовалось среди ремесленников, мелких торговцев и крестьян. К данным социолектам относится офени Владимирской губернии. Вышел офенский язык из употребления лишь во второй половине XIX в. Данный тайный язык употреблялся среди воров и разбойников. Кроме того, выяснилось, что кроме преступников, тайный язык использовался и в других профессиональных сообществах и группах российского социума в большей степени тех, чей род деятельности предполагал частые перемещения по просторам страны. Офеня, в частности, бытовал в среде нищих и странников, раскольников, ямщиков почтовых трактов, крестьян, занимавшихся отхожими промыслами, в купечестве, но главным образом среди мелких торговцев-разносчиков, которых называли в народе - коробейниками или иначе – офенями. По этой причине он и получил название офенского языка.

В те времена офенством начинали заниматься в раннем возрасте, а именно мальчики едва достигшие восьмилетнего возраста. Так как офеням приходилось скитаться с раннего возраста, терпеть голод и холод, а также побои, их характер закалялся и становился крепче и даже черствее. Также дети были свидетелями обманов в торговле старших и перенимали у взрослых соответствующие качества. Соответственно, становится очевидным, что тайный язык использовался офенями для ведения нечестной торговли.

Некоторые офенские слова по форме совпадали с литературными, но имели абсолютно иное значение (декан «десять», губка «за-

куска», костер «город», шустрый «острый», плитка «рубль», ботва «ты») другие создавались из русских морфем и имели довольно прозрачное значение (катыши «колеса», мазиха «краска», теплуха «лето», рюмка «бухарка», плеханиться «мыться»), третьи были разнообразными переделками русских слов (нескульзя «нелзя», сизюмнадцать «семнадцать», нозвая – «новая»; ропя «пора», по-видимому, и слово мас – «я» - это прочитанное наоборот «сам»). Но, как правило, данные слова не поддаются этимологизации и, целесообразно предположить, что они созданы искусственно, например буска «питье», брайка «пища», куренчо «серебро», феро «сено» и т.д.

Несмотря на то, что экономические социальные изменения последнего века должны были в корне подорвать основы функционирования социолектов, к середине XX в. они все еще употреблялись во Владимирской, Костромской, Горьковской, Пензенской, Брянской и в отдельных пунктах ряда других областей.

В. Д. Бондалетов в 1959–1960-х годах произвел выборку детальных словников офенских языков и сделал вывод о том, что форма и семантика слов изменились незначительно. Так, например, понимание цитированной выше фразы из мемуаров Ваньки Каина не спровоцировало бы никаких сомнений и у некоторых современных носителей офенского языка, так как еще в 1960-е годы некоторые лексические единицы данного языка использовались с тем же значением и в неизменной форме. Необходимость в социолекте утратилась, так как отходничества к тому моменту не было в практике в течение нескольких десятилетий, но в его прежних центрах закрепилось немало слов в качестве показателей местной идентичности и способа экспрессивного выражения.

Со временем в офенской лексике наблюдаются значительные изменения как в семантике, так и в форме. Например, слово лох – «мужик, крестьянин» приобрело новое значение «доверчивый, недалекий человек», слово паханя, которое ранее имело значение «хозяин» видоизменилось и стало паханом и сегодня истолковывается как «опытный вор, главарь». Истинное значение слова мастырить – «мастерить» сохраняется, но производное мастырка обретает особый смысл – «умышленная рана», «фальшивый, относительно документов или драгоценностей».

Но базовое отличие в лексиконе двух типов социолектов обосновано тем фактом, что предметные области, требующие в них особого обозначения, значительно различаются. Как было упомянуто выше,

офенский язык традиционно употреблялся среди крестьян, мелких торговцев и различных ремесленников. Также данный язык широко применялся в уголовном мире для развития специфики взаимоотношений в преступной среде, описания реалий мест заключения, выражения особенностей воровских специальностей: к примеру, офенское ширман – «карман» у ширмачей – «карманников» приобрело множество синонимов, таких как балка, гужак, шхера и десятки других обозначений разновидностей кармана. Новые слова, как правило, строясь на русском (в том числе диалектном) материале, в то время как «офенские» реалии потеряли свою актуальность по причине практически полного отсутствия связи с нынешним бытом.

Как пишет В.А. Тонков до революции развитие социолекта не имело отношения к разговорному языку граждан, не связанных с преступным миром. В 1920-е годы резкое увеличение социальной мобильности жителей провоцирует дестабилизацию языковой нормы, обыденная речь изобилует лексическими единицами уголовного происхождения, значительная часть этих слов прочно закрепляется в разговорной речи, а их происхождение в скором времени перестает приниматься во внимание: бардак, по кайфу, и т.д.» [4. С. 57].

В. В. Стратен сделал вывод о том, что в 30-е годы ужесточение цензуры текстов письменная речь становится более нормативной, но устная, а именно молодежный, армейский и другие профессиональные социолекты, в силу постоянного взаимодействия представителей различных слоев общества с пенитенциарной системой, попадает под очевидное влияние аргю. По мнению В. В. Стратена, в связи с отменой цензуры, значительно арготизируется стиль всех типов письменных текстов, средств массовой информации, а также выступлений на публике» [3. С. 35].

Следовательно, проводя обобщение исследования ученых, является целесообразным предположить, что в нынешней русской речи с первой половины XVIII в. наблюдается некий пласт социолектов, в которые входят сленг, аргю и жаргон, возникшие вследствие смягчения цензуры и внедрения в литературную речь слов преступного мира.

Список литературы

1. Грачев, М. А. Язык из мрака: Блатная музыка и феня. Словарь арготизмов [Текст] / М. А.

List of literature

1. Grachev, M. A. Jazyk iz mraka: Blatnaja muzyka i fenja. Slovar' argotizmov [Tekst] / M. A. Grachev.

- Грачев. – Нижний Новгород : – Nizhnij Novgorod : Floks, 1992. Флокс, 1992. – 207 с. – 207 с.
2. Саляев, В. А. Об основных этапах эволюции арготического слова [Текст] / В. А. Саляев // Русский язык в школе. – № 5. – 1996
2. Saljaev, V. A. Ob osnovnyh etapah jevoljucii argoticheskogo slova [Tekst] / V. A. Saljaev // Russkij jazyk v shkole. – № 5. – 1996
3. Стратен, В. В. Творчество городской улицы [Текст] / В. В. Стратен // Художественный фольклор. Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН. / Под ред. Ю.Соколова. – Т. II-III. – М., 1927.
3. Straten, V. V. Tvorchestvo gorodskoj ulicy [Tekst] / V. V. Straten // Hudozhestvennyj fol'klor. Organ fol'klornoj podsekcii literaturnoj sekcii GAHN. / Pod red. Ju.Sokolova. – T. II-III. – M., 1927.
4. Тонков, В. А. Опыт исследования воровского языка [Текст] / В. А. Тонков. – Казань : Изд-во Казан, ун-та, 1930. – 134 с.
4. Tonkov, V. A. Opyt issledovani-ja vorovskogo jazyka [Tekst] / V. A. Tonkov. – Kazan' : Izd-vo Kazan, un-ta, 1930. – 134 s.
5. Филин, Ф. П. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство [Текст] / Ф. П. Филин. – Рязань, 1980
5. Filin, F. P. Uslovnyye jazyki russkih remeslennikov i torgovcev. Slovoпроизводство [Tekst] / F. P. Filin. – Rjazan', 1980.

ЯЗЫК СМИ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА «ЧУЖОГО» В ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ СМИ)

Е. А. Андリュщенко

В статье рассматриваются лингвистические средства выражения оппозиции «свой – чужой» в СМИ Великобритании. Особое внимание уделяется образу «чужого» в статьях на военную тематику. Автор анализирует стилистические, синтаксические средства создания образа с учетом модальности высказываний.

Ключевые слова: образ «чужого», тропы, синтаксические фигуры, императивные и неимперативные по форме высказывания.

В последние десятилетия в научном пространстве многих стран ведутся интенсивные дискуссии по проблемам межкультурного общения и, в частности, проблемам восприятия и репрезентации образа «чужого». В данной статье, вслед за Н. Л. Шамне, мы понимаем термин «межкультурная коммуникация» в «узком» и «широком» смыслах. Нас интересует «широкий» смысл данного понятия, в рамках которого межкультурная коммуникация – это коммуникация между представителями разных обществ и разных языков, а не культурное взаимодействие между представителями одного общества и одного языка, как понимается данный термин в «узком» смысле [4. С. 28].

В ходе нашего исследования было проанализировано свыше 2000 примеров из текстов британских СМИ и выделено несколько тематических групп, реализующих образ «чужого» в прессе. Назовем выбранные нами темы, которые в результате анализа лингвистических единиц были выявлены в качестве «чужих», приведем данные в таблице.

Остановимся на описании «чужого» в материалах на военную тематику. Считаю важным отметить, что разделение на 11 тем, проведенное нами на начальном этапе исследования, можно считать условным, так как некоторые контексты можно отнести одновременно

к нескольким тематическим группам. Например, мы посчитали, что примеры, описывающие плохое обмундирование войск, больше характеризуют политических лидеров, занимающихся этим вопросом, чем формируют у читателя образ «чужой» войны.

Таблица 1

Образ «чужого» на страницах Британских СМИ

Тема	Количество контекстов
Другие страны	31,3 %
Политическая система (конкретные политики, политические партии, премьер министр, политики-иностранцы)	18,9 %
Экономическая система (банковские работники, органы управления экономикой, финансовые структуры иностранных государств)	12,7 %
Преступный мир (особенно преступник-иностранец)	11,7 %
Системы образования, здравоохранения, работа полиции	6 %
Россия	4,8 %
Военные действия	4,5 %
Отношения между представителями противоположных полов, разделение общества по половому признаку	4,3 %
Проблемы иммиграции	2,2 %
Спортивная тематика	2,1 %
Мир знаменитых людей (представителей шоу-бизнеса)	1,2 %

Рассмотрим средства создания образа «чужого» в статьях на военную тематику через призму тропов, исходя из классификации тропов по И. Р. Гальперину [1]. Приведем данные в виде таблицы.

Таблица 2

Образ «чужого» через призму тропов

Средства создания образа «чужого»	Количество примеров	Процентное соотношение
метафора	30	33%
эпитет	84	92%
сравнение	15	16%

антитеза	17	19%
метонимия	5	5,5%
гипербола (климакс, антиклимакс)	5	5,5%
голофразис	4	4,4%
оксюморон	1	1,1%
фоностилистические средства	1	1,1%
графические средства	3	3,3%
литота	1	1,1%

Как показывают статистические данные, представленные в таблице, авторы используют метафоры и эпитеты чаще других средств для создания образа войны. Житель Великобритании недоволен отношением правительства к инвалидам военных действий, авторы статей выражают сочувствие бывшим военным, они поражены их храбростью, мужеством. *I am cross with the Army. He saw all these horrendous things, which turned him into what he is now, and then they didn't want him* [The Times, December, 2009]. Речь идет о солдате, ставшем инвалидом в результате обстрела. *Markland was a "veritable guiding light" to all those he served with* [The Daily Telegraph, February, 2010]. Личность Маркланда, погибшего в бою солдата, описывается с помощью эпитетов и метафоры *"veritable guiding light"*, которые помогают передать читателю положительные особенности характера человека и способствуют появлению чувства сожаления по поводу гибели солдат.

Военный образ «чужого» находит свое отражение в оппозициях «политики – солдаты», «военное начальство – солдаты», «Министерство Обороны – солдаты», «начальники штаба – солдаты». Интересен тот факт, что солдаты и типичный британец выступают в качестве взаимозаменяемых понятий. Для типичного британца солдаты выступают в образе «своего», а верхушка, отдающая приказы – в образе «чужого». *Our soldiers were expected to give their lives if necessary, but those at the very top shrank from committing "career suicide" by standing up to politicians and telling them the uncomfortable truth* [The Daily Mail, December, 2009]. Употребление указательного местоимения *"those"* для номинации армейского командования имеет эмотивную силу и выражает раздражение и гнев британца. Использование графического средства *"career suicide"* сигнализирует о наличии импликации, подчеркивает никчемность начальства по

сравнению с солдатами, которые готовы отдать жизнь на войне. *The same cannot be said for many of those at the top of the MoD whose responsibility was to make the right decision in Iraq and not the convenient one* [The Daily Mail, December, 2009]. В данной статье с помощью серии антитез противопоставляется храбрость солдат и боязнь Министерства Обороны принять правильное, а не выгодное решение.

Население Британии, с одной стороны выражает недовольство расходами на содержание войск, указывая на то, сколько денег налогоплательщиков тратится на жизнь солдат и командования на территории баз в Афганистане. *...a small tented camp was transformed into a giant operation cub complete with gyms, garages, a chapel and a giant dining room in a matter of weeks* [The Times, December, 2009]. Противопоставление маленького лагеря с палатками и гигантского центра, построенного на его месте в течение нескольких недель, свидетельствует о том, что планы правительства по ведению военных действий в Афганистане изменились. Повтор эпитета «гигантский» подчеркивает масштабность проводимых операций. Приведем еще один пример: *The troops need trucks to drive around in. The trucks need spare parts. The bases need gravel to keep the dust down* [The Times, December, 2009]. Использование повтора-подхвата (анадиплосиса) в данном контексте показывает нарастание напряжения. Читатель задает вопрос: «А что же ждать дальше при таких условиях, когда на военные базы даже завозится гравий, чтобы не было пыльно?»

С другой стороны, жители Великобритании обвиняют правительство в том, что войска были плохо обмундированы перед военными действиями, вследствие чего и понесли потери: *British troops were not equipped properly when they were sent into "harm's way"* [The Telegraph, February, 2010]. В данном контексте используется графическое средство, кавычки, для того, чтобы показать, что фраза принадлежит не автору, а типичному британцу.

Кроме недовольства к правительству по поводу его отношения к инвалидам войны, язык СМИ отражает неодобрение народа политической участью страны в войне. Авторы материалов выражают мнение о том, что большинству людей непонятны причины участия в военных действиях в Ираке. *The real strategic reason Britain joined the Iraq War was to sustain "special relationship", to maintain our alliance with the U.S.* [The Daily Mail, December, 2009]. Речь в данной статье идет о том, что главное для Великобритании – это поддержать отношения с США, угодить правительству страны. Страницы газет изоби-

луют фразами о партнерстве и взаимоуважении “a mature alliance partnership”, “mutual respect”. Однако появляются сообщения, что даже президент Обама не знает, для чего нужна война, он пытается оправдаться перед миром. *Obama sometimes calls this war a war of necessity; sometimes he calls it a war for the defense of the West and sometimes a war being waged for the security of the world. These are his efforts to mobilize the opinion of the world in favour if this war* [The Times, December, 2009]. Метонимия «Запад», «Мир» помогает выразить обобщенные понятия, указав на страны, которые помогают США вести военные действия. Повторяющиеся структуры служат средством сообщения читателю, что президент США непостоянен, соответственно, у британского читателя возникает сомнение, есть ли необходимость поддерживать такого союзника, ценой таких жертв, как жизни людей.

Рассмотрим синтаксические средства создания образа «чужого» в сообщениях британских СМИ. Вслед за Е. А. Горло, будем придерживаться классификации, по которой, синтаксические средства воздействия делятся на фигуры прибавления, фигуры убавления, фигуры перестановки и сложные речевые фигуры [2] . Приведем статистические данные исследования в таблице.

Таблица 3

Синтаксические средства создания образа «чужого»

Средства создания образа «чужого»	Количество примеров	Процентное соотношение
Фигуры прибавления (все виды повторов, параллелизм, анадиплозис, пролепса)	31	34%
Фигуры убавления (эллипсис, апосиопезис, просиопезис, асиндетон, апокойну)	0	0
сложные синтаксические фигуры (анаколуф, амфиболия, эмфазис, анноминация, тавтология, амплификация, анажбеман, полисиндетон, цитация, синтаксический архаизм)	31	34%
фигуры перестановки (парцелляция, инверсия, тмезис, парантезис, скандирование)	23	25%

Данные, приведенные в таблице, показывают, что авторы сообщений используют фигуры прибавления и сложные синтаксические фигуры одинаково часто, в 34% контекстов, реже употребляют фигуры перестановки и избегают фигур убавления. Например: “*In larger and more rural Afghanistan, it’s much harder to control territory and influence the mood*” – as the Russians found in 1980s with many more soldiers [BBV, August, 2009]. В данном сообщении автором используется инверсия, чтобы обратить внимание читателя на важные элементы в предложении. Цитата показывает достоверность сведений. Эпитеты “*larger and more rural*”, выраженные прилагательными в сравнительной степени, помогают увидеть разницу между ведением боевых действий на территории Афганистана и Ирака. А ссылка на русских наводит читателя на мысли о потерях, который понесли советские войска в Афганистане.

Приведем данные анализа образа «чужого» с позиции модальности высказывания в виде таблицы. Для этого воспользуемся классификацией Т. Г. Ришилье. Исследователь выделяет императивные конструкции, (они содержат глагол в повелительном наклонении, аналитический глагол *let*, **эмфатические императивные высказывания с глаголом do**) и **неимперативные по форме, но обладающие побудительной семантикой конструкции** (конструкции с модальными глаголами, опативные предложения, имеющие прямую направленность на адресата и безглагольные побудительные конструкции) [3. С. 146]. Кроме того, в данную классификацию мы включим раздел, связанный с косвенными речевыми актами или имплицитной информацией.

Таблица 4

Образ «чужого» с позиции модальности высказывания

Средства создания образа «чужого»		Количество примеров	Процентное соотношение
Императивные по форме конструкции	Глагол в форме повелительного наклонения	2	2,2%
	аналитический глагол <i>let</i>	0	0
	эмфатические императивные высказывания с глаголом <i>do</i>	0	0

Неимперативные по форме конструкции	модальные глаголы	24	26%
	оптативные предложения, имеющие прямую направленность на адресата	4	4,4%
	безглагольные побудительные конструкции	1	1,1%
Имплицитный способ передачи материала (в том числе риторический вопрос)		9	9,9%
		4	4,4%

Приведем некоторые примеры использования вышеназванных средств. *But how about we wake up to the latest mission-creep: the one that has just got under way. Have you noticed? First we were in Afghanistan to obliterate bin Laden; then to set up a liberal democracy; then to end the opium trade; and (at present) to protect British streets from Afghan-originated terrorism. But a new creep is slithering into military and foreign policy speeches. Apparently, it isn't really about Afghanistan a all, but Pakistan – from which it surely follows that if necessary the war must be taken too. Listen out for increasing references to Pakistan. This will be the biggest creep of all* [The Times, December, 2009]. В данном контексте употребляется серия средств. **Анализируемый пример** начинается с двух риторических вопросов с прямой направленностью на адресата “*But how about we wake up to the latest mission-creep: the one that has just got under way. Have you noticed?*”, они заставляют читателя поразмышлять над нижеизложенным материалом. Следующее предложение построено с помощью параллелизма, чтобы выстроить в сознании читателя историческую реконструкцию событий (а точнее, политических отговорок властей), информация в этом предложении передается имплицитно. Кроме того, автор использует модальный глагол “*must*”, чтобы убедить читателя в неизбежности новой войны на территории Пакистана. Глагол в форме повелительного наклонения “*listen out*” служит призывом к конкретным действиям со стороны читателя. Наконец, употребление метафоры “*a new creep is slithering into military and foreign policy speeches*” придает образность высказыванию.

Итак, нам удалось выявить не только военный образ «чужого», но и рассмотреть все компоненты данного образа, вызывающие недовольство типичного британца. Читатель выражает сочувствие

раненным солдатам, инвалидам военных действий. Жители Великобритании не согласны с действиями политиков о необходимости ведения боев. Кроме того, британцы выражают негодование по поводу огромных бюджетных трат на военные расходы. Мы рассмотрели лингвистические средства, создающие образ «чужого» на страницах британских СМИ. Авторы материалов чаще других средств используют метафоры, эпитеты, сравнения и антитезы. Кроме того, образ «чужого» формируют сложные синтаксические фигуры, фигуры приращения, модальные глаголы.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка. [Электронный ресурс] / И. Р. Гальперин. – <http://enative.narod.ru/theory/manuals.htm>.
2. Горло, Е. А. Синтаксические средства воздействия в поэтическом тексте [Электронный ресурс] / Е.А. Горло. – <http://ej.kubagro.ru/2006/06/pdf/02.pdf>.
3. Ришилье, Т. Г. Основные способы речевого воздействия в педагогическом дискурсе [Текст] / Т. Г. Ришелье // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. «Языкознание». – 2010. – №1 (11). – С. 146.
4. Шамне, Н.Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации [Текст] / Н. Л. Шамне. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – 198 с.

List of literature

1. Gal'perin, I. R. Oчерki po stilistike anglijskogo jazyka. [Jelektronnyj resurs] / I. R. Gal'perin. – <http://enative.narod.ru/theory/manuals.htm>.
2. Gorlo, E. A. Sintaksicheskie sredstva vozdejstvija v pojeticheskom tekste [Jelektronnyj resurs] / E.A. Gorlo. – <http://ej.kubagro.ru/2006/06/pdf/02.pdf>.
3. Rishil'e, T. G. Osnovnye sposoby rechevogo vozdejstvija v pedagogicheskom diskurse [Tekst] / T. G. Rishel'e // Vestnik Volgograd. gos. un-ta. Ser. 2. «Jazykoznanie». – 2010. – №1 (11). – S. 146.
4. Shamne, N. L. Aktual'nye problemy mezhkul'turnoj kommunikacii [Tekst] / N. L. Shamne. – Volgograd : Izd-vo VolGU, 2007. – 198 s.

**ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ ТЕКСТОВ
ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА, АДАПТИРОВАННЫХ
К УСЛОВИЯМ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА**

А. А. Дьякова

В статье определяются три функциональных типа текстов, получаемых в результате адаптации текстов законов к условиям медийного дискурса, и рассматриваются их основные характеристики.

Ключевые слова: адаптация текста, медийный дискурс, юридический дискурс, личный дейксис.

Адаптация юридических текстов, в частности текстов законов, к условиям массовой коммуникации имеет важное социальное значение, поскольку знание правовых норм необходимо каждому члену общества, а для большинства людей именно СМИ являются основным средством получения информации. При этом искажения содержания текстов правовых документов в результате адаптации могут привести к серьезным негативным последствиям.

Одним из основных в теории дискурса является положение о том, что ни один дискурс не является замкнутым и завершенным, он постоянно изменяется в процессе контакта с другими дискурсами. Дискурс всегда находится в конфликте с другими дискурсами, претендующими на то, чтобы по-другому определять реальность и устанавливать другие принципы социальной практики [6; 7]. Когда различные дискурсы и жанры артикулируются вместе в одном коммуникативном событии, возникает интердискурсивность. Творческие дискурсивные практики, в которых различные типы дискурсов комбинируются новыми и сложными способами – это показатель и движущая сила в дискурсивных и социокультурных изменениях. Именно путем комбинирования элементов различных дискурсов можно изменить определенный дискурс и, как следствие, социальный и культурный мир. С другой стороны, дискурсивные практики, в которых дискурсы «смешаны» общепринятыми способами – это показатели, которые одновременно поддерживают установленный

строй дискурса и социальный порядок. Таким образом, интердискурсивность служит одновременно и проявлением изменчивости языка, и признаком его стабильности.

Юридический и медийный дискурсы контрастны и с точки зрения участников, и с точки зрения целей коммуникации, и с точки зрения типовых языковых средств в текстах, поэтому адаптация текстов законов к условиям массовой коммуникации (которая, как мы уже говорили, социальна значима) требует высокого уровня компетенции автора адаптированного варианта текста.

Любое воспроизведение материалов в средствах массовой информации опосредуется деятельностью редактора – специалиста, подготавливающего материалы к распространению. Согласно принципу объективного журнализма, редакционная обработка не должна навязывать аудитории тенденциозные сообщения, должна освободить от высказывания любого мнения и пристрастного взгляда на информацию. Особенно наглядно соблюдение или несоблюдение этого принципа проявляется в периоды предвыборных кампаний, когда точность вторичной репрезентации информации, всех используемых материалов становится определяющим фактором в проведении объективной и честной предвыборной политики. В западной коммуникативистике на смену принципу объективного журнализма пришел принцип справедливости и баланса, который состоит в стремлении к достижению плюрализма взглядов и многообразию позиций всех политических и социальных сил демократического общества [5. С. 177–198]. Таким образом, нейтральность и абсолютная точность текстов при их вторичном воспроизведении в условиях массовой коммуникации должны рассматриваться только в идеале.

Для того чтобы коммуникация посредством текста оказалась успешной, приспособление текстов законов к новым дискурсивным условиям требует применения особого алгоритма, основанного на результатах исследования основных характеристик юридического и медийного дискурсов как дискурсов функционирования исходного и адаптированного текстов (цель, участники (адресант и адресат), код, коммуникативные стратегии, жанры) и классификации функциональных типов текстов законов, адаптированных к условиям медийного дискурса, и жанрового набора каждого из этих типов текстов.

В медийном дискурсе как адресант, так и адресат не имеют специальных знаний в области права, однако журналист обязан быть осведомлен о предмете речи значительно лучше, чем читательская

аудитория. Для этого при работе с оригинальным юридическим текстом и подготовке собственного материала он использует дополнительные источники знания (обращается за пояснениями к специалистам, изучает соответствующую литературу и т.д.), благодаря чему он становится более компетентным в рассматриваемом правовом вопросе, чем читатель.

Основное в медийном дискурсе требование доступного для массовой аудитории изложения материала, употребления стилистических приемов и средств, обеспечивающих легкость восприятия информации, и исключения из текста средств, находящихся на периферии языка, обуславливает то, что при адаптации текстов юридического дискурса к условиям медийного дискурса специфические правовые понятия заменяются общеизвестными или поясняются, вместо отвлеченно-обобщенных грамматических форм и конструкций могут использоваться более конкретные, наблюдается отказ от характерных для юридических текстов речевых стереотипов.

Цель автора при создании адаптированного текста уже не кодификация правовой нормы, а информирование о ней населения, ее пояснение и оценка, а в некоторых случаях освещение под определенным углом зрения для манипуляции сознанием читателя. Соответственно стратегии предписания, регулирования, регламентации, организации и контроля заменяются информативной, манипулятивной стратегией, стратегией презентации. Таким образом, целями адаптации юридических текстов к условиям медийного дискурса, по нашему мнению, являются информирование, комментирование и воздействие на сознание читателя.

Информирование предполагает доведение предписаний нормативных актов до сведения читателей, не являющихся специалистами в области права, поэтому содержание нормативных актов передается в сокращенном виде путем пересказа или приведения наиболее важных фрагментов юридического документа (селекции). *Комментирование* позволяет приблизить материалы официального документа к практике жизни, рассмотреть положения закона в связи с возникновением определенной ситуации и тем самым помочь читателю разобраться в ней. *Воздействие на сознание читателей*, влияние на восприятие ими сообщаемых сведений, моделирование их представлений о предмете речи осуществляется авторами посредством интерпретации, позволяющей преподнести информацию в нужном свете.

В соответствии с этими целями мы выделяем три функциональных типа адаптированных текстов (тексты информативного, комментирующего и воздействующего типов), каждый из которых представлен специфическим набором жанров. К адаптированным текстам информативного типа мы относим информационную заметку, информационную корреспонденцию и мини-обозрение, к адаптированным текстам комментирующего типа – консультацию, аналитическое интервью, комментарий и практико-аналитическую статью, к адаптированным текстам воздействующего типа – полемическую статью.

Сопоставление текстов законов и их адаптированных к условиям массовой коммуникации вариантов проводилось на основе разработанной нами процедуры комплексного сопоставительного анализа, учитывающего следующие характеристики: 1) изменение объема текста и количества текстообразующих концептов; 2) повышение/понижение категориального статуса ключевых слов адаптируемого текста; 3) изменение способа концептуализации содержания; 4) изменение процентного соотношения свернутых и развернутых структур [4]. Вариативность данных характеристик обусловлена жанровой спецификой порождаемого текста.

По нашим наблюдениям, повышение или понижение категориального статуса текстообразующих концептов при вторичной репрезентации содержания текста закона в условиях медийного дискурса происходило за счет преобразований на лексическом уровне, то есть за счет лексических замен:

- по линии *род – вид* (64 % случаев), то есть замены гиперонимов гипонимами, или наоборот, например, ‘*государство*’ вместо ‘*органы государственной власти*’. В толковом словаре ‘*государство*’ определяется как политическая организация общества во главе с правительством и его *органами* (Словарь русского языка, 1999), то есть понятие «государство» принадлежит к более общей категории, чем понятие «органы государственной власти», а значит, в данном примере уровень категоризации концепта повысился;

- по линии *абстрактное – конкретное* (в 33 % случаев), например, ‘*микробизнес*’ вместо ‘*микروпредприятие*’. *Предприятие* – это производственная или торговая *хозяйственная единица* (Словарь русского языка, 1999), *бизнес* – это экономическая *деятельность*, дающая прибыль (Современный словарь иностранных слов, 2001). Существительное «предприятие» обозначает предмет, является кон-

кретным и может иметь форму множественного числа, в то время как существительное «бизнес» называет деятельность, является абстрактным и не имеет множественного числа. Замена конкретного существительного абстрактным в данном примере характеризует повышение категоризации информации;

- по линии *множество – единица* (в 3 % случаев), например, «руководство» вместо «руководители предприятия». Собирательное существительное «руководство» формой единственного числа обозначает совокупность лиц, заведующих предприятием, и имеет более высокий категориальный статус, чем существительное «руководитель».

Анализ материала показал, что во всех адаптированных текстах всех трех типов происходит отказ от принятой в нормативных документах рубрикации, а также сокращение исходного текста благодаря редуцированию различных типов путем пересказа, цитирования или их сочетания [3]. Для адаптированных текстов информативного типа характерно повышение категориального статуса текстообразующих концептов, сохранение понятийного способа концептуализации информации. Уровень категоризации информации повышается за счет использования в адаптированном тексте более обобщенных, чем в исходном, понятий, что при вторичной репрезентации текстового содержания выражается в замене гипонимов гиперонимами, конкретных существительных абстрактными и единичных существительных собирательными. Это обусловлено основной целью адаптации текста – дать общее представление о правовой норме, не вводя в ее детали, знание которых не обязательно для адресата, которым является широкий круг читателей, а не профессиональные юристы.

В большинстве текстов комментирующего типа наблюдается понижение уровня категоризации текстообразующих концептов (замена гиперонимов гипонимами, конкретных существительных абстрактными и единичных существительных собирательными), замена понятийного способа представления текстового содержания понятийно-оценочным, внесение фрагментов, отсутствующих в тексте закона и содержащих дополнительную информацию и при необходимости рубрикация текста по новому принципу. Данные изменения объясняются «сфокусированностью» жанров данного типа адаптированных текстов на тех правовых вопросах, которые больше всего интересуют читателей, что предполагает обращение

к конкретным юридическим ситуациям и детальное рассмотрение и пояснение в связи с этим отдельных положений закона, а также выражение мнения по этому поводу консультанта.

В текстах воздействующего типа происходит понижение категориального статуса текстообразующих концептов, замена понятийного способа концептуализации содержания понятийно-оценочным или понятийно-оценочно-образным. Это обусловлено тем, что адресант, ставящий своей целью повлиять на выработку того или иного отношения к описываемому положению вещей, освещает одни факты и оставляет без внимания другие. Таким образом, аудитории всегда преподносится уже оцененная с определенной позиции информация, которая часто представляется весьма эмоционально и образно.

В связи с вышесказанным у адаптированных текстов комментирующего и воздействующего типов появляется важный отличительный признак – личный дейксис, связанный с прагматической координатой «Я», которая служит важнейшим средством выражения субъективности в тексте [1, 2], недопустимой в исходных текстах законов. Типичными средствами реализации личностного дейксиса, по нашим наблюдениям, являются:

1) средства реализации эксклюзивного дейксиса 1-го л. как показателя того, что автор текста не подразумевает указания на другие лица: местоимение 1-го л. ед. ч. в именительном падеже (с глагольной формой 1-го л. ед. ч. или без нее), местоимение 1-го л. ед. ч. в косвенных падежах, притяжательное местоимение *мой*, определенно-личные глаголы в форме 1-го л. ед. ч. в определенно-личных предложениях: *Это не очень правильное решение, на мой взгляд; Еще раз напоминаю любителям затыкать рот прессе: «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо к отказу от распространения информации», да еще и «с использованием своего служебного положения» наказывается вплоть до двух лет лишения свободы и т.п.;*

2) средства реализации инклюзивного дейксиса 1-го л. как показателя того, что автор включает себя в некую группу: местоимение 1-го л. мн. ч. Во всех падежах, притяжательное местоимение *наш*, глаголы в форме 1-го л. мн. ч. определенно-личных предложениях: *По Жилищному кодексу, все мы должны провести собрания собственников жилья и выбрать одну из форм управления своим домом; Жилищный кодекс в данном случае употребляет расплывча-*

тую формулировку: квартира «может быть» предоставлена. *Все мы знаем цену этому «может быть»* и т.п.;

3) средства реализации дейксиса 2-го л. для указания на адресата: формы местоимения 2-го л. ед. и мн. ч., соответствующие глагольные формы и притяжательные слова: *Вы можете присутствовать на собраниях ТСЖ, но права голоса у вас не будет; С вами должен быть заключен договор мены. Ни на что другое не соглашайтесь; Стоит иметь в виду, что по закону такое право реализуется не автоматически, а по специальной просьбе покупателя, так что инициативу должны проявить вы сами* и т.п.;

4) средства, используемые для указания на «третьи лица» (*persona tertia*): местоименные слова (*он, кто, никто, кто-то, любой, каждый*) во всех падежах, числах и родах, слова *те, все, многие*, личные существительные и глаголы в форме 3-го л. мн. ч. в неопределенно-личных предложениях: *Таким образом, собственников квартир никто не вправе заставить оплачивать эти 5 %; Именно он, и никто другой, вправе принимать, как сказано в законе, «окончательные решения в отношении производства и выпуска средства массовой информации»* и т.п.

Таким образом, личный дейксис становится одной из основных характеристик текстов комментирующего и воздействующего типов, которую необходимо учитывать при интердискурсивной адаптации.

Итак, успех коммуникации посредством текста напрямую зависит от умения адресанта воспроизводить известную информацию с учетом изменившихся компонентов коммуникативной ситуации, адаптировать текст к новым дискурсивным условиям, выбирая из многообразия возможностей выражения смысла, предоставляемых системой языка, наиболее эффективные для адаптированного текста данного функционального типа языковые средства.

Список литературы

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М., 1974.
2. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка : пер. с нем. [Текст] / К. Бюлер / под ред. Т.В. Булыгиной. – М., 2001.

List of literature

1. Benvenist, Je. Obwaja lingvistika [Tekst] / Je. Benvenist. – M., 1974.
2. Bjuler, K. Teorija jazyka. Reprezentativnaja funkcija jazyka : per. s nem. [Tekst] / K. Bjuler / pod red. T.V. Bulyginoj. – M., 2001.

3. Дьякова, А. А. Вторичная репрезентация текстовой формы при адаптации [Текст] / А. А. Дьякова // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2009. – № 1 (9). – С. 76–79.
4. Дьякова А. А. Вторичная репрезентация текстового содержания при интердискурсивной адаптации [Текст] / А. А. Дьякова // *Lingua mobilis*. – 2009. – № 3 (17). – С. 79–88.
5. Дэннис, Э. Беседы о масс-медиа [Текст] / Э. Дэннис, Дж. Мэррилл. – М., 1997.
6. Chouliaraki, L. Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis [Текст] / L. Chouliaraki, N. Fairclough. – Edinburgh, 1999.
7. Fairclough, N. Media Discourse [Текст] / N. Fairclough. – L., 1995.
3. D'jakova, A. A. Vtorichnaja reprezentacija tekstovoj formy pri adaptaciji [Tekst] / A. A. D'jakova // Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2: Jazykoznanie. – 2009. – № 1 (9). – S. 76–79.
4. D'jakova A. A. Vtorichnaja reprezentacija tekstovogo sodержaniya pri interdiskursivnoj adaptaciji [Tekst] / A. A. D'jakova // *Linguamobilis*. – 2009. – № 3 (17). – S. 79–88.
5. Djennis, Je. Besedy o mass-media [Tekst] / Je. Djennis, Dzh. Mjerrill. – M., 1997.
6. Chouliaraki, L. Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis [Tekst] / L. Chouliaraki, N. Fairclough. – Edinburgh, 1999.
7. Fairclough, N. Media Discourse [Tekst] / N. Fairclough. – L., 1995.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ БАЗОВОГО СЛОЯ ВАРИАНТА КОНЦЕПТА VIOLENCE АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОКОНЦЕПТОСФЕРЫ

Л. Р. Газизулина

Статья основана на результатах ассоциативного эксперимента, проведенного с участием американских информантов. Целью работы является синтез базового слоя концепта VIOLENCE в американской концептосфере.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, базовый слой, концепт.

Проблема насилия, его причины, формы и сферы проявления всегда привлекала к себе внимание исследователей. Можно констатировать, что насилие – это междисциплинарное понятие, т.к. является объектом изучения в психологии, социологии, политологии, истории, лингвистике. Насилие как феномен человеческой жизни, объективируемый языковыми средствами, может и должно считаться концептом.

Концепт НАСИЛИЕ является базовым социальным междисциплинарным концептом, присущим любому обществу. С позиций когнитивной лингвистики и когнитивно-дискурсивного подхода на материале русского и английского языков данный концепт еще не являлся самостоятельным объектом лингвистических исследований.

Данная работа представляет собой анализ и описание базового слоя варианта концепта VIOLENCE в американской этноконцептосфере на основании результатов проведенного лингвистического эксперимента среди носителей языка.

Одной из наиболее оптимальных экспериментальных методик в исследовании концептов является ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент относится к психолингвистическим методам исследования и основан на обработке словесных ассоциаций испытуемых, среди которых различают свободные и направленные. Данная методика достаточно разработана и широко применяется в

лингвopsихологических и концептологических исследованиях. При свободном ассоциативном эксперименте информанты не ограничены в выборе своих реакций: они записывают первые приходящие им в голову слова, возникающие как реакция на слово-стимул. Результаты обрабатываются в зависимости от целей эксперимента и, как правило, анализируются особенности семантических связей и семантический объём слов. Специфика реализации семантических связей и семантический объём слов чрезвычайно показательны с точки зрения национального своеобразия языковой семантики и представляют оптимальный подход при изучении национально-культурной маркированности культурного сознания [2. С. 319].

Синтез базового слоя варианта концепта **VIOLENCE** проводился с использованием метода свободного ассоциативного эксперимента среди жителей США. Информантам (150 человек), мужчинам и женщинам от 18 до 73 лет было предложено ответить на вопрос «**What are the first words that occur to you when you hear or see the word VIOLENCE?**» (Какие первые слова приходят Вам на ум, когда вы слышите или видите слово «насилие»?). Обработка результатов включала ранжирование ответов по частотности, лексико-семантическую и когнитивную интерпретацию ассоциатов, выделение ядерных и периферийных признаков.

Лексико-семантический анализ полученных ассоциатов позволил выявить признаки, на основании которых были выделены следующие группы:

1) Существительные, номинирующие

а) субъект насилия: **a criminal** преступник 4, **a gang** банда 4, **a thug** убийца 1, **a male** мужчина 1, **a mob** шайка 1

б) результат насильственных действий: **war** война 11, **pain** боль 7, **blood** кровь 6, **death** смерть 6, **murder** убийство 5, **crime** преступление 4, **suffering** страдание 3, **rape** изнасилование 2, **explosion** взрыв 1, **destruction** разрушение 1, **terrorism** терроризм 2, **injury** повреждение 1, **trauma** травма 1, **abortion** аборт 1

в) эмоционально-оценочное состояние: **anger** злорада 8, **rage** ярость 4, **brutality** жестокость 4, **horror** ужас 2, **danger** опасность 2, **power** сила 2, **cruelty** жестокость 1, **sense of impunity** чувство безнаказанности 1, **prejudice** ущерб 1 **aggression** агрессия 1

г) область применения насилия: **television** телевидение 1, **sex** секс 1, **religion** религия 1, **video games** видео игры 1, **WWE match** матч по борьбе 1

е) орудие: **gun** огнестрельное оружие 3, **knife** нож 1

2) Глаголы

а) физического воздействия: **to murder** убить 4, **to fight** драться 3, **to kill** убить 2, **to stab** колоть 1, **to strike** ударять 1, **to hurt** причинять боль 1, **to abuse** жестоко обращаться 1, **to attack** нападать 1, **to torture** мучить 1, **to mug** нападать (сзади) 1

б) эмоционально-оценочного отношения: **to suffer** страдать, **to hate** ненавидеть

3) Прилагательные: **violent** насильственный 3, **malicious** злобный, **evil** злой, **physical** физический, **passive** пассивный, **active** активный, **domestic** домашний, **destructive** разрушительный

4) Имена собственные: **America** Америка, **USA** США, **Flint (Home town)** Флинт (родной город), **Al-Qaida** Аль-Каида, **Hitler** Гитлер

Когнитивная интерпретация ассоциатов, наполняющих базовый слой американского варианта концепта VIOLENCE показала наличие 10 тематических групп: реализуемых при помощи следующих языковых единиц:

1. Действие 27 (**kill/murder** убить, **hurt** приносить боль, **beat** бить).

2. Результат 24 (**blood** кровь, **death** смерть, **pain** боль).

3. Эмоции, ощущения 16 (**horror** ужас, **anger** злора, **hate** ненависть).

4. Динамические образы 15 (**war** война, **sex** секс, **video games** видео игры).

5. Человек 12 (**Hitler** Гитлер, **male** мужчина, **women** женщины).

6. Оценка 7 (**bad** плохой, **evil** злой, **cruel** жестокий).

7. Характеристика 7 (**active** активный, **physical** физический, **domestic** домашний).

8. Артефакт 4 (**gun** огнестрельное оружие 3, **knife** нож).

9. Организация людей 4 (**gang** банда, **mob** шайка, **Al-Qaida** Аль-Каида).

10. Местность 3 (**America** Америка, **USA** США, **Flint (Home town)** Флинт (родной город)).

На следующем этапе исследования полученные ассоциаты были классифицированы на образные, понятийные и ценностные согласно классификации В.И. Карасика. Образная сторона концепта - это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных

в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта - это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество - голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта. Ценностная сторона концепта - важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива [1. С. 3-16].

Таблица 1

<i>Образ (72% вербализаций)</i>
war война 11, anger злора 8, pain боль 7, blood кровь 6, death смерть 6, horror ужас 2, a criminal преступник 4, a gang банда 4, rage ярость 4, gun огнестрельное оружие 3, danger опасность 2, power сила 2, a thug убийца, cruelty жестокость, sense of impunity чувство безнаказанности, prejudice ущемлб, sex секс, video games видео игры, television телевидение, a male мужчина, a knife нож, a mob шайка, to hate ненавидеть, explosion взрыв, destruction разрушение, terrorism терроризм, injury повреждение, trauma травма, aggression агрессия, abortion аборт, suffering страдание, hatred ненависть, Hitler Гитлер, male мужчина, women женщины, America Америка, USA США, Flint (Home town) Флинт (родной город)
<i>Понятие(20% вербализаций)</i>
murder убийство5, to murder убить 4, brutality жестокость 4 crime преступление 4, suffering страдание 3, to fight драться 3, rape изнасилование 2, to kill убить 2, people hurting others люди, причиняющие боль другим, passive and active violence пассивное и активное насилие, an act of harm, whether it be psychological, physical, emotional, or spiritual or all of the above, done to other or others акт нанесения вреда, будь то психологический, физический, душевный или все вместе, причиненный другому человеку или людям, disrespect for life неуважение к жизни, to stab колоть, to strike ударять, to hurt причинять боль, to abuse жестоко обращаться, to attack нападать, to torture мучить, to mug нападать (сзади) kill/murder убить, hurt приносить боль, beat бить
<i>Оценка (8% вербализаций)</i>

violent насильственный 3, **bad** плохой, **evil** злой, **cruel** жестокий, **malicious** злобный, **destructive** разрушительный, **I hate violence!** я ненавижу насилие

Из приведенной выше таблицы видно, что наиболее частотными являются реакции образного характера. На данном уровне мелиоративные реакции не присутствуют, т.е. нельзя сказать, что на уровне образного восприятия присутствует биполярность рассматриваемого варианта концепта. Реакции информантов весьма разнообразны, охватывают различные сферы жизни (секс, телевидение, религия), что свидетельствует в пользу актуальности рассматриваемого концепта. Следует отметить, что в ответах респондентов ассоциаты, прямо или косвенно связанные с болью и телесными повреждениями, характеризуются высокой частотностью. Их общее число составляет 59% от общего числа полученных ассоциаций.

Реакции уровня понятия свидетельствуют о высокой значимости насилия как социально-политического феномена, а также о том, что американцы рассматривают **VIOLENCE** как нарушение прав и свобод человека: **an act of harm, whether it be psychological, physical, emotional, or spiritual or all of the above, done to other or others** – акт нанесения вреда, будь то психологический, физический, душевный или все вместе, причиненный другому человеку или людям).

Ценностная составляющая варианта концепта **VIOLENCE** представлена пейоративными реакциями, в основном выражающими резко отрицательную оценку: **violent** насильственный, **malicious** злобный, **evil** злой, **malicious, destructive** разрушительный.

Ядро базового слоя варианта концепта **VIOLENCE** в американской концептосфере является образным, так как именно к этому уровню относится доминирующее количество ассоциатов (72%). Околоядерный слой и периферия рассматриваемого варианта концепта также характеризуются преобладанием реакций-образов.

Таким образом, ядро, околоядерные слой и периферия базового слоя варианта концепта **VIOLENCE** в американской этноконцептосфере является образным.

Анализ проведенного эксперимента позволил сделать вывод о том, что в сознании американцев рассматриваемый концепт пейоративен: на каждом уровне присутствуют реакции, характеризующие насилие как явление в высшей степени отрицательное, сопряженное

с негативными эмоциями, переживаниями, образами войны, болью, смертью и т. д.

Список литературы

1. Карасик, В. И. О категориях лингвокультурологии [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2001. – С. 3–16.
2. Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак : лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации : моногр. [Текст] / И. В. Привалова. – М. : Гнозис, 2005. – 472 с.

List of literature

1. Karasik, V. I. O kategorijah lingvokul'turologii [Tekst] / V. I. Karasik// Jazykovaja lichnost': problemy kommunikativnoj dejatel'-nosti : sb. nauch. tr. – Volgograd : Peremena, 2001. – S. 3–16.
2. Privalova, I. V. Interkul'tura i verbal'nyj znak :lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii : monogr. [Tekst] / I. V. Privalova. – M. :Gnozis, 2005. – 472 s.

**К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИН
И ЖЕНЩИН (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Е. Ю. Джандалиева

В статье рассматриваются особенности мужской и женской речи, которые проявляются в употреблении определенных языковых средств и различных стилях коммуникативного поведения и могут являться причиной недопонимания между полами.

Ключевые слова: стиль коммуникативного поведения, языковой регист, кооперативность, косвенность.

Уже на протяжении нескольких десятилетий проблематика различий в коммуникативном поведении мужчин и женщин является актуальной темой лингвистических исследований. Еще в 70-х годах ученые лингвисты констатировали наличие определенных гендерных различий в области коммуникативного поведения. Несмотря на противоречивость полученных результатов, ученые были едины в одном: мужчины и женщины в основном говорят на одном и том же языке, но употребляют его по-разному, что обусловлено спецификой гендерной социализации, различными задачами и интересами обеих полов. Исследования последних лет показали, что языка женщин и языка мужчин как константного образования не существует. «Речь может идти лишь о типичных чертах мужской и женской речи, обнаруженных тенденциях употребления языка мужчинами и женщинами» [1. С. 133]. Такой точки зрения придерживаются как отечественные, так и западные лингвисты. Современных исследователей интересует также выявление гендерных стереотипов и определение их специфики. Гендерные стереотипы рассматриваются как «частный случай стереотипа, относящийся к знаниям о лицах разного пола, приписывании им определенных признаков. Гендерные стереотипы фиксируют в языке представления о мужественности и женственности и связанных с ними моделях поведения индивидов» [2. С. 18].

В данной статье пойдет речь о вербальных особенностях коммуникативного поведения **мужчин и женщин, которые наиболее часто становятся причиной недопонимания или конфлик-**

тов между ними. Вербальная коммуникация ограничивается только языковым аспектом, под которым понимается «манера говорить так, чтобы быть понятым» [10. С. 12]. Речь здесь идет об употреблении определенных языковых средств и особенностях стиля коммуникативного поведения.

В то время как мужской и женский стили коммуникативного поведения функционируют в пределах своих собственных закономерностей, проблемы могут возникать тогда, когда оба языковых мира встречаются друг с другом. Такое пересечение миров лингвист Дебора Таннен называет «межкультурной коммуникацией» [8. С. 45]. Д. Таннен различает цели, которые преследуют мужчины и женщины в коммуникативном взаимодействии. У женщин такой целью является «близость», т.е. установление отношений дружбы и взаимопонимания, при которых все различия сводятся к минимуму. В статусно-ориентированном поведении мужчин ключевой целью является «независимость», так как раздавать приказы – это первичное средство обоснования высокого статуса, а получать приказы – это признак более низкого статуса. Поэтому предложения со стороны женщин типа «Wollen wir nicht», „Lasst uns“ часто рассматриваются мужчинами как приказ – они чувствуют ограничение своей свободы и независимости. Женщина в таком случае бывает смущена и удивлена, так как она своей вступительной фразой хотела что-то предложить, а не приказать. Мужчины в свою очередь заменяют типично женские вводные фразы прямым объявлением своего намерения. Выражения типа “Ich mache jetzt...” часто содержат имплицитный вопрос “Machst Du mit?”, не распознав который женщины чувствуют себя «вне игры».

Проблемы во взаимопонимании часто связаны и с тем, что мужчины предпочитают больше молчать, а женщины говорить. Для женщин важным способом укрепления отношений со своим партнером является беседа о важных и малозначительных вещах, тогда как мужчины видят в этой чрезмерной болтливости нарушение сферы их личного пространства и потерю чувства независимости [8. С. 62].

Еще одно различие стилей речевого поведения заключается в том, что мужчины предпочитают говорить прямо, а высказываниям женщин присуща косвенность. Примером косвенного стиля речи может послужить модель коммуникативного поведения женщины на собеседовании, взятый нами из книги Маргит Хертляйн «Женщины говорят иначе». Произнеся фразу “Ich glaube, dass ich ganz gut in Buchführung bin”, женщина не получила работу. По

мнению автора, такие слова и выражения как: *ich glaube, ich denke, ich würde gerne, ich weiß nicht, ob Sie damit etwas anfangen können, vielleicht, anscheinend, ein bisschen, irgendwie* или *oder?* в конце предложения, – расцениваются мужчинами как неуверенные и неопределенные, поскольку они, в отличие от женщин, практикуют прямой стиль речи [4. С. 87]. Как считает Д. Таннен «женщины склонны выражать свои желания не конкретно, а с использованием наводящего вопроса, для того чтобы выяснить, что могло бы понравиться другим участникам коммуникации. Они привыкли учитывать интересы партнера и формулировать высказывания открыто, с целью принятия совместного решения» [8. С. 73]. Так как мужчины заявляют о своих потребностях более прямо, они часто не в состоянии распознать метасообщение в высказывании женщин. Например, на вопрос жены “*Würdest Du gern irgendwo anhalten, um was zu trinken?*” муж обоснованно отвечает “*Nein*” и не останавливается. В результате намек жены на то, что она охотно бы где-нибудь передохнула, не был понят. Для женщины в подобной ситуации очевидно, что она проявила интерес к желаниям собеседника, тогда как мужчины данный способ коммуникативного поведения рассматривают как «игра в игру».

В исследованиях зарубежных лингвистов выделяются и другие гендерные особенности коммуникативного поведения. Например, что касается хода беседы, то в работе Ф. Вернера отмечается, что женщины демонстрируют стремление следовать теме дискуссии, соглашаться с партнером. Мужчины, напротив, игнорируют тему своего партнера, ссылаются на другую информацию и постоянно используют свою позицию в качестве отправной точки [11. С. 35]. Ильзе Ленц установила некоторые лингвистические стратегии, которые женщины используют для достижения своих целей. К таковым она относит употребление особо вежливых фраз и эмоциональных элементов, которые пользуются успехом у мужчин. С помощью нежной, чуткой манеры разговора женщины определенно достигают своих намерений [5. С. 96]. К похожим результатам пришла Клаудиа Шмидт в исследовании женского и мужского коммуникативного поведения в студенческих группах. Женский стиль беседы, как было доказано, ориентирован на кооперативность. Это проявляется в стремлении женщин следовать теме беседы, развивать ее и игнорировать те суждения, которые могут расстроить беседу. Кроме того женщины используют вопросы, которые демонстрируют интерес к мнению собеседника и помогают развивать дискуссию. Равным

образом женщины используют в беседе больше частиц (mhm, ja, genau), чтобы продемонстрировать свою заинтересованность, одобрить собеседника и подвигнуть его на дальнейшее развитие беседы. В разговоре женщин смена говорящего происходит гораздо чаще, поскольку женщины взаимно уступают эту роль друг другу через прямое обращение или ссылаясь на ранее сказанное. Мужской стиль коммуникативного поведения являет собой полную противоположность женскому стилю. К особенностям мужского стиля речи К. Шмидт относит: ориентирование на некооперативное поведение вместо кооперативного; долгие монологи вместо частой смены говорящего; презентация собственного знания оказывается существеннее, чем развитие и разработка общей темы – каждый расставляет индивидуальные тематические акценты, не особо соглашаясь с предыдущими высказываниями; поведение предельного доминирования; частые прерывания собеседника; громкая манера разговора; повторения и постановка тем [7. С. 73-90].

Если говорить о длительности ведения беседы, можно привести результаты исследования Шерлей Ойбанкс, в котором время выступления рассчитывалось по количеству слов и продолжительности разговора [3. С. 32-35]. Согласно ее выводам мужчины говорят больше, чем женщины: в десяти случаях мужчины говорили дольше, чем женщины; в пяти случаях оба пола говорили одинаково долго, однако ни одна женщина не говорила дольше, чем ее собеседник мужчина. Кроме того мужчины произносят больше критических, аналитических высказываний, тогда как женщины употребляют больше поддерживающих, одобряющих замечаний (например, междометия mhm, oh, uh-huh или “Ja, wirklich, das wusste ich nicht”), демонстрируют согласие или нерешительность, часто в форме вопросов.

Как показывают результаты исследований в области гендерной лингвистики, различия между мужским и женским коммуникативным поведением обнаруживаются на всех языковых уровнях. Сторонники феминистского направления (Trömel-Plötz, 1983; Pusch, 1981) говорят в этом отношении о различных «языковых регистрах». Их можно свести к следующим пунктам:

1. Женщины чаще, чем мужчины выбирают формулировки, которые смягчают их высказывания. С одной стороны это происходит за счет использования уменьшительных форм, с другой стороны за счет связующих элементов в начале или конце предложения. Такими смягчающими формулировками являются, например, фразы

“Es scheint, daß...”, “Ich würde sagen, daß...”, “Ist es nicht so, daß...?” “..., nicht wahr?” в заключение высказывания или фразы преуменьшения своих заслуг “Ich bin eben nur eine Hausfrau”, “Das ist nur so eine Idee von mir”. Другой возможностью смягчения являются косвенные, опосредованные выражения типа “man könnte sagen, daß...” или “wenn Du dir das recht überlegst...”. Такие фразы дают женщинам возможность отступления, а собеседнику такая манера разговора предоставляет возможность самому решать, насколько обязательно для него являются эти высказывания.

2. Женщины охотно уступают мужчинам возможность выбирать тему разговора. Поэтому не удивительно, что в смешанных группах в разговоре преобладают темы, инициируемые мужчинами. Женщины их часто поддерживают и развивают, тогда как темы, инициируемые женщинами часто не находят отклика у мужчин и скоро прерываются.

3. Женщины в меньшей степени используют вульгарные выражения, чем мужчины. Они ругаются реже и выбирают при этом безобидные слова.

4. У женщин другой лексический запас слов, чем у мужчин. Однако в традиционно женских темах разговора, таких как домашнее хозяйство, воспитание детей, а также мода, их выражения точнее, чем у мужчин.

5. Женщины позволяют чаще перебивать себя, чем мужчины. Они чаще молчат и формулируют свои высказывания в вопросительной форме.

6. Наконец, женщины чаще, чем мужчины соглашаются с аргументами собеседника.

В зависимости от ситуации может также происходить так, что мужчины используют «женский», а женщины «мужской» языковой регистр. Это может иметь место, прежде всего, в коммуникативных ситуациях, где наблюдается сильное давление власти. Так при разговоре с начальником скорее используется «женский» регистр, а с подчиненным – «мужской». В заключение стоит сказать, что перечисленные различия между коммуникативным поведением мужчин и женщин являются основными типичными тенденциями, и исключений имеется достаточно. С точки зрения социальной теории гендерных ролей различия в поведении мужчин и женщин связаны с теми ролями, которые им приписывает общество. Чтобы удовлетворить этим ожиданиям лица обеих полов усваивают

соответствующие образцы коммуникативного поведения и ведут себя в соответствии с этими ожиданиями.

Список литературы

1. Земская, Е. А. Особенности мужской и женской речи [Текст] / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – М., 1993. – С. 90-136.
2. Кириллина, А. В. О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом основании [Текст] / А. В. Кириллина // Филологические науки. – 2000. – №3. – С.18-27.
3. Eubanks, S. Unterschiede im Gesprächsverhalten von Männern und Frauen [Текст] / S. Eubanks // Frauensprache - Männersprache. Ein Arbeitsbuch zur geschlechtsspezifischen Sprachverwendung / Schramm, H. – Frankfurt am Main: Moritz Diesterweg GmbH & Co Verlag. – 1981. – S. 32-35.
4. Hertlein, M. Frauen reden anders. Selbstbewusst und erfolgreich im Jobtalk [Текст] / M. Hertlein. – Rowohlt, 1990. – 128 S.
5. Lenz, I. Fühlen, Einfühlen und weibliche Sprache [Текст] / I. Lenz // Frauensprache – Männersprache. Ein Arbeitsbuch zur geschlechtsspezifischen Sprachverwendung / Schramm, H. – Frankfurt am Main: Moritz Diesterweg GmbH & Co Verlag, 1981. – S. 96-97.

List of literature

1. Zemskaja, E. A. Osobennosti mužskoj i ženskoj reči [Tekst] / E. A. Zemskaja, M. A. Kitajgorodskaja, N. N. Rozanova // Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmatičeskij aspekt / pod red. E. A. Zemskoj i D. N. Shmeleva. – M., 1993. – S. 90-136.
2. Kirillina, A. V. O primenении ponjatija “gender” v russkojazyčnom lingvističeskom osnovanii [Tekst] / A. V. Kirillina // Filologičeskie nauki. – 2000. – №3. – S.18-27.
3. Eubanks, S. Unterschiede im Gesprächsverhalten von Männern und Frauen [Tekst] / S. Eubanks // Frauensprache - Männersprache. Ein Arbeitsbuch zur geschlechtsspezifischen Sprachverwendung / Schramm, H. – Frankfurt am Main: Moritz Diesterweg GmbH & Co Verlag. – 1981. – S. 32-35.
4. Hertlein, M. Frauen reden anders. Selbstbewusst und erfolgreich im Jobtalk [Tekst] / M. Hertlein. – Rowohlt, 1990. – 128 S.
5. Lenz, I. Fühlen, Einfühlen und weibliche Sprache [Tekst] / I. Lenz // Frauensprache - Männersprache. Ein Arbeitsbuch zur geschlechtsspezifischen Sprachverwendung / Schramm, H. – Frankfurt am Main: Moritz Diesterweg GmbH & Co Verlag, 1981. – S. 96-97.

6. Pusch, L. F. Das Deutsche als Männersprache [Текст] / L. F. Pusch // Linguistische Berichte. – Frankfurt / M.: Suhrkamp Verlag, 1981. – S. 59-74.
7. Schmidt, C. Dieser Emil immer destruktiv. Eine Untersuchung über weibliches und männliches Kommunikationsverhalten in studentischen Kleingruppen [Текст] / C. Schmidt // Die Geschlechter im Gespräch / Günther, S.; Kotthoff, H. – Stuttgart: Metzler Verlag, 1992. – S. 73-90.
8. Tannen, D. Du kannst mich einfach nicht verstehen [Текст] / D. Tannen. – Frankfurt am Main, Wien: Büchergilde Gutenberg, 1990. – S. 342.
9. Trömel-Plötz, S. Feminismus und Linguistic [Текст] / S. Trömel-Plötz // Feminismus. Inspektion einer Herrenkultur. Ein Handbuch. – Frankfurt/ Main, 1983. – S. 33-51.
10. Wald, R. Professionelle Interaktion und Kommunikation. Zur Sozialisierung junger Frauen und Männer in Verkaufsberufen [Текст] / R. Wald. – Frankfurt am Main: Westdeutscher Verlag, 1987. – S. 58.
11. Werner, F. Qualitative Gesprächsanalysen. Ergebnisse und Hypothesen [Текст] / F. Werner // Frauensprache – Männersprache. Ein Arbeitsbuch zur geschlechtsspezifischen Sprachverwendung / Schramm, H. – Frankfurt am Main: Moritz Diesterweg GmbH & Co Verlag. – 1981. – S. 35-36.
6. Pusch, L. F. Das Deutsche als Männersprache [Tekst] / L. F. Pusch // Linguistische Berichte. – Frankfurt / M.: Suhrkamp Verlag, 1981. – S. 59-74.
7. Schmidt, C. Dieser Emil immer destruktiv. Eine Untersuchung über weibliches und männliches Kommunikationsverhalten in studentischen Kleingruppen [Tekst] / C. Schmidt // Die Geschlechter im Gespräch / Günther, S.; Kotthoff, H. – Stuttgart: Metzler Verlag, 1992. – S. 73-90.
8. Tannen, D. Du kannst mich einfach nicht verstehen [Tekst] / D. Tannen. – Frankfurt am Main, Wien: Büchergilde Gutenberg, 1990. – S. 342.
9. Trömel-Plötz, S. Feminismus und Linguistic [Tekst] / S. Trömel-Plötz // Feminismus. Inspektion einer Herrenkultur. Ein Handbuch. – Frankfurt/ Main, 1983. – S. 33-51.
10. Wald, R. Professionelle Interaktion und Kommunikation. Zur Sozialisierung junger Frauen und Männer in Verkaufsberufen [Tekst] / R. Wald. – Frankfurt am Main: Westdeutscher Verlag, 1987. – S. 58.
11. Werner, F. Qualitative Gesprächsanalysen. Ergebnisse und Hypothesen [Tekst] / F. Werner // Frauensprache - Männersprache. Ein Arbeitsbuch zur geschlechtsspezifischen Sprachverwendung / Schramm, H. – Frankfurt am Main: Moritz Diesterweg GmbH & Co Verlag. – 1981. – S. 35-36.

**ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЭВРИСТИКА
ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА:
ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
И КАТЕГОРИЯ ГАРМОНИИ**

К. И. Леонтьева

Перевод поэзии рассматривается как творческая деятельность по реконструкции лингвоконцептуальной авторской программы в форме переводческой идиопроекции, генерируемой в объемном переводческом пространстве. Степень их асимметрии определяется по критерию гармонии перевода и зависит от совпадения лингво-когнитивных особенностей автора и переводчика.

Ключевые слова: поэтический перевод; интерпретация; идиопроекция; переводческое пространство; гармония перевода.

Поэтический перевод, вслед за С. Ф. Гончаренко [1], мы будем рассматривать как комплексный феномен интер-лингво-этно-психо-социо-культурной коммуникации. Однако традиционные лингвоцентристские теории перевода между языком и экстралингвистической реальностью проводят жирную разделительную черту: они не учитывают внутренние особенности процесса перевода, выбор стратегии перевода и эвристический механизм поиска соответствий, исключают из круга своих проблем вопрос о степени творческой свободы переводчика, множественности и вариативности перевода, его первичности / вторичности. Между тем, при сравнении нескольких переводов одного текста, соответствующих критерию эквивалентности или адекватности, моментально выявляется их значительное отличие друг от друга и от оригинала.

Причина заключается в том, что поэтический текст выступает исключительно как индивидуальная речевая реализация языковой системы и неотделим от его автора и интерпретатора, поэтому принципиальные особенности индивидуальной речевой стратегии двух языковых личностей связаны с психологическими особенностями и выходят за грани языковых систем и культур. И здесь встает вопрос о необходимости анализа перевода поэзии в рамках более широкой модели – «психотипической» [2. С. 109] или интерпретативной теории.

Перевод поэзии – это творческий акт по «реконструкции аналогичных художественных миров» [3. С. 64], следовательно, он не сводится к манипуляции различными языковыми средствами – он сам является речевой деятельностью по заданной в оригинале программе [4; 2; 5], в основе которой всегда лежит интерпретация. Ещё И. Левый отмечал, что «вследствие несоизмеримости языкового материала подлинника и перевода между ними не может быть семантического тождества в выражении и, следовательно, лингвистически верный перевод невозможен, а возможна лишь интерпретация» [6. С. 66].

Ввиду субъективности процесса понимания и интерпретации в каждом конкретном случае перевод выступает лишь подобием оригинала. Это подобие предполагает четыре принципа соотношения.

Во-первых, возможна объективная верность при правильном понимании оригинала, которая определяется на основе теории эквивалентности и адекватности. Во-вторых, принципиальная множественность и вариативность перевода обусловлена выработкой собственной переводческой стратегии на основе индивидуального отбора релевантных факторов подлинника. В-третьих, каждый перевод рассматривается как один из возможных миров, и одного объективно верного перевода не существует, так как процесс и результат перевода всегда субъективно, национально и культурологически обусловлен. Кроме того, не существует совершенного перевода – каждую версию можно охарактеризовать по некоторым критериям как одновременно удачную и неудачную. Следовательно, любой перевод относителен – это не более чем одна из возможных перспектив субъективного восприятия переводчиком такого же субъективно воспринятого мира, отраженного в языковой ткани оригинала [7].

При этом, качество и структура каждой субъективной «идиопроекции» зависят от личностных особенностей переводчика, одновременно сопряженных с его сознательными установками, например, с установкой на конкурентность, а также интуитивно-вкусовыми импульсами, которые маркирует его как языковую личность [2. С. 111]. При этом, по мнению Ю. А. Сорокина, эта идиопроекция является лишь одним из бесконечно возможных вариантов, т. е. «идиовариантом». Степень (а)симметрии этой идиопроекции и программы оригинала определяется степенью психотипической сходимости переводчика с переводимым автором [2. С.109; 8. С. 33].

С концепцией идиопроекции Ю. А. Сорокина пересекается концепция переводческого пространства Л. В. Кушниковой [9], в рамках

которого реализуется межъязыковая и межкультурная динамика, происходит формирование и развитие образа-гештальта (идиопроекции в терминологии Ю. А. Сорокина) текста как интегрированной единицы смысла и перевода. Каждый новый перевод функционирует уже в новой конфигурации пространства, и каждый субъект переводческой коммуникации (автор, переводчик, реципиент) проецирует в переводческое пространство собственный личностный индивидуально-образный и модальный компонент смысла: поле любого субъекта становятся смыслопорождающими. Но процесс непосредственной генерации глобального смысла будущего текста перевода происходит в поле переводчика в виде образа-гештальта, который является не суммой, а интеграцией шести типов смыслов в шести глубинных полях [9. С. 37–39], коллективным эффектом их синергии.

Образ-гештальт Л. В. Кушниной – это психолингвистический коррелят концепта [9. С. 41], макроконцепт, макрообраз или идиопроекция (в терминологии Ю. А. Сорокина). Данный образ всегда будет неповторим в темпоральном и панхроническом срезе – даже для самого автора оригинала. Но несмотря на подобную индивидуально-образную специфику, этот образ все же должен сохранять инвариантные черты, соответствовать подлиннику, чтобы быть признанным переводом. Есть и иной сдерживающий тотальную субъективацию перевода фактор: образу переводчика предшествует «прообраз» автора и «постобраз» реципиента [9. С. 51]. Можно говорить, что при переводе идет не просто диалог между оригиналом и переводчиком, но незримый, «закулисный» полилог, в который включается и автор, и предполагаемый реципиент. Так, например, Н. К. Гарбовский отмечает, что переводчик «создает в своём сознании образ автора, с которым и ведет внутренний диалог», а также параллельно взаимодействует с «построенной им моделью читателя» [10. С. 229-230].

Таким образом, концептуальный макрообраз – это некий смысловой инвариант, но он подвижен от автора к переводчику и от переводчика к реципиенту. Именно эта динамика и воплощается в подборе языковых средств для его текстуальной ревербализации. Зачастую окончательный текстуальный вариант перевода непредсказуем и вариативен, что пересекается с дихотомией «*текстема/реперторема*» Г. Тури [11. С. 268-272].

В концепции Л. В. Кушниной динамическое переводческое пространство – это целостная полевая концептуально-семантическая

структура нелинейной конфигурации. Как гетерогенная континуальная структура, пространство объемно и состоит из шести компонентов – глубинных полей, коррелирующих с дифференциальными смыслами и имплицитированными текстовыми измерениями. Первые три поля являются текстовыми, а остальные три антропоцентричны – это поля субъектов. Рассмотрим структуру этого пространства подробнее.

Инвариантом при переводе всегда выступает *содержательное поле* текста (содержание), оно статично и должно быть транспонировано в перевод независимо от степени и верности понимания подлинника. Это ядро структуры переводческого пространства. Данное поле отражает *фактуальный смысл*, формируемый в эксплицитно выраженном и линейно выстроенном тексте, т.е. в линейной манифестации. Все стальные смысловые измерения и поля составляют периферию, они более субъективны, а все дифференциальные смыслы, возникающие них, имплицитны и глубинны, они накладываются на содержание и в отличие от него не закреплены за текстом и возникают заново при новой интерпретации. Поэтому содержание инвариантно, уникально и статично для переводчика, а смыслы вариативны, плюральны и динамичны [9. С. 193–194].

Второе текстовое поле – *фатическое поле*, это зона сгущения культуруносных смыслов в терминологии Ю. А. Сорокина. Л. В. Кушнина подобные этнокультурологические смыслы называет *ассоциативно-семиологическими*. Фатическое поле бесконечно и неисчерпаемо, как и сама культура, и именно здесь происходит бикультурное взаимодействие и взаимопроникновение. Новые смыслы генерируются в результате взаимодействия оригинала с другими текстами и формируют бесконечное открытое текстовое пространство – *интертекст*. При хороших фоновых знаниях эксплицитированный в переводе интертекст выявляется относительно легко, но с транспонированием имплицитированной интертекстуальности дело обстоит гораздо сложнее.

Е. М. Масленникова отмечает, что текст входит в культурную парадигму со шлейфом своих смыслов и расширяет смысловую сетку при каждом новом прочтении за счет добавочных личностных смыслов и наложения оригинальной смысловой структуры на социокультурный фон [12]. Однако частичная нейтрализация этого «семантического шлейфа» за счет элиминации ассоциативной цепочки парадигматических и синтагматических отношений оригинала с иными

лексемами в исходном языке и с контекстуальным окружением слов ведет к «утрате смысловой многогранности и тем самым сжимает интерпретативное пространство» [13. С. 168], приводит к «обеднению семантики» [14. С. 154].

Третье текстовое поле – *энергетическое поле*, которое иррадирует смыслы, ведет к их динамическому приращению. Оно актуализируется благодаря концентрированности, суггестивности формальных поэтических структур – ритму, рифме, фонике и т.д. Именно форма в поэзии реализует *иррадирующий смысл*, возникающий в *затексте*. Затекст – это некий шаг за рамки текстовых ограничений, «внутренняя жизнь текста», «иррациональный подтекст» [9. С. 251], энергия текста. Это самый сложный уровень транспонирования смысла (особенно для реципиента), максимально имплицитный и вступающий в поэзии лишь в фоне некоего «налёта» семантичности, уловить который может только лингвист-переводчик или человек с развитым языковым «чутьём».

Поле автора формируется вследствие «просвечивания» сквозь текст авторских намерений, интенций, мотивов, пресуппозиций, логического развития образов, когнитивных установок автора. Все это реализуется через *предтекст* – имплицитное текстовое измерение, которое способно продуцировать *авторский модальный смысл* [9. С. 135]. Модальный смысл может быть маркирован в линейной ткани оригинала, но чаще он имплицитен, что и объясняет вариативность его реинтерпретации. При этом, многие подобные скрытые смыслы интенциональны, заложены в текст автором преднамеренно, они отражают личное представление автора о сущности тех или иных оценочных и эмоциональных концептов. Есть и неинтенциональные смыслы, которые актуализируются в ходе интерпретации самим реципиентом. Но здесь важно учитывать, что критическое расхождение между идиопроекциями оригинала и перевода за счет сверхинтерпретации может привести к расхождению между намерением текста и намерением автора (термины У. Эко) [15] и как следствие – к приращению смыслов, которые приписываются тексту помимо авторской интенции.

Таким образом, поле автора тесно взаимодействует с *полем реципиента*, которое отражает *рефлексивный смысл*, формируемый *контекстом*. Рефлексивный смысл подразумевает одновременную актуализацию модального и индивидуально-образного смысла, а также собственную проекцию этих смыслов в поле реципиента.

Дополнительно поле реципиента программируется самим переводчиком – переводчик создает текст и выбирает стратегию перевода исходя из необходимости вписывать оригинал в контекст принимающей культуры: происходит переводческая антиципация возможного рефлексивного смысла реципиента за счет оценки объективно присутствующей у реципиента фоновой информации. Обычно в расчет берется усредненный реципиент, что как правило приводит к частичному снятию аллюзий, реалий и иных этно- и лингво-маркированных элементов. В этом аспекте наличие семантических и образных трансформаций в переводе объясняется не только и не столько языковыми различиями, сколько несовпадением концептуальных систем (а единицей перевода выступает именно образ как коррелят концепта) и культур двух языков.

Главным, ключевым полем в концепции Л. В. Кушниной является *поле переводчика*, отражающее *индивидуально-образный смысл*, образующийся в *подтексте*. Именно здесь протекают все основные процессы перевода, происходит взаимодействие всех полей и формируется итоговая идиопроекция (образ-гештальт). На уровне подтекста как глобального имплицитного смысла в сознании переводчика на оригинал в процессе перевода накладываются индивидуальные ассоциации и парадигмы образов, что неминуемо вызывает определенные семантические сдвиги.

Подтекст, как и индивидуально-образный смысл, всегда уникален и неповторим и образует «невидимые ассоциативные нити смысловых связей» текста с личностью переводчика [9. С. 12, 234]. При декодировании смысла переводчик инкорпорирует авторский модальный смысл в свой индивидуально-образный смысл, набрасывает собственный смысл на чужой текст, трансформируя и перестраивая, а порой даже «присваивая смысл себе» [14. С. 327]. В этом и заключается процесс «распаковки смыслов» [9. С. 202]. Подобная синергия смыслов, генерируемых в полях переводчика и автора, позволяет говорить о поэтическом переводе как коммуникативном динамизме, ведущем к расширению, развитию, а не к усечению смыслового пространства текста [4].

В целом, постоянное «вмешательство» реинтерпретации, деконструкция, приращение новых смыслов – это не возможное, а неизбежное условие перевода поэзии как самой совершенной и сложной формы деконструкции [16; 17]. Вместе с тем, это интерпретационное «вмешательство» должно иметь определенные границы и

не может быть приравнено к полному переосмыслению. При этом традиционные критерии эквивалентности и адекватности в рамках трансформационно-субститутивного подхода совершенно не подходят для оценки степени совпадения идиопроекций оригинала и перевода: подобный перевод не гарантирует передачу *всей* смысловой синергии и художественной ценности текста, так как в поэзии смысл рождается не в сумме элементов, а в гармонии целого. Поэтому наиболее удачным критерием нам представляется категория гармонии перевода, предложенная той же Л. В. Кушниной.

Поэтический текст – это гиперинформационная структура, где каждый элемент становится семантически нагруженным, смысловым, превращается в значимый «квант информации» (термин Н. К. Гарбовского) [10. С. 257]. И гармонизация перевода возможна только при транспонировании (в целом и отдельно в каждом поле) всей совокупности (общего интегрального смысла) дифференциальных смыслов, порождаемых в результате синергетического взаимодействия всех полей переводческого пространства, что каждый раз приводит к созданию неповторимого «узора» на ткани смыслового пространства текста [9. С. 16].

Таким образом, гармония проявляется в «согласовании» смыслов, в их симметрии и балансе в рамках переводческого пространства, в соразмерности концептуальной программы оригинала и её идиопроекции в переводе. При этом, гармония включает адекватность и эквивалентность как частные случаи, но не ограничивается ими – она предполагает абсолютную синергию всех, а не отдельных полей. Кроме того, категория гармонии включает в себя и интерпретационный аспект, и процессуальную эвристику перевода, и фактор культурологической обусловленности. Дополнительно этот термин фигурирует в различных стиховедческих работах. По этим причинам, в отношении поэтического перевода данный критерий расценивается нами как наиболее удачный с точки зрения семантического соотношения двух текстов.

Вместе с тем, за рамками этой категории частично остается формальное соотношение оригинала и перевода – проблема передачи формы безотносительно к её семантическому наполнению, как материи исключительно эстетической. Поэтому, на наш взгляд, при оценке перевода поэзии необходимо исходить из комплекса всех трёх критериев – *адекватности* (на уровне равноценности прагматики эстетического воздействия), *эквивалентности* (в аспекте

собственно формального соотношения двух текстов) и *гармонии* (в отношении симметрии инварианта всех интегральных смыслов в их синергетическом единстве в обоих текстах, в т. ч. с учетом факторов культурологической и ментальной обусловленности перевода).

Безусловно, в рамках категории гармонии, как и в случае адекватности и эквивалентности, речь идет лишь об относительной, а не абсолютной гармонии. Об этом писал ещё Г. Р. Гачечиладзе: «Подлинник познается лишь приблизительно, а не полностью, и воспроизведение подлинника – это лишь приблизительный его образ», «бесконечное приближение переводчика к предмету отражения» [18. С. 100–118]. При этом, в результате удачных интерпретаций одного оригинала несколькими переводчиками перед нами возникает всегда несколько видоизмененных и отличных друг от друга образов подлинника.

Следовательно, гармоничный перевод не бывает единственно верным, «усредненным» – гармоничных переводов может быть множество. И хотя каждый переводчик ограничен одним и тем же оригиналом как объективной первоосновой процесса перевода и культурой исходного языка как детерминантой отраженной в оригинале авторской художественно-концептуальной модели, как творческий акт перевод поэзии всегда антропоцентричен и не может быть абсолютно деперсонализован – в нем неизменно фиксируется субъективное мировосприятие переводчика, происходит манифестация его языковой личности.

Поэтому определенное стирание и приращение смысла, семантическая реструктуризация, концептуальные сдвиги, частичная асимметрия лингвоконцептуальной программы оригинала и её идиопроекции даже в гармоничном тексте перевода неизбежны.

Список литературы

1. Гончаренко, С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность [Текст] / С. Ф. Гончаренко // Тетради переводчика. – М. : МГЛУ, 1999. – Вып.24. – С. 108–111.
2. Сорокин, Ю. А. Интерпретативная или деятельностная теория перевода? [Текст] / Ю. А. Сорокин // Языковое сознание

List of literature

1. Goncharenko, S. F. Pojeticheskiy perevod i perevod poezii: konstanty i variativnost' [Tekst] / S. F. Goncharenko // Tetradi perevodchika. – M. : MGLU, 1999. – Vyp.24. – S. 108–111.
2. Sorokin, Ju. A. Interpretativnaja ili dejatel'nostnaja teorija perevoda? [Tekst] / Ju. A. Sorokin // Jazykovoe soznanie i ob-

- и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М. : ИЯ РАН, 2000. – С.107–115.
3. Rose, Marilyn G. Translation and Language Games [Текст] / G. Marilyn, Rose // Translation Perspectives. Vol. V: Hermeneutics and the Poetic Motion / Ed. by Dennis J. Schmidt. – New York : Centre for Research in Translation, 1990. – 173 p.
4. Галеева, Н. Л. Основы деятельностиной теории перевода [Текст] / Н. Л. Галеева. – Тверь : ТверГУ, 1997. – 80 с.
5. Клюканов, И. Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование [Текст] / И. Э. Клюканов. – Тверь, 1998. – 99 с.
6. Левый, И. Искусство перевода [Текст] / И. Левый. – М. : Прогресс, 1974. – 397 с.
7. Ross, Stephen D. Translation and Similarity [Текст] / D. Stephen Ross // Translation Spectrum: Essays in Theory and Practice / Ed. by M.G. Rose. – Albany : State University of New York Press, 1981. – P. 8–22.
8. Сорокин, Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры [Текст] / Ю. А. Сорокин. – М. : Гнозис, 2003. – 160 с.
9. Кушнина, Л. В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: дис. ...
- raz mira: sb. st. / отв. ред. N. V. Ufimceva. – M. : IJa RAN, 2000. – S.107–115.
3. Rose, Marilyn G. Translation and Language Games [Tekst] / G. Marilyn, Rose // Translation Perspectives. Vol. V: Hermeneutics and the Poetic Motion / Ed. by Dennis J. Schmidt. – New York : Centre for Research in Translation, 1990. – 173 p.
4. Galeeva, N. L. Osnovy dejatel'nostnoj teorii perevoda [Tekst] / N. L. Galeeva. – Tver' : TverGU, 1997. – 80 s.
5. Kljukanov, I. Je. Dinamika mezhkul'turnogo obwenija. Sistemno-semioti-cheskoe issledovanie [Tekst] / I. Je. Kljukanov. – Tver', 1998. – 99 s.
6. Levyj, I. Iskusstvo perevoda [Tekst] / I. Levyj. – M. : Progress, 1974. – 397 s.
7. Ross, Stephen D. Translation and Similarity [Tekst] / D. Stephen Ross // Translation Spectrum: Essays in Theory and Practice / Ed. by M.G. Rose. – Albany : State University of New York Press, 1981. – P. 8–22.
8. Sorokin, Ju. A. Perevodovedenie: status perevodchika i psihogermenevticheskie procedury [Tekst] / Ju. A. Sorokin. – M. : Gnozis, 2003. – 160 s.
9. Kushnina, L. V. Vzaimodejstvie jazykov i kul'tur v perevodcheskom prostranstve: geshtal't-sinergeticheskij podhod: dis. ... d-ra

- д-ра филол. наук [Текст] / Л. В. Кушни-
на. – Пермь, 2004. – 437 с.
10. Гарбовский, Н. К. Теория
перевода [Текст] / Н. К. Гарбов-
ский. – М. : МГУ, 2007. – 544 с.
11. Toury, Gideon. The Nature
and Role of Norms in Translation
[Текст] / Gideon Toury // Denken
over Vertalen: Tekstboek Vertaal-
wetenschap. – Nijmegen : Uitge-
verij Vantilt, 2004. – P. 163–173.
12. Масленникова, Е. М. Ино-
культурное бытие текста (на ма-
териале поэтических переводов)
[Текст] / Е. М. Масленникова
// Инновационные процессы в
обучении иностранному языку
(дидактика, перевод, культура).
– Тверь, 2002. – С. 81–86.
13. Трошина, Н. Н. Стилистиче-
ская эквивалентность перевода
как проблема межкультурной
коммуникации [Текст] / Н. Н.
Трошина // Ментальность. Ком-
муникация перевода: сб. ст. па-
мяти Ф. М. Березина. – М. : ИНИ-
ОН РАН, 2008. – С. 159–179.
14. Нестерова, Н. М. Вторич-
ность как онтологическое свой-
ство перевода: дис. ... д-ра фило-
л. наук [Текст] / Н. М. Несте-
рова. – Пермь, 2005. – 368 с.
15. Эко, У. Сказать почти то же
самое. Опыты о переводе [Текст]
/ У. Эко. – СПб. : Симпозиум,
2006. – 574 с.
16. Davis, Kathleen. Deconstruc-
tion and Translation [Текст] /
Kathleen Davis. – Manchester, UK
- filol. nauk [Tekst] / L. V. Kushni-
na. – Perm', 2004. – 437 s.
10. Garbovskij, N. K. Teorija
pervoda [Tekst] / N. K. Garbovskij.
– M. : MGU, 2007. – 544 s.
11. Tourny, Gideon. The Nature
and Role of Norms in Translation
[Tekst] / Gideon Tourny // Denken
over Vertalen: Tekstboek Vertaal-
wetenschap. – Nijmegen : Uitge-
verij Vantilt, 2004. – P. 163–173.
12. Maslennikova, E. M. Ino-
kul'turnoe bytie teksta (na ma-
teriale pojeticheskikh perevodov)
[Tekst] / E. M. Maslennikova // In-
novacionnye processy v obuchenii
inostrannomu jazyku (didaktika,
pervod, kul'tura). – Tver', 2002. –
S. 81–86.
13. Troshina, N. N. Stilistiches-
kaja jekvivalentnost' pervoda kak
problema mezhkul'turnoj kommu-
nikacii [Tekst] / N. N. Troshina
// Mental'nost'. Kommunikacija
pervoda: sb. st. pamjati F. M. Ber-
ezina. – M. : INION RAN, 2008.
– S. 159–179.
14. Nesterova, N. M. Vtorichnost'
kak ontologicheskoe svojstvo
pervoda: dis. ... d-ra filol. nauk
[Tekst] / N. M. Nesterova. – Perm',
2005. – 368 s.
15. Jeko, U. Skazat' pocht'i to zhe
samoe. Opyty o perevode [Tekst] /
U. Jeko. – Spb. : Simpozium, 2006.
– 574 s.
16. Davis, Kathleen. Deconstruc-
tion and Translation [Tekst] / Kath-
leen Davis. – Manchester, UK : St.

: St. Jerome Pub., 2001. – 115 p.

17. Derrida, Jacques. What is a Relevant Translation? [Текст] / Jacques Derrida // The Translation Studies Reader. (2nd Edition) / Ed. by Lawrence Venuti. – New York : Routledge, 2004. – P. 423-446.

18. Гачечиладзе, Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи [Текст] / Г. Р. Гачечиладзе. – М. : Советский писатель, 1980. – 255 с.

Jerome Pub., 2001. – 115 p.

17. Derrida, Jacques. What is a Relevant Translation? [Tekst] / Jacques Derrida // The Translation Studies Reader. (2nd Edition) / Ed. by Lawrence Venuti. – New York : Routledge, 2004. – P. 423-446.

18. Gachechiladze, G. R. Hudozhestvennyj perevod i literaturnye vzaimosvjazi [Tekst] / G. R. Gachechiladze. – M. : Sovetskij pisatel', 1980. – 255 s.

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-МЕТЕОНИМАМИ
«ДОЖДЬ»/ «RAIN» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

К. Л. Фёдорова

Статья посвящена описанию фразеологических единиц с компонентами-метеонимами «дождь» / «rain» в русском и английском языках.

Ключевые слова: фразеологизмы, лингвокультурология, метеоним.

Предмет нашего исследования – фразеологизмы с компонентами-метеонимами «дождь»/«rain» в русском и английском языках. Интерес к фразеологическому составу языка как к отражению национального самосознания лингвокультурных общностей, проявляющийся сегодня в лингвистической науке, свидетельствует об актуальности данной проблематики. Мы определяем данный компонент как часть группы метеонимов – компонентов, обозначающих изменения погоды и её элементов: осадков, влажности, температуры, облачности, давления, ветра, электрического состояния, солнечного сияния и др. Среди метеонимов (от греч. «метео» – первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову «метеорологический» и лат. «номен» – имя, название, наименование) мы выделяем дождь, солнце, туман, ветер, гром, грозу, лёд, снег, молнию (rain, sun, fog, wind, thunder, thunderstorm, ice, snow, lightning) и т. д.

Погода – это неотделимая часть природы, состояние атмосферы в какой-либо момент или за ограниченный промежуток времени (сутки, неделя, месяц) в определённой местности. В противоположность климату – долгосрочному и регулярно повторяющемуся состоянию – погода относится к краткосрочным состояниям.

В отличие от России, тема погоды в Великобритании является одной из самых широко обсуждаемых. Эту особенность отмечают многие путешественники, не являющиеся носителями данной культуры: «Однажды я был в гостях у пожилой англичанки миссис Леннон. Разговор в гостиной, как полагается в приличном обществе, начался с «шерри» и обсуждения погоды.

- Сегодня солнечно, не правда ли?

- Да, но вчера было, на мой взгляд, ещё солнечней.

- В ближайшие дни, насколько мне известно, ожидается некоторое похолодание» [4. С. 8].

Дождь и солнце Туманного Альбиона стремительно сменяют друг друга, у англичан выработалась привычка брать с собой зонты, выходя из дому, и часто смотреть на небо. Благодаря влиянию Гольфстрима, климат страны умеренный океанический, влажный, с мягкой зимой и прохладным летом, сильными ветрами и туманами. Из-за Северо-Атлантического течения и тёплых ветров, там устанавливается мягкая зима. Ветрами объясняются и пасмурная погода, частые дожди, туманы. Среднегодовая норма осадков составляет около 760 мм.

Жители Соединённого Королевства Великобритания и Северная Ирландия в шутку говорят, что в их стране существует 3 варианта погоды: «When it rains in the morning, when it rains in the afternoon or when it rains all day long» (когда дождливо утром, после обеда или в течение всего дня). Мы определили 3 английских фразеологизма, обозначающих интенсивность дождя: the rain comes down in torrents (streets) (дождь льёт потоками); it rains cats and dogs (льёт как из ведра (букв. льёт кошками и собаками); it is raining pitchforks (дождь хлещет). Мы видим гиперболизацию по нарастающей: в первом фразеологизме показана высокая степень интенсивности осадков, во втором – более сильная, используется образ многочисленности животных (зооморфная метафора). Причём, в русском языке нет ничего подобного. В третьем фразеологизме передаётся максимальная степень действия. В русском языке есть фразеологическая единица «(дождь) льёт как из ведра», передающая высокую степень интенсивности данного природного явления, но образ совершенно другой.

Анализ фразеологизмов с компонентом «rain» согласно семантико-грамматической классификации А. М. Чепасовой выявил преобладание качественно-обстоятельственных фразеологических единиц (3) («to rain cats and dogs» – льёт как из ведра; «for a rainy day» – на чёрный день; «(as) right as rain» разг. – 1) совершенно здоров, цел и невредим, в добром здравии, в хорошем состоянии, в порядке; 2) совершенно верно, правильно).

В русском языке существует небольшое количество фразеологизмов с компонентом «дождь». Проведённый нами семантико-грамматический анализ выявил преобладание предметных фразеологизмов

(3) («звёздный дождь» – обильное падение метеоритов; «свинцовый дождь» – о выпущенных из ружья или орудия зарядах дроби, картечи и т. д.; «золотой дождь» – большие суммы денег).

В обоих языках обнаружено большое число пословиц и поговорок с компонентом «дождь»/ «rain»: англ. «small rain allays a great wind» – мал золотник, да дорог; «to buy for a song, to save money for a rainy day» – копить деньги на чёрный день; «it never rains but it pours» – пришла беда – отворяй ворота; «rain before seven, fine before eleven» – весна и осень на пегой кобыле ездят (об изменчивой погоде); русск. мокрый дождя, а нагой разбою не боится; в дождь коси, а в ведро гребви; в дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет; быть бы ненастью, да дождь помешал; бабушка ещё надвое сказала (гадала) <либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет> и проч.

В языках разных народов мира также существует множество пословиц и поговорок с данным компонентом-метеонимом: от дождя травы расцветают, от песни – душа (узбекск.); вымокший под дождём думает, что все промокли (арабск.); после дождя солнце жжёт, после лжи – стыд (калмыцк.); если крыша протекает, то и дождь идёт (китайск.); и мелкий дождь, если идёт долго, вызывает наводнение (вьетнамск.); крупный дождь долго не идёт (адыгейск.); то, что издали гром, не порождает дождя (индийск.); даже море дождь любит (даргипск.); не столько дождь лил, сколько гром гремел (грузин.); туча без дождя землю не смочит (бенгальск.); после дождя солнце жжёт, после лжи – стыд (калмыцк.) и проч. А. В. Кунин называет их «коммуникативным» классом фразеологизмов. Мы однако же не включаем их в число фразеологических единиц, в статье приводим их для того, чтобы показать важность данного явления погоды для картины мира лингвокультурных общностей.

Итак, мы рассмотрели фразеологизмы с компонентами-метеонимами «дождь»/ «rain» в русском и английском языках, классифицировали их по семантико-грамматическим классам А. М. Чепасовой, обнаружили разную фразеологическую активность единиц в рассматриваемых языках, показали истоки проникновения в картину мира народов.

Список литературы

1. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник [Текст]

List of literature

1. Biriĥ, A. K. Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-jetimologičeskij spravocĥnik [Tekst] / A. K. Biriĥ,

- / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 2001. – С. 78–79.
2. Ковалева, С. 7000 золотых пословиц и поговорок [Текст] / С. Ковалева. – М. : АСТ:Астрель, 2007. – 479 с.
3. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак-тов иностр. яз. [Текст] / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1986. – 336 с.
4. Озеров, М. В. Англия без туманов. Из дневника корреспондента [Текст] / М. В. Озеров. – М.: Детская литература, 1977. – 127 с.
5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2000. – 286 с.
6. Чепасова, А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие [Текст] / А. М. Чепасова. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. – 144 с.
7. Siefiring, Judith. Oxford Dictionary of Idioms [Текст] / Judith Siefiring. – Oxford University Press, 2004. – 340 p.
- V. M. Mokienko, L. I. Stepanova. – SPb. : Folio-Press, 2001. – S. 78–79.
2. Kovaleva, S. 7000 zolotykh poslovic i pogovorok [Tekst] / S. Kovaleva. – M. : AST:Astrel', 2007. – 479 s.
3. Kunin, A. V. Kurs frazeologii sovremenного anglijskogo jazyka: uceb.dlja in-tov i fak-tovinostr. jaz. [Tekst] / A. V. Kunin. – M. : Vysshaja shkola, 1986. – 336 s.
4. Ozerov, M. V. Anglija bez tumanov. Iz dnevnika korrespondenta [Tekst] / M. V. Ozerov. – M.: Detskaja literatura, 1977. – 127 s.
5. Ter-Minasova, S. G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija [Tekst] / S. G. Ter-Minasova. – M., 2000. – 286 s.
6. Chepasova, A. M. Semantiko-grammaticheskie klassy russkih frazeologizmov: uceb.posobie [Tekst] / A. M. Chepasova. – Cheljabinsk : Izd-vo Cheljab. gos. ped. un-ta, 2006. – 144 s.
7. Siefiring, Judith. Oxford Dictionary of Idioms [Tekst] / Judith Siefiring. – Oxford University Press, 2004. – 340 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

СТРАТЕГИИ ЛИНГВОСАМООБРАЗОВАНИЯ КАК КОМПОНЕНТ СОДЕРЖАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЛИНГВОСАМООБРАЗОВАНИЯ

И. А. Бобыкина

В статье рассматриваются стратегии лингвосамообразования, реализация которых способствует формированию культуры лингвосамообразования студента при обучении иностранному языку в вузе

Ключевые слова: стратегия, лингвосамообразовательная деятельность, культура лингвосамообразования. иноязычное образование.

Возросший в последнее время интерес к иностранным языкам и необходимость их изучения в современных условиях многоязычия и поликультурности требуют пересмотра организации, содержания и методов иноязычной подготовки. Ориентация современного профессионального иноязычного образования на развитие автономии обучающегося иностранному языку (ИЯ) и его личности, на формирование его культуры лингвосамообразования для совершенствования владения иностранным языком после окончания вуза возводят проблему развития индивидуальных стратегий лингвосамообразования в ранг приоритетных, требующих безотлагательного решения. Лингвосамообразование – это систематическая, добровольная самоуправляемая субъектом познавательная деятельность с целью поддержания и повышения уровня владения иноязычной культурой посредством ИЯ. Культура лингвосамообразования – личностное качество, обеспечивающее способность и готовность обучающегося ИЯ к непрерывному лингвосамообразованию.

В общетеоретическом аспекте «стратегия» определяется как генеральная программа действий, главное направление поиска и достижения результата, подчиняющее себе все остальные действия. С точки зрения Дж. Брунера «стратегией называется некоторый спо-

соб приобретения, сохранения и использования информации, служащий достижению определенных целей в том смысле, что он должен привести к определенным результатам» [1. С. 68]. Основным критерием идентификации явления как стратегии является наличие одинакового способа работы с материалом при изменении самого материала. По мнению Е.И. Пассова, стратегия представляет собой реализацию общей цели, в то время как тактика есть реализация подчиненных задач [2. С. 18]. В нашем понимании, наиболее общий способ действий, направленных на достижение результата в лингвосамообразовательной деятельности в долгосрочной перспективе является метастратегией лингвосамообразования. Индивидуальная система применяемых операций и действий по решению разнообразных аутометодических задач, которые обучающийся ИЯ ставит перед собой на обозримый период времени, является макростратегией лингвосамообразования. Иными словами, макростратегия, отражая взаимосвязь действий внутреннего и внешнего плана, представляет индивидуальную программу лингвосамообразования, которая осознанно осуществляется обучающимся ИЯ в определенный период. Под микростратегией лингвосамообразования мы понимаем индивидуальную последовательность действий внутреннего плана (тактик) по решению ряда однородных взаимосвязанных аутометодических задач в конкретном акте лингвосамообразования. Следуя логике рассуждения, метастратегия состоит из макростратегий и управляет ими. В свою очередь макростратегии включают микростратегии и оказывают на них регулирующее воздействие. При этом изменения макростратегий неизбежно влекут за собой изменения микростратегий, однако, изменения микростратегий не оказывают влияние на макростратегии [3. С. 219]. В структурном плане стратегия любого уровня, раскрывая индивидуальные взаимосвязи внутренних операций и внешних действий в ходе реализации конкретной задачи, включает следующие компоненты, соответствующие структуре целенаправленной лингвосамообразовательной (познавательной) деятельности: представление цели и критерии ее достижения, мотивацию, основные операции и действия по достижению результата, контроль за исполнением операций и коррекцию деятельности, фиксацию полученного результата [4].

На основе комплекса стратегий, обеспечивающих в структуре опыта лингвосамообразования связь между нижними и высшими уровнями обобщения (от микро- до метауровня) и переход действий

в способность, формируется способность к лингвосамообразованию. В психологической литературе способности трактуются как такие психические свойства, которые являются условиями успешного выполнения какой-либо деятельности. Они не сводятся к наличным знаниям, умениям и навыкам, но могут объяснить быстроту и лёгкость их приобретения.

В обобщенном виде система стратегий, отражающая компонентное содержание культуры лингвосамообразования, включает мета-, мега- и микростратегии, общие и специальные стратегии.

Общие стратегии, выполняющие функции управления лингвосамообразовательной деятельностью на микро- и макроуровнях, включают подгруппу метакогнитивных, социальных и аффективных стратегий. Метакогнитивная группа стратегий реализуется с помощью умений целеполагания, мотивации, планирования, контроля и коррекции деятельности. В качестве примера можно привести такие общие макростратегии, как индивидуальная стратегия создания мотивации в лингвосамообразовании, стратегия контроля за выполнением намеченной программы лингвосамообразования, определение способов устранения выявившихся трудностей при реализации акта лингвосамообразования и т. д. Социальные стратегии включают в себя умения взаимодействия с другими людьми как в процессе изучения ИЯ, так и в ходе общения на нем. Например, стратегия самопрезентации, выбор модели поведения согласно выбранной роли и т.д. Аффективные стратегии, выполняющие мотивирующую, организующую и регулирующую функции, реализуются с помощью умений регуляции собственного эмоционального состояния (умения релаксации, «самонастройки», преодоления чувства тревожности, актуализация чувства успеха и т.д.). По мнению А. В. Щепиловой, метакогнитивные стратегии помогают обучающимся ИЯ планировать и оценивать свою деятельность, социальные стратегии способствуют организации взаимодействия, аффективные стратегии развивают настойчивость и уверенность в своих силах [5].

Специальные стратегии используются обучающимися ИЯ непосредственно при овладении изучаемым языком и охватывают как предметные, так и профессиональные действия лингвосамообразовательной деятельности. К специальным относятся когнитивные стратегии, используемые для управления и регулирования когнитивными процессами, такими как внимание, восприятие, кодирование, поиск и извлечение информации из памяти и мышление, и фор-

мируемые в процессе иноязычного чтения, аудирования, говорения, письма.

Обобщая в данной статье все вышесказанное, отметим, что овладение стратегиями лингвосамообразования позволяет строить лингвосамообразовательную деятельность в соответствии со своими внутренними механизмами познавательных процессов и управлять ею.

Список литературы

1. Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации [Текст] / Дж. Брунер // – М. : Прогресс, 1977. – 413 с.
2. Пассов, Е. И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования [Текст] / Е.И. Пассов // – М. : Просвещение, 2000. – 173 с.
3. Анисимов, О. С. Мышление стратега: Стратегическое управление в схемах [Текст] / Сост. В.Н. Верхоглазенко. – М., 2009. – Вып. 7. – 421 с.
4. Плигин, А. А. Психология познавательных стратегий школьников в индивидуализации образования [Текст] / А. А. Плигин : автореф. дис. ... докт. психол. наук. – М., 2009. – 56 с.
5. Щепилова, А. В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному [Текст] / А. В. Щепилова. – М. : Школьная книга, 2003. – 488 с.

List of literature

1. Bruner, Dzh. Psihologija poznanija. Za predelami neposredstvennoj informacii [Tekst] / Dzh. Bruner // – M. : Progress, 1977. – 413 s.
2. Passov, E. I. Programma-konceptcija kommunikativnogo inozыchnogo obrazovanija [Tekst] / E.I. Passov // – M. : Prosvewenie, 2000. – 173 s.
3. Anisimov, O. S. Myshlenie stratega: Strategicheskoe upravlenie v shemah [Tekst] / Sost. V.N. Verhoglazenko. – M., 2009. – Vyp. 7. – 421 s.
4. Pligin, A. A. Psihologija poznavatel'nyh strategij shkol'nikov v individualizacii obrazovanija [Tekst] / A. A. Pligin : avtoref. dis. ... dokt. psihol. nauk. – M., 2009. – 56 s.
5. Wepilova, A. V. Kommunikativno-kognitivnyj podhod k obucheniju francuzskomu jazyku kak vtoromu inostrannomu [Tekst] / A. V. Wepilova. – M. : Shkol'naja kniga, 2003. – 488 s.

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Н. В. Жиленко

В статье рассматриваются проблемы личностно-ориентированного подхода в обучении иностранному языку и новые образовательные технологии: технология обучения в сотрудничестве, модульного обучения, развития критического мышления через чтение и письмо, проектов и мастерских.

Ключевые слова: личностно-ориентированные технологии, обучение в сотрудничестве, модульное обучение, проекты, мастерские.

В современный период актуальным становится формирование позитивной стратегии обучения и воспитания.

Изменение ролевых функций учителя и учащихся оказывается связанным с изменением содержания учебного предмета и его построения.

Решение этих проблем связано с реальным воплощением идей гуманизации и гуманитаризации образования, т.е. с использованием этих идей для преодоления отчуждения содержания образования от живой человеческой личности, её потребностей и интересов.

Современная система образования в области иностранных языков строится в рамках личностно-ориентированной парадигмы. Как и любая сложная система [1], она демонстрирует множественность путей своего развития, реализуя личностно-ориентированный, деятельностный, коммуникативно-когнитивный, межкультурный и компетентностный подходы [2]. Ей присущи такие категории, как интеллектуальное, творческое и нравственное развитие учащихся.

Приоритет личностно-ориентированной парадигмы системы языкового образования ставит в центр обучения не деятельность преподавания, а учения, т.е. познавательную деятельность учащегося, учитывающую и развивающую его индивидуальные возможности, креативные и рефлексивные способности. Основная задача учителя – организовать продуктивную учебную деятельность учащихся, как определенный тип самостоятельной творческой учебно-познавательной деятельности учащихся.

Данная деятельность обеспечивает ему реализацию его личностного когнитивного и креативного потенциала, даёт возможность овладеть стратегиями образовательной деятельности, а также приобрести эффективный самостоятельный опыт изучения и использования иностранного языка в разных ситуациях и условиях самореализации и саморазвития [3]. Это требует включения процесса изучения иностранного языка в аутентичную продуктивную (проектную, научно-исследовательскую) деятельность на иностранном языке, связанную с освоением обучающимся реального социокультурного пространства. Главным становится процесс познания / учения (а не процесс преподавания), трактуемый как индивидуализированный и автономный процесс, требующий от учащегося высокой степени самостоятельности и активности, а также умений грамотно работать с информацией. Особую роль призваны сыграть новые технологии обучения все более интенсивно внедряемые в систему языкового образования [4].

Новые нетрадиционные образовательные технологии – это те технологии, которые:

- 1) вовлекают каждого учащегося в активный познавательный и информационно-коммуникационный процесс, в том числе и прежде всего с помощью средств современных информационных технологий;
- 2) позволяют создавать условия для применения каждым обучающимся приобретенных знаний;
- 3) помогают учащимся осознать, где, каким образом и для каких целей приобретаемые знания могут быть применены [5].

Необходимость поставить учащегося в центр учебного процесса, сделать его субъектом деятельности учения, организовать его взаимодействие с другими учащимися, придать учебному процессу реальную практическую направленность заставляет отдавать предпочтение таким технологиям обучения, как «обучение в сотрудничестве» и «метод проектов».

При личностно-ориентированном подходе и использовании адекватных ему технологий обучения создаются особые отношения между учениками и учителем, между самими учащимися, формируются многообразные обучающие и воспитывающие среды часто с выходом за пределы урока [6].

Личностно-ориентированные технологии при условии их специальной организации способны обеспечить формирование иноязычной коммуникативной компетенции и развитие таких качеств личности учащихся как «культура общения, умение работать в со-

трудничестве..., способности и готовности к самостоятельному изучению иностранного языка, к дальнейшему самообразованию с его помощью в разных областях знания [7].

Технологии обучения в сотрудничестве (Е. С. Полат, Ф. Ю. Уваров и др.), модульного обучения (П. А. Юцевичене, М. А. Чошанов и др.), развития критического мышления через чтение и письмо (И. О. Загашев, С. И. Заир-Бек и др.), проектов (И. А. Зимняя, Е. С. Полат, Т. Е. Сахарова и др.) и мастерских (И. А. Мухина, А. А. Окунев и др.) по своей концептуальной основе, содержательной и процессуальной частям [8] адекватны личностно-ориентированной парадигме.

Концептуальная основа названных технологий характеризуется тем, что их центральной фигурой является личность ученика как активного субъекта учебной деятельности и взаимодействий с другими участниками учебного процесса, разностороннее, свободное и творческое развитие которых является целью этих технологий. Предметное содержание, подлежащее усвоению с помощью личностно-ориентированных технологий, приобретает для учеников личностный смысл, поэтому выступает как содержание и среда становления их индивидуального опыта и личностного развития.

Учитель и ученик рассматриваются в качестве психологически равноправных и равноактивных участников учебного процесса, взаимодействие которых имеет характер сотрудничества.

«Учебный диалог» учителя и учащихся, а также учащихся между собой, становится основной организационной формой учебного процесса. В этом диалоге особое место отводится учебному сотрудничеству учащихся, их коллективной учебной деятельности, участники которой объединены целями, содержанием и ценностными ориентациями данной деятельности для присвоения социального опыта и их индивидуального, субъектного и личностного развития [9].

В мировой практике известны различные пути решения проблемы личностно-ориентированного обучения.

Основная идеология технологии обучения в сотрудничестве (**Cooperative Learning**) разработана американскими педагогами (D. Johnson, R. Johnson, R. Slavin и др.) и направлена на создание условий для учебного взаимодействия некоторого количества учащихся (3-6 человек) с целью совместного усвоения учебного материала. Участники воспринимают задание как единое, ощущают личную ответственность и потребность в качественном выполнении своей части, оказывают помощь друг другу, владеют необходимыми умениями и постоянно повышают эффективность взаимодействия.

Первая группа приёмов “Mastery Learning” разработана С. Караном для первичного усвоения нового материала. Вторая группа приёмов направлена на полное овладение учащимися новым материалом. Данная технология увеличивает коммуникативные контакты учащихся, включает их не только в активную учебно-познавательную деятельность, но и в ценностно-ориентационную и преобразовательную.

Модульная технология является ведущей для развития ученика как активного субъекта учебной деятельности. Её задача состоит в том, чтобы с помощью модульных программ, разработанных учителем, организовать самостоятельную работу учащихся по усвоению учебного материала, которая требует осознания её цели, принятия учебной задачи и придания ей личностного смысла, самоорганизации в распределении учебных действий во времени, их качественно-количественного выполнения, осуществления текущего и итогового самоконтроля.

Технология развития критического мышления через чтение и письмо вносит большой вклад в развитие таких личностных качеств учащихся, которые востребованы в современном обществе. Это умения работать с информацией, умения критически мыслить, видеть трудности и искать пути их преодоления, использовать приобретённые знания и генерировать новые идеи [10].

Развитие данных умений происходит в ходе работы с текстами проблемного характера, где учащиеся включаются в активный мыслительный процесс на трёх его фазах. Фаза вызова стимулирует учащихся вспомнить то, что они уже знают по данной проблеме, систематизировать эту информацию и сформулировать вопросы на которые нужно получить ответы при её дальнейшем изучении.

На фазе осмысления учащиеся приступают к работе с текстами, с целью получения новой информации по проблеме.

Фаза рефлексии предназначена для соотнесения полученной информации с известной ранее, со своим опытом. Здесь учащиеся принимают участие в обсуждении полученных результатов, в выработке общего решения, проверяют точность своего понимания проблемы.

Для обеспечения такой активной мыслительной деятельности учащихся на уроках иностранного языка необходим высокий уровень владения иноязычной речевой деятельностью, поэтому данная технология наиболее целесообразна на этапах развития умений и обучения общению.

Проектная технология создаёт оптимальные условия для функционирования иноязычного общения. Использование проектной методи-

ки в особой степени способствует реализации личностно-ориентированного подхода. Проектная методика имеет большую практическую направленность на создание реального речевого и неречевого/материального продукта; позволяет сочетать самостоятельную индивидуальную работу с групповой и коллективной работой; обеспечивает выход речевой деятельности в другие виды деятельности. Метод проектов активизирует все стороны личности учащегося: его интеллектуальную сферу, его типологические особенности и черты характера: целеустремлённость, настойчивость, любознательность, трудолюбие, толерантность, его коммуникативные умения, чувства и эмоции.

Участниками технологии мастерских являются учитель-мастер и учащиеся как самостоятельные, творческие, социально ответственные и конструктивно вооружённые личности. Они взаимодействуют в проблемной ситуации, которая стимулирует мыслительную деятельность учащихся. Этот процесс предполагает особое состояние сотворчества участников мастерской, когда каждый верит в возможность открытия, надеется на успех и тем самым обеспечивает обязательное получение желаемого результата.

Технология мастерских по своей основе адекватна общению и поэтому создаёт оптимальные условия для овладения им. В то же время она требует высокого качества навыков и умений, чтобы иностранный язык мог выполнять роль средства, обслуживающего творческую деятельность учащихся.

Список литературы

1. Князева, Е. Н. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее [Текст] / Е. Н. Князева. – М. : Ком. книга, 2007.
2. Бим, И. Л. Иностранный язык в системе школьного филологического образования [Текст] / И. Л. Бим // Иностранные языки в школе. – 2009. – № 1. – С. 4–8.
3. Коряковцева, Н. Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык : посо-

List of literature

1. Knjazeva, E. N. Osnovanija sinergetiki. Chelovek, konstruirujuwij sebja i swoe buduwee [Tekst] / E. N. Knjazeva. – M. : Kom.kniga, 2007.
2. Bim, I. L. Inostrannyj jazyk v sisteme shkol'nogo filologicheskogo obrazovanija [Tekst] / I. L. Bim // Inostrannye jazyki v shkole. – 2009. – № 1. – S. 4–8.
3. Korjakovceva, N. F. Sovremennaja metodika organizacii samostojatel'noj raboty izuchajuwih inostrannyj jazyk : posobie dlja

- бие для учителей [Текст] / Н. Ф. Коряковцева. – М., 2002. – С. 12.
4. Гальскова, Н. Д. Новые технологии обучения в контексте современной концепции образования в области иностранных языков [Текст] / Н. Д. Гальскова // Иностранные языки в школе. – 2009. – № 7. – С. 9.
5. Полат, Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / Е. С. Полат. – М. : Издательский центр «Академия», 2008.
6. Бим, И. Л. Личностно-ориентированный подход – основная стратегия обновления школы [Текст] / И. Л. Бим // Иностранные языки в школе. – 2002. – № 2.
7. Сборник нормативных документов. Иностранный язык [Текст]. – М. : Дрофа, 2006.
8. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии [Текст] / Г. К. Селевко. – М. : Народное образование, 1998.
9. Куклина, С. С. Коллективная учебная деятельность как организационная форма овладения иноязычным общением [Текст] / С. С. Куклина. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2007.
10. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования [Текст] / Под ред. Е.С. Полат. – М., 2003.
- uchitelej [Tekst] / N. F. Korjakovceva. – M. : ARKTI, 2002. – S. 12.
4. Gal'skova, N. D. Novye tehnologii obuchenija v kontekste sovremennoj koncepcii obrazovanija v oblasti inostrannyh jazykov [Tekst] / N. D. Gal'skova // Inostrannye jazyki v shkole. – 2009. – № 7. – S. 9.
5. Polat, E. S. Sovremennye pedagogicheskie i informacionnye tehnologii v sisteme obrazovanija: uceb.posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij [Tekst] / E. S. Polat. – M. : Izdatel'skij centr «Akademija», 2008.
6. Bim, I. L. Lichnostno-orientirovannyj podhod – osnovnaja strategija obnovenija shkoly [Tekst] / I. L. Bim // Inostrannye jazyki v shkole. – 2002. – № 2.
7. Sbornik normativnyh dokumentov. Inostrannyj jazyk [Tekst]. – M. : Drofa, 2006.
8. Selevko, G. K. Sovremennye obrazovatel'nye tehnologii [Tekst] / G. K. Selevko. – M. : Narodnoe obrazovanie, 1998.
9. Kuklina, S. S. Kollektivnaja uchebnaja dejatel'nost' kak organizacionnaja forma ovladenija inozыychnym obweniem [Tekst] / S. S. Kuklina. – Kirov : Izd-vo VjatGGU, 2007.
10. Novye pedagogicheskie i informacionnye tehnologii v sisteme obrazovanija [Tekst] / Pod red. E.S. Polat. – M. : Akademija, 2003.

**ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕНСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В СТАРШИХ КЛАССАХ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ**

К. О. Мацкевич

В статье рассматриваются технологии интенсивного обучения иностранных языков в старших классах средней школе: обучение в сотрудничестве и языковой портфель, а также практическое использование метода погружения в языковую среду, который предполагает полное отключение от традиционных приемов обучения. Обучение в сотрудничестве обеспечивает возможность вовлечения всех в совместную деятельность. Главной целью языкового портфеля является адекватное оценивание знаний учащихся. Данные интенсивные технологии способствуют эффективному усвоению изучаемого материала за короткий период времени.

Ключевые слова: интенсивное обучение, технологии интенсивного обучения, обучение в сотрудничестве, языковой портфель.

В методике интенсивные методы рассматриваются как специфическая система обучения, которая по ряду параметров отличается от существующих так называемых традиционных методов. По целям интенсивные методы направлены на достижение максимального объема усвоения материала в минимальный срок. Содержание обучения включает овладение комплексом знаний, навыков и умений, достаточных для осуществления деятельности в определенной сфере общения [5. С. 10–11].

Отличительными особенностями всех интенсивных методов, составляющими их суть, являются: а) максимально возможная активизация учащихся в ходе занятий; б) мобилизация скрытых психологических резервов личности учащегося; в) глобальное использование всех средств воздействия на личность учащегося.

В настоящее время накоплен достаточный экспериментальный и практический материал, свидетельствующий об эффективности интенсивных методов. С их помощью удастся за сравнительно короткий отрезок учебного времени сформировать и активизировать навыки и умения практического владения языком в пределах огра-

ниченного набора тем и ситуаций, представляющий повышенный интерес для учащихся.

Рабинович Ф. М. пишет о том, что «интенсивный метод обучения иностранным языкам разрабатывался и использовался первоначально для взрослой аудитории. Возможности и целесообразность использования его при изучении иностранных языков в школе обсуждается с момента его появления и до настоящего времени. Запрос средний школы на интенсивную методику требует определенной коррекции теоретических положений, переподготовку учителей и создание новых учебных курсов, соответствующих условиям школьного обучения» [4. С. 9–10].

Условия обучения иностранным языкам по интенсивной методике в средней школе, прежде всего, пишет Денисова Л. Г. [2. С. 7–8], связаны с необходимостью учета социально-возрастных особенностей школьников. Экспериментальная работа показала, что интенсивная методика может использоваться при работе со всеми возрастными группами. Причинами тому являются: наибольшая степень сформированности личности, обширный информационный запас, стремление к познанию мира через общение с другими людьми, наличие исходной языковой базы. Необходимо учитывать возрастные особенности при подборе тем и ситуаций общения, обеспечение содержательной стороны учебного процесса, формулировке коммуникативных заданий.

Термин технологии обучения используется для обозначения совокупности приемов работы учителя (способов его научной организации труда), с помощью которых обеспечивается достижение поставленных на уроке целей обучения с наибольшей эффективностью за минимально возможный для их достижения период времени. Важнейшими характеристиками технологий обучения считаются следующие: результативность, экономичность, эргономичность, высокая мотивированность в изучении предмета, что способствует повышению интереса к занятиям и позволяет совершенствовать лучшие личностные качества обучаемого. Большинство исследователей рассматривают технологии обучения как один из способов реализации на занятиях личностно-деятельностного подхода к обучению, благодаря которому учащиеся выступают как активные творческие субъекты учебной деятельности.

В методике преподавания иностранных языков к современным технологиям обучения принято относить: обучение в сотрудниче-

стве, метод проектов, дистанционное обучение, использование языкового портфеля, тандем-метод, компьютерные и аудиовизуальные технологии [5. С. 130–131]. В данной статье мы рассмотрим практическое использование интенсивного метода погружения в языковую среду с помощью технологии «обучение в сотрудничестве» на старшем этапе обучения в средней школе.

Метод погружения в языковую среду предусматривает возможность овладения новым языком лишь в процессе речевой деятельности, при которой обучаемые решают мотивированные действия, направленные на достижение целей, обусловленных задачами коммуникации, что обеспечивает не только умение пользоваться готовыми речевыми образцами, но приводит к спонтанному речепорождению в системе чужого языкового кода [1. С. 147].

В среднем общеобразовательном учреждении проводились учебные занятия по английскому языку в старших классах по интенсивной методике – методу погружения в языковую среду при помощи интенсивной технологии – обучение в сотрудничестве. Интенсивный курс английского языка был введен как внеклассное мероприятие по английскому языку. Занятия проходили в течение 2-х часов с перерывом в 10 минут. В качестве учебного пособия использовались методические разработки учителя английского языка. Данная методическая разработка состоит из 10 уроков. Каждый урок включает в себя:

- организационный момент;
- фонетическую зарядку;
- введение нового лексического материала (диалог, слова и выражения, синонимичные выражения, лексические упражнения);
- закрепление лексического материала (тренировка в общении, практика в общении);
- контроль знаний, заполнение языкового портфеля.

Во время учебных занятий учащиеся обучаются с помощью интенсивной технологии – обучение в сотрудничестве. Основная идея этой технологии – создать условия для активной совместной учебной деятельности учащихся в разных учебных ситуациях. Учащиеся объединялись в небольшие группы (по 3-4 человека), им давалось общее задание, обсуждалась роль каждого ученика группы. Несомненно, что учитель играет ведущую роль на всех этапах учебного процесса. Для того, чтобы правильно организовать учебную деятельность учащихся, чтобы в последствии достигнуть всех желаемых

мых результатов, учителю необходимо правильно организовать подготовительный этап работы, учебный материал и средства обучения.

Метод погружения в языковую среду предполагает полное отключение от традиционных приемов обучения. Интенсивный курс предполагает введение и закрепление изученного материала на одном учебном занятии. Ученики, усвоив необходимый лексический материал, готовы использовать его на практике. Активизация изученного лексического материала проходит в 2 этапа: тренировка в общении и практика в общении. По Китайгородской Г.А. занятия на этапе тренировки в общении не имеют жесткой структуры, но однотипны в том смысле, что на каждом занятии решаются одновременно все задачи курса. Это означает, что поступивший впервые лексический материал отрабатывается во всех типах коммуникативных упражнений [3. С. 182].

После того, как учащиеся отработали основной лексический материал по изучаемой теме, необходимо закрепить изученный материал. Данный этап предполагает более свободное и творческое использование учащимися учебного материала. Выбор и употребление языковых и речевых средств определяются самими учащимися. Для этого учитель лишь обрисовывает ситуацию, не связывая ученика жесткими рамками заданий. Учащиеся работают в сотрудничестве. Учитель предлагает учащимся конкретные ситуации по изучаемой теме, раздает необходимый раздаточный материал, учащиеся составляют диалоги или полилоги на предлагаемые сюжеты самостоятельно в парах или небольших группах, используя при этом новые лексические единицы, которые помогут им расширить словарный запас слов.

На данном курсе обучения применялась еще одна интенсивная технология – языковой портфель. Главной целью языкового портфеля является адекватное оценивание знаний учащихся по пройденному лексическому материалу. Учащиеся оценивали себя самостоятельно, они делают это не для того, чтобы получить оценку, а чтобы узнать насколько они продвинулись в изучении иностранного языка.

Как было сказано выше, обучение проходило по следующим интенсивным технологиям: технология обучение в сотрудничестве и использование языкового портфеля как технологии обучения.

Обучение в сотрудничестве обеспечивает постоянную возможность вовлечения всех и каждого в совместную деятельность. Совместная деятельность организуется путем определенной последовательности и комбинации различных форм взаимодействия в зави-

симости от этапов разработки: тренировка в общении и практика в общении. Основные формы совместной работы следующие:

1. Решение коммуникативной задачи двумя учащимися. На данном этапе учитель ставит однотипное задание перед каждой парой обучаемых, определяя в личном обращении к каждому обучаемому его роль. Пары работают одновременно, затем все учащиеся принимают участие в обсуждении проделанной работы.

2. Решение задач малой группой. В этом случае учитель формулирует задания для каждой группы таким образом, чтобы результаты работы каждой из них дополняли друг друга и помогали принять общее решение.

3. Решение коммуникативной задачи всем коллективом, т.е. формирование единого мнения, принятие одного решения.

4. Соревнование двух команд.

Обучение речевой деятельности обеспечивается, прежде всего, коммуникативной направленностью каждого задания. Методическая установка интенсивного курса исключает формальные задания, механическую тренировку форм языковых явлений и тем самым некоммуникативное употребление языка.

Необходимо было создать естественную речевую среду для использования изученного иностранного языка. Для этого учитель сосредотачивает внимание учащихся на смысловой стороне высказывания. Важно отметить, что, прежде всего, необходимо заинтересовать учащихся.

Учитель использовал интенсивный метод погружения. Учащимся удалось преодолеть и решить все поставленные перед ними проблемы и задачи и в совершенстве овладеть иностранным языком. Учащиеся принимали активное участие в работе и прикладывали максимум усилий для достижения целей обучения.

Важно отметить, что из-за отсутствия традиционных методов, учащиеся чувствовали себя комфортно. Они не боялись допустить ошибки, т.к. знали, что им за это не поставят плохую оценку.

Также с помощью технологии «языковой портфель», у учащихся была отличная возможность оценить себя самостоятельно и узнать, на каком уровне овладения языком они находятся. Им хотелось достичь более высоких результатов в овладении английским языком. Они старались сделать все возможное, чтобы доказать в первую очередь себе то, на что они способны.

Данная интенсивная технология обучения иностранного языка может способствовать эффективному усвоению изучаемого материала

за короткий период времени, при помощи активизации пройденного материала; учащиеся способны переступить языковой барьер и научиться общаться на иностранном языке без особых трудностей, т.к. при помощи технологии – обучение в сотрудничестве – у учащихся не возникало проблем, все возникающие вопросы они решали совместно.

Список литературы

1. Гегечкори, Л. К. К проблеме интенсификации процесса обучения взрослых иноязычной речи [Текст] / Л. Гегечкори. – Тбилиси : Изд. Тбилисского университета, 1975. – 297 с.
2. Денисова, Л. Г. Место интенсивной методике в системе обучения ИЯ в средней школе [Текст] / Л.Г. Денисова// Иностранные языки в школе. – 1995. - № 4. – С. 6–12.
3. Китайгородская, Г. А. Интенсивное обучение иностранным языкам: теория и практика: Учебно-методическое пособие [Текст] / Г. А. Китайгородская. – М. : Высшая школа; Научно-образовательный центр «Школа Китайгородской», 2009. – 277 с.
4. Рабинович, Ф. М. Интенсивные методы обучения иностранным языкам и средняя школа [Текст] / Ф.М. Рабинович // Иностранные языки в школе. – 1991. - № 1. – С. 9–17.
5. Щукин, А. Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам: учебное пособие [Текст] / А.Н. Щукин. – М. : Филоматис, 2008. – 188 с.

List of literature

1. Gegechkori, L. K. K probleme intensifikacii processa obucheni-ja vzroslyh inojazychnoj rechi [Tekst] / L. Gegechkori. – Tbilisi : Izd. Tbilisskogo universiteta, 1975. – 297 s.
2. Denisova, L. G. Mesto intensivnoj metodike v sisteme obuchenija IJa v srednej shkole [Tekst] / L.G. Denisova// Inostrannye jazyki v shkole. – 1995. - № 4. – S. 6–12.
3. Kitajgorodskaja, G. A. Intensivnoe obuchenie inostrannym jazyka: teorija i praktika: Uchebno-metodicheskoe posobie [Tekst] / G. A. Kitajgorodskaja. – M. : Vysshaja shkola; Nauchno-obrazovatel'nyj centr «Shkola Kitajgorodskoj», 2009. – 277 s.
4. Rabinovich, F. M. Intensivnye metody obuchenija inostrannym jazykam i srednjaja shkola [Tekst] / F.M. Rabinovich // Inostrannye jazyki v shkole. – 1991. - № 1. – S. 9–17.
5. Wukin, A. N. Sovremennye intensivnye metody i tehnologii obuchenija inostrannym jazykam: uchebnoe posobie [Tekst] / A.N. Wukin. – M. :Filomatis, 2008. – 188 s.

**КОНЦЕПЦИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕМ Э
КОНОМИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ**

С. В. Полуяхтова

Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку экономистов возможно строить в рамках концепции межкультурного обучения. Она предполагает обучение, направленное на развитие межкультурной компетенции путем включения в процесс межкультурной коммуникации. Это способствует формированию поликультурной личности, способной к системному анализу окружающей действительности, обладающей гуманитарной грамотностью и целостным мировоззрением, что весьма ценно для специалиста в современных социально-экономических условиях.

Ключевые слова: межкультурное обучение, высшее профессиональное образование, межкультурная коммуникация, экономическое образование, обучение иностранным языкам.

Процессы глобализации и интеркультуризации, проходящие в современном обществе стали главной причиной возникновения новых требований к профессиональной подготовке дипломированных специалистов, которые по праву считаются интеллектуальной элитой социума и государства. Сегодня в нашей стране специалист с высшим образованием рассматривается как образованный в какой-либо конкретной области человек, имеющий фундаментальную подготовку и способный к постоянному повышению квалификации. Знание иностранного языка для такого специалиста нового порядка – необходимое условие профессионализма, позволяющее ему работать с информацией, доступной мировому сообществу.

Межкультурные контакты имели место во все времена, но сегодня как никогда они носят глобальный и массовый характер. Мир стал более открытым, а люди, живущие в нем, более мобильными. Туристические поездки, студенческие программы обмена, стажировки ученых и международные конференции, выставки и конгрессы, транснациональные концерны, совместные предприятия, политические дискуссии на международном уровне, различные спортивные

соревнования, личные контакты – вот далеко неполный набор ситуаций межкультурного общения, присутствующих в нашей личной и профессиональной жизни. Даже не вступая в личный контакт с представителями других культур, мы ежедневно получаем информацию о жизни других обществ из различных средств массовой информации, смотрим фильмы, читаем разнообразные тексты, слушаем музыку, то есть активно взаимодействуем с другими культурами. Те процессы, которые происходят при этом в нашем сознании, те оценки и интерпретации, происходящие при контакте с новым, изменение собственных взглядов, психологические преобразования, сопровождающие межкультурную коммуникацию, составляют ключевые моменты подготовки и реализации концепции межкультурного обучения. Представляется возможным определить **межкультурное обучение** как обучение, направленное на развитие межкультурной компетенции путем включения в процесс межкультурной коммуникации.

Следует отметить, что на современном этапе от студента высшего учебного заведения требуется усвоение самого широкого спектра знаний, умений и навыков, что ориентирует вузы на подготовку не только профессионала высокого уровня, но и поликультурной личности, способной к целостному и системному анализу окружающей действительности, обладающей гуманитарной грамотностью и целостным мировоззрением. В этой связи особое значение в системе подготовки выпускника вуза экономической направленности приобретают дисциплины гуманитарного блока, важной составляющей которого является языковая подготовка. Принимая во внимание социальный заказ государства на специалиста, владеющего иностранным языком, на современном этапе развития высшего профессионального образования иностранный язык рассматривается как обязательный компонент профессиональной подготовки выпускника вуза. В рамках профессионально-ориентированного обучения иностранному языку будущих специалистов экономического профиля, несмотря на то, что количество времени, отводимого на изучение иностранного языка, зачастую занимает лишь небольшой объем учебного плана, концепция межкультурного обучения имеет высокую значимость и может быть реализована наиболее эффективно, используя междисциплинарные связи с дисциплинами блока профессиональной направленности.

В настоящее время международная экономика является сложно структурированной, динамичной системой. Экономические про-

цессы наполнены новым содержанием посредством глобализации – международное разделение труда в неразрывном единстве с международной специализацией и кооперацией производства, интернационализация производства и капитала, деятельность международных корпораций, функционирование мировых рынков. Специалисты в области экономики и менеджмента имеют возможность взаимодействовать с деловыми партнерами из разных стран, с разными культурами, в соответствии с которыми люди ориентируются на принятые системы ценностей, руководствуются зачастую взаимоисключающими принципами, правилами, стереотипами.. Данная возможность стала положительным результатом глобализации и это породило научный и практический интерес к межкультурной коммуникации. Опыт включения в межкультурную коммуникацию позволяет не только формировать положительный опыт взаимодействия с людьми других культур и национальностей, но и влияет на формирование социально-значимых качеств личности.

Основоположник межкультурной коммуникации Э. Холл подразумевал под ее преподаванием межкультурное обучение, основывающееся на практическом использовании фактов межкультурного общения людей, возникающих при непосредственных контактах с носителями других культур. Учебный процесс он понимал как процесс анализа конкретных примеров межкультурного общения, в результате которого расширяется межкультурная компетенция обучающихся и преодолеваются трудности в повседневном общении с людьми из другой культуры. Данные основы межкультурного обучения актуальны по сей день.

При этом значимость культурологической составляющей родного и иностранного языков возрастает. При изучении иностранного языка происходит постижение, осознание нового, появляется картина многообразия культур и их взаимодействия, человек не только открывает новый мир, новую культуру. Изучая иностранный язык в контексте полилога культур, студенты и учащиеся познают богатства культурного наследия не только стран изучаемого языка, но и своей страны. То есть, в ходе изучения иностранного языка обучаемый постоянно «встречается» с новой, ранее неведомой ему культурой, которую он невольно начинает сравнивать с родной. Этот новый мир коренным образом отличается от привычного для обучающегося взгляда на жизнь, от системы норм и ценностей, устоявшихся в родном языке.

Встреча людей – это встреча культур, которые представлены своими носителями, а в силу этого возможны недоразумения. Уже с самого начала изучающий иностранный язык человек сталкивается с различиями в грамматической, фонетической системах родного и иностранного языков (фонемы, формы падежей, порядок слов в предложении и т. д.), которые постигаются и преодолеваются на начальных ступенях обучения. Гораздо труднее для учащегося постичь различия межкультурного характера, этнопсихологические различия, которые мешают процессу коммуникации.

Понятия «межкультурное обучение», «межкультурная коммуникация», «межкультурное воспитание» становятся общеупотребительными, начиная с 80-х гг. прошлого столетия. Европейская педагогическая наука в 80-е годы XX века основной целью и ведущим принципом обучения для всех учебных предметов определила «межкультурное обучение». Например в Германии, эта концепция получила название «Ausländerpädagogik» и подразумевает осознание того факта, что мультикультурализм Европы – не преходящее состояние, и, соответственно, межкультурную ориентацию учебных предметов. Суть этих изменений – привить учащимся уважительное отношение как к иностранному языку, так и к системе ценностей, присущей носителю данного языка, с опорой на принцип равноценности различных культур [2]. Бесспорно утверждение, что изучение иностранного языка – не самоцель, главным мотивом изучения любого иностранного языка является желание познакомиться с культурой, которая находит свое выражение в этом языке, хотя, несомненно, английский язык все чаще изучают, руководствуясь практическими соображениями, так как на сегодняшний день это ведущий язык делового взаимодействия.

Знание иностранного языка для специалиста – необходимое условие профессионализма, позволяющее ему работать с информацией, доступной мировому сообществу. Однако владение иностранным языком (иноязычным кодом), позволяющим успешно осуществлять межкультурное профессиональное взаимодействие, предполагает овладение и профессионально-значимыми концептами иноязычной культуры, определяющими специфику общественного и делового поведения, детерминированного влиянием исторических традиций и обычаев, образа жизни и т.п. Знать, что говорит другой человек и понимать его – не одно и то же. Чисто техническое отсутствие языкового барьера не является достаточной предпосылкой для преодоления

барьера культурного. Оно не ведёт автоматически к владению стратегиями и навыками, необходимыми для преодоления этого барьера, направленными на уважение партнера по коммуникации и позволяющими вывести на один уровень успешного диалога различные поведенческие и установочные нормы. Лингвосоциопсихологические и культурологические знания об иноязычном социуме, создающие широкий контекст межкультурного общения, формируют перцептивную готовность к эффективному межкультурному общению и, следовательно, к международному профессиональному сотрудничеству.

Следовательно, будущий экономист или менеджер должен обладать коммуникационной готовностью, определяемой умением общаться на иностранном языке, так как современные руководители предприятий придают особое значение таким качествам выпускников вузов экономического профиля, как умение разговаривать на иностранном языке со знанием традиций и образа мыслей партнеров по профессиональным контактам.

Список литературы

1. Бердичевский, А. Современные тенденции в обучении иностранному языку в Европе [Текст] / А. Бердичевский // Русский язык за рубежом. – 2002. - № 2. – С. 60–65.
2. Носачева, Е. А. Межкультурное образование как проблема педагогической науки Европейского союза [Электронный ресурс] / Е. А. Носачева. – <http://www.eduhmao.ru/info/1/3811/24313/>
3. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов [Текст] / под. ред. А.П. Садохина. – М. : Юнити-Дана, 2003. – 352 с.

List of literature

1. Berdichevskij, A. Sovremennye tendencii v obuchenii inostrannomu jazyku v Evrope [Tekst] / A. Berdichevskij // Russkij jazyk za rubezhom. – 2002. - № 2. – S. 60–65.
2. Nosacheva, E. A. Mezhhul'turnoe obrazovanie kak problema pedagogicheskoi nauki Evropejskogo sojuza [Elektronnyj resurs] / E. A. Nosacheva. – <http://www.eduhmao.ru/info/1/3811/24313/>
3. Osnovy mezhhul'turnoj kommunikacii: uchebnik dlja vuzov [Tekst] / pod.red. A.P. Sadohina. – M. :Juniti-Dana, 2003. – 352 s.

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА КАК ОСНОВА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

А. А. Яковлев

В статье приведена попытка анализа основных понятий теории перевода как основы его преподавания. Рассматриваются основные характеристики концепции преподавания перевода, объединяющей данные различных наук.

Ключевые слова: перевод, теория перевода, преподавание перевода.

Уже не первое десятилетие ведётся бурная дискуссия о том, что теория и практика перевода существуют в параллельных плоскостях, почти никак не соприкасаясь друг с другом. Современное переводоведение до сих пор основывается на «классических» теориях, появившихся несколько десятилетий назад. И далее попыток существенной модификации этих теорий предпринято не было. На основе анализа основных теоретических положений «классических» теорий можно сделать вывод относительно того, какие из этих положений наиболее удачно могут быть использованы при попытке создания теории или концепции преподавания перевода.

Начнём с того, что понимается под собственно переводом, ведь именно четкое определение понятия перевода должно предшествовать ответу на вопросы «чему и как учить?», ответить на которые должна теория преподавания перевода.

В. Н. Комиссаров определяет перевод как особый вид соотносительного функционирования языков [4. С. 37]. «...Коммуникативная равноценность текстов... представляет собой явление объективное, отражающее универсальные свойства языка как единого общечеловеческого средства обмена мыслями (курсив наш – А. Я.)» [Там же]. Отсюда следует, что перевод осуществляется (или может осуществляться) и без участия переводчика как субъекта речевой деятельности, да и вообще без человека, так как системы языков, обладая некоторым универсальным свойством, соотносятся друг с другом, давая таким образом рождение тексту перевода.

Схожие выводы можно сделать из идей А. Д. Швейцера [7. С. 41], а также из цитируемых им суждений И. И. Рецкера и В. Ю. Розенц-

вейга, которые говорили о переходе от одной системы знаков к другой [7. С. 38].

Среди «классических» теорий существует и иной подход к переводу. Л. С. Бархударов толкует перевод как «...процесс замены речевого произведения (текста) на одном языке речевым произведением (текстом) на другом языке...» [1; 3]. Практически то же самое высказывают, например, Ю. Найда и Дж. Кэтфорд (см.: [8. С. 20]). «Перевод заключается в воспроизведении на языке Рецептора наиболее близкого и точного (подходящего) варианта исходного сообщения...» [9. С. 12].

Все эти точки зрения сводятся к двум. Согласно первой, перевод суть соотношение (или соотнесённое функционирование) систем двух языков. Причем ни один автор не берётся говорить о характере и механизме такого соотношения языков. Вторая точка зрения исходит из презумпции завершенности перевода. Если перевод суть замена одного текста другим, то этот второй текст *уже имеется*, нужно лишь одно поставить на место другого. Тогда сам процесс перевода (создания текста перевода) попросту элиминируется и не рассматривается.

Ни одна из этих общих трактовок перевода не может быть положена в основу стройной концепции преподавания перевода, так как в первом подходе к переводу, как уже указывалось, не остаётся места для переводчика, во втором подходе – места самому процессу перевода.

Оставим, однако, пока в стороне вопрос о сущности перевода и предположим, что можно учить сразу технике (или техникам) перевода, не вдаваясь подробно в анализ его онтологической сущности. Возникает тогда вопрос: что является теми «единицами», владение которыми обеспечит умение переводить? По-видимому, такими «единицами» являются переводческие трансформации. Но в таком случае они должны рассматриваться именно как приёмы перевода, а не как происходящие помимо воли переводчика изменения. Анализ обоих этих точек зрения на трансформации дан в статье А. Г. Витренко, в которой автор высказывается за обучение студентов трансформациям как целенаправленным действиям [2]. Понимание трансформаций как «естественные изменения» вследствие асимметрии языковых систем [3. С. 366] не может соответствовать цели обучения переводу, поэтому такие трактовки мы рассматривать не будем. Однако даже те авторы, которые понимают трансформации как действия переводчика, ориентируются в основном на план выражения (см., например: [5. С. 172; 6. С. 4]), но переводу, как известно, под-

вергается именно план содержания, а не выражения. Такая ориентация может научить лишь подставлять одни слова вместо других, но никак не работать с содержанием текста, выражать его иными средствами. К тому же это несколько искажает понимание сущности перевода: перевод редуцируется к комплексу трансформаций, перевода как такового нет, есть только трансформации.

Из приведённого анализа явствует несостоятельность «классических» теорий и моделей как теоретико-методологических основ преподавания перевода. На базе существующих и считающихся актуальными и поныне теорий невозможно создать сколько-нибудь четкую и непротиворечивую концепцию преподавания перевода. По-видимому, причина этого кроется в том, что «классические» теории изначально исходили из неопределяемых и неопределимых категорий и понятий. Такое положение будет неизбежно способствовать отрыву теории от практики, существованию их в разных плоскостях.

Для преодоления этих противоречий наиболее продуктивным мы считаем создание интегративной концепции преподавания перевода. Такая концепция должна исходить из понимания языковых средств именно как *средств* перевода, для этого в неё должны быть включены соответствующие положения функциональной грамматики. Данные психолингвистики в преподавании перевода соответствуют трактовке языка и, в частности, слова как *достояния индивида*, а не как самобытной системы знаков. Ориентация на содержание может получить развитие в свете контенсивной типологии языков. Из таких наук, как психология и философия интегративная концепция преподавания перевода почерпнула бы направленность на общее развитие мышления и личности.

Только объединением усилий различных научных направлений можно выйти из тупика, в котором находится сейчас теория перевода, и создать теоретически обоснованный подход к преподаванию перевода. К тому же создание такого подхода выгодно и для самой теории перевода, так как способен внести ясность в определения содержания основных понятий переводоведения.

Список литературы

1. Бархударов, Л. С. Уровни языковой иерархии и перевод [Текст] / Л. С. Бархударов // Тетради переводчика. – Вып. 6.

List of literature

1. Barhudarov, L. S. Urovni jazykovej ierarhii i perevod [Tekst] / L. S. Barhudarov // Tetradi perevodchika. – Vyp. 6. – M.

- М. : Междунар. отнош., 1969. – С. 3–12.
2. Витренко, А. Г. Надо ли учить переводческим трансформациям? [Текст] / А. Г. Витренко // Вестник МГЛУ. – 2004. – Вып. 488. – С.90–106
3. Гарбовский, Н. К. Теория перевода: учебник [Текст] / Н. К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
4. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода В. Н. Комиссаров. – М. : Международные отношения, 1980. – 166 с.
5. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
6. Миньяр-Белоручев, Р. К. Общая теория перевода и устный перевод [Текст] / Миньяр-Белоручев. – М., 1980. – 237 с.
7. Швейцер, А. Д. Возможна ли общая теория перевода? [Текст] / А. Д. Швейцер // Тетради переводчика. – Вып. 7. – М. : Международные отношения, 1970. – С. 35–46.
8. Catford, J. C. A Linguistic Theory of Translation [Текст] / J. C. Catford. – Oxford : Oxford University Press, 1965.
9. Nida, E. A. Toward a Science of Translating. With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating [Текст] / E. A. Nida. – Leiden : Brill, 1964. – 331 p.
- :Mezhdunar. otnosh., 1969. – С. 3–12.
2. Vitrenko, A. G. Nado li učit' perevodcheskim transformacijam? [Tekst] / A. G. Vitrenko // Vestnik MGLU. – 2004. – Vyp. 488. – S.90–106
3. Garbovskij, N. K. Teorija perevoda: uchebnik [Tekst] / N. K. Garbovskij. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. – 544 s.
4. Komissarov, V. N. Lingvistika perevoda V. N. Komissarov. – M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1980. – 166 s.
5. Komissarov, V. N. Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Tekst] / V. N. Komissarov. – M. :Vyssh. shk., 1990. – 253 s.
6. Min'jar-Beloručev, R. K. Obwaja teorija perevoda i ustnyj perevod [Tekst] / Min'jar-Beloručev. – M. : Voenizdat, 1980. – 237 s.
7. Shvejcer, A. D. Vozmozhna li obwaja teorija perevoda? [Tekst] / A. D. Shvejcer // Tetradi perevodchika. – Vyp. 7. – M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1970. – С. 35–46.
8. Catford, J. C. A Linguistic Theory of Translation [Tekst] / J. C. Catford. – Oxford : Oxford University Press, 1965.
9. Nida, E. A. Toward a Science of Translating. With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating [Tekst] / E. A. Nida. – Leiden : Brill, 1964. – 331 p.

ABSTRACTS

Abramova E. V. About Labial Consonants of Modern Dutch Language and Their Comparison with Labial Consonants of the Russian Language.

This paper is devoted to arguable issues of labial consonants of modern Dutch language, the description of specific features of labial phonemes by Russian researches as well as by foreign linguists and its comparison with labial consonants of the Russian language .

Keywords: phonology, comparative analyses, labial consonants.

Ananina M. A. Stylistic Function of Syntactic Convergence.

The article deals with the problem of syntactic convergence, which combining with such stylistic devices as enumeration, parallelism, anaphora and other types of repetition, metaphor and epithet, gives the effect of stylistic foregrounding. The stylistic function of this expressive means is studied on the example from the book by Ch. Dickens “DavidCopperfield”.

Keywords: syntactic convergence, stylistic convergence, ellipsis, syntactic compression, superphrase unit.

Andryushchenko E. A. Linguistic Means of Expression of Image “Alien” in Military Discourse (on the material of British mass-media).

The article deals with linguistic reflection of the opposition “alien – not alien” in British mass media. Special emphasis is put to the component of mentioned category – to the “alien” in war discourse. The author describes stylistic, syntactic means and takes the modality of utterances into consideration.

Keywords: «alien» image, tropes, syntactic figures, imperative and non-imperative constructions.

Anisimova I. N. Semantic Originality of Lexemes-Adjectives Functioning in Descriptions of the Nature at M.J. Lermontov’s.

The article contains the analysis of semantics of the adjectives which are a part of landscape descriptions of texts of Lermontov is given.

Keywords: lexeme-adjective, the landscape description, Lermontov.

Antipova E. A. Professional Communication in Service Sphere (comparing trade and education).

This article is about speech behavior of the professional in sphere of rendering of services, on an example of comparison of educational and

commercial spheres, to the term “service”, to its various understanding and use.

Keywords: speech behavior, commercial sphere, educational sphere, service, educational service, the professional in sphere of services

Bobykina I. A. Strategy Self-education as a Component of the Maintenance of Formation of Culture Self-education.

In article strategy self-education which realization promotes culture formation self-education the student at training to a foreign language in high school are considered

Keywords: strategy, self-education activity, culture of self-education, formation speaking another language.

Borunov A. B. Functions of Low-Stylistic Words in Fiction Literature (on the material of modern American novels).

This article deals with the peculiarities of the slang, vulgar and jargon words usage and their functions in the belles-lettres style. The works of modern American writers were taken as the analyzed data.

Keywords: vulgarism, slang, words of lower stylistic tone, modern American novels.

Burnaeva K. A. Associative Field as the Way of Modeling Speech Consciousness Fragment.

The given article is devoted to the question of modeling associative fields as an instrument of verbalization of national speech consciousness of an individual. Associative field allows to verbalize a complex fixed system which is a definite final result of mental activity of a person characterizing national specifics of its organization.

Keywords: verbalization, associative field, associative experiment, national world view, consciousness, subconsciousness.

Gayvoronskaya-Kantomirova A. The Semantic Space of the Category Cold in Varlam Shalamov's Art

Texts of the Colyma theme make the base of Varlam Shalamov's art. The exact semantics of the freedom's restriction and the geographical “extremity” of the locus report an endless variety of unique colours to the category Cold. Cold becomes not only the sign of the permafrost's areal, but its main characteristic, connected not only with physiological feelings, but with printing of the Colyma “picture” on the internal, non-material human's world.

Keywords: Varlam Shalamov, the semantic category, the art context, the Colyma space, cold, frost, ice, permafrost, blood, pain, death, rebirth, memory.

Gazizulina L. R. Peculiarities of Nomination of Basic Layer of Variant of Concept VIOLENCE in American Ethnic Conceptosphere.

The article is based on the results of the associative experiment carried out with the participation of American informants. The aim of the work is to synthesize the basal layer of the concept VIOLENCE in American conceptosphere.

Keywords: associative experiment, basal layer, concept.

Fyodorova K. L. Phraseological Units with Components-Meteonims “Rain” in Russian and English Language.

The article is devoted to the description of phraseological units with components-meteonims “rain” in Russian and English language.

Keywords: phraseological units, linguoculturology, meteonim.

Jandalieva E. Yu. To the Question of Gender Peculiarities in Communicative Behaviour of Men and Women (on the materials of German language)

The article deals with some peculiarities of male and female speech, which appear by using certain language means and different styles of communicative behavior and which can cause misunderstanding between two sexes.

Keywords: style of communicative behavior, language register, cooperativity, indirection.

Dyakova A. A. Basic Characteristics of Functional Types of Judicial Texts Adopted to the Conditions of Media Discourse.

The article identifies three functional types of texts derived from the adaptation of texts of law to the conditions of media discourse, and discusses their main characteristics.

Keywords: text adoption, media discourse, judicial discourse, personal deixis.

Gilenko N. V. Personality-Oriented Technologies in Foreign Language Teaching.

The article deals with personality oriented approach in language teaching and new educational technologies: Cooperative learning, Mod-

ule learning, Projects, Critical Thinking Development through Reading and Writing and Mastery learning.

Keywords: personality-oriented technologies, cooperative learning, module learning, projects, mastery learning.

Khadgaeva N. Kh. Lingvoculturological Aspect of Appearance in the Language of Sociolect Vocabulary.

The national culture can be considered as a system which is made of set of vectors of cultural subsystems development one of which is represented by language. For today in respect of supervision over language evolution a great interest and attention is paid to sociolect as it can be considered as a collective language interpretation of culture. In this article I tried to sort out linguistic culturological aspect of sociolectal lexis.

Keywords: linguoculturology, sociolect, national culture.

Kunusova A. N. Image of Cafe “Florian” in the Context of Russian Poetic Venetian of the 20th Century.

This article represents one of the most important images of the Russian Venetian text of the Russian Literature of XX century – cafe “Florian”.

Keywords: the Russian Venetian poetry of XX century, the image, E. Rein, N. Berberova

Leontieva K. I. Process Heuristics of Poetry Translation: Interpretational Component and the Category of Translation Harmony.

Poetry translation is analyzed as the process of creative reconstruction of the linguo-conceptual author’s programme in the form of the translator’s idioprojection, generated in the interpretation space. Their asymmetry is valued on the base of such criterion as translation harmony and depends on the degree of linguo-cognitive similarity between the author and the translator.

Keywords: poetry translation; interpretation; idioprojection; interpretation space; translation harmony.

Matskevich K. O. Technology of Intensive Foreign Language Teaching in High School.

In this article we consider the technologies of intensive teaching of foreign languages in senior school: cooperative learning and European language portfolio. Also we take into consideration the practical using of immersion method into the language environment. The immersion meth-

od supposes the disconnection with the traditional methods. Cooperative learning provides the constant opportunity to involve everybody in the synergies. The main aim of the European language portfolio is to evaluate the knowledge of students. These intensive technologies assist in effective mastering of the material for the short period of time.

Keywords: The intensive teaching, the technologies of intensive teaching, cooperative learning, European language portfolio.

Poluyachtova S. V. Concept of Cross-cultural Foreign Language Teaching in High Economic Education.

Teaching professional English to future economists can be realized in the framework of intercultural education. The goal of the concept is the development of intercultural competence in the process of intercultural communication. This helps to develop a polycultural personality, able to systematically analyze the reality, having a humanitarian competence and holistic vision of the world. These qualities are quite important for any specialist in modern socio-economic situation.

Keywords: intercultural education, higher education, intercultural communication, economic education, teaching foreign languages.

Tyurikova N. A. Units of Document Texts Fixing Approach.

This article is devoted to problems of the lexicographic presentation of the document objects, components/ Determined the dependence of qualitative characteristics of document texts from structure of its units.

Keywords: document text, documental competence, the document speech process, fixing approach, vocabulary of document texts.

Yakovlev A. A. Translation Theory as the Basis of Its Teaching.

The article describes an attempt to analyze the main concepts of the theory of translation as a basis of its teaching. The text considers the main characteristics of the translation teaching conception which integrates the materials of different sciences.

Keywords: translation, translation theory, translation teaching.

Verginskaya I. V. Conceptual Sign of Comic Contrast in Fiction Discourse.

In this article the mechanism of description of conceptual sign of comic contrast is probed on material of British artistic discourse.

Keywords: conceptual sign of comic contrast, endogenous characteristic, exogenous characteristic, comic description.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипова Елена Александровна – аспирант кафедры теории языка Челябинского государственного университета; учитель русского языка и литературы МОУ «СОШ № 21».

a-elena-a@list.ru

Абрамова Евгения Викторовна – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного Инженерно-Экономического университета.

janex@mail.ru

Ананьина Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Института лингвистики Российского государственного профессионально-педагогического университета.

AnaninaMA@yandex.ru

Андрющенко Екатерина Алексеевна – аспирант Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.

ankate57@yandex.ru

Анисимова Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова».

anirin82@mail.ru

Бобыкина Ирина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета.

454000, ул. Бр. Кашириных, 129.

bia974@mail.ru

Борунов Артем Борисович – преподаватель кафедры иностранных языков Муромского института (филиал) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.
borunov.artem@yandex.ru

Бурнаева Ксения Андреевна – аспирант Амурского государственного гуманитарно-педагогического университета.
kse4077@yandex.ru

Вержинская Инна Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Оренбургского государственного педагогического университета.
460844, Оренбург, ул. Советская, 19.
iva_10@mail.ru

Газизулина Лилия Рустемовна – преподаватель кафедры иностранных языков Казанского государственного медицинского университета.
420012, Казань, ул. Бутлерова 49.
gazizulina78@mail.ru

Гайворонская-Кантомирова Анна Николаевна – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы МОУ «Городищенская СОШ №3 с углубленным изучением отдельных предметов».
ankant2007@yandex.ru

Джандалиева Екатерина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета.
400005, Волгоград, пр. им. Ленина, 28.
katya_dzhandalie@mail.ru

Дьякова Анастасия Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного социально-педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
twinsi@mail.ru

Жиленко Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Муромского института (фили-

ал) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.
inyaz@yandex.ru

Кунусова Алина Нагиевна – аспирант кафедры русской литературы Астраханского государственного университета; Департамента американистики, иберистики и славистики Венецианского университета Ca' Foscari

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
a.kunusova@gmail.com

Леонтьева Ксения Ивановна – преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, аспирант Академии права и управления.

kсенja_leontieva@mail.ru

Мацкевич Ксения Олеговна - преподаватель кафедры иностранных языков Муромского института (филиал) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.
Senya_88@bk.ru

Полуяхтова Светлана Викторовна – ассистент кафедры иностранных языков Нижнетагильского технологического института (филиала) Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
poluyakhtova@mail.ru

Тюрикова Наталия Анатольевна – аспирант, специалист по УМР кафедра документной лингвистики и документоведения Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
jaroslavo4ka@gmail.com

Фёдорова Ксения Леонидовна – аспирант филологического факультета Курганского государственного университета, главный

специалист аналитического отдела аппарата Курганской областной Думы, г. Курган.

[_avril@list.ru](mailto:avril@list.ru)

Хаджаева Надия Хафизовна – ассистент кафедры английского языка и технического перевода ЕИ и ФМИ Астраханского государственного университета.

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.

honey-nadya@mail.ru

Яковлев Андрей Александрович – кандидат филологических наук, учитель средней общеобразовательной школы № 14

mr.koloboque@rambler.ru